ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛИЗМ XXI

Общественно-политический журнал

№12 октябрь 2021

К 30-летию Августовского путча и окончания Перестройки

Борис Славин

Григорий Водолазов

Владимир Калашников

Михаил Котельников

Эмиль Рудык, Виктор Букреев

Александр Бузгалин, Андрей Колганов

Леонард Косичев

Константин Щербаков

Борис Гуселетов

Борис Романов и др.

ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛИЗМ XXI

Редакционная коллегия

СЛАВИН Б.Ф. Главный редактор

БАБИЧ Д.О.

ВАСИНА Л.Л.

ВОДОЛАЗОВ Г.Г. Зам. глав. ред.

ВОЕЙКОВ М.И.

ДЗАРАСОВ Р.С.

КОТЕЛЬНИКОВ М.Е. Зам. глав. ред.

КУЗНЕЦОВ М.И.

МАСЛОВ В.Н.

МАХЛАЕВ А.В.

НИКОВСКАЯ Л.И.

ОБОЛЕНСКИЙ А.М.

ПЕТРОВ А.А.

ПАВЕЛЬЕВ Д.Д. (отв. секретарь)

ПОТАПОВА С.Р.

РОМАНОВ Б.С.

РУДЫК Э.Н.

СТРАТИЕВСКИЙ Д.В. (ФРГ)

ТОЩЕНКО Ж.Т.

ШАРАКШАНЭ С.А.

ЭПШТЕЙН Д.Б.

Основные рубрики

ИДЕОЛОГИЯ

ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИИ

ЭКОНОМИКА

АНАЛИТИКА

СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

НАУКА И КУЛЬТУРА

ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ЗА РУБЕЖОМ

ВЕСТИ ИЗ РЕГИОНОВ

ДИСКУССИИ

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ

ОБЗОР НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Электронный адрес редакции:

socialdemocracyxxi@gmail.com

Адрес в Интернете:

social-democracy.ru

© Редакция журнала «Демократия и социализм XXI»

Содержание

ИСТОРИЯ: К 30-летию АВГУСТОВСКОГО ПУТЧА И ОКОНЧАНИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

Борис СЛАВИН. О падении СССР и советской модели социализма.....4

Владимир КАЛАШНИКОВ. Историки Русской революции о причинах краха СССР и советского строя.....24

ПОЛИТИКА

Борис РОМАНОВ. Россия: выборы с заранее предсказуемым результатом.....41

Борис ГУСЕЛЕТОВ. Итоги парламентских выборов в Германии.....44

Дмитрий СТРАТИЕВСКИЙ. Победа СДПГ на выборах в Бундестаг 2021 г. Кампания, результаты, начало коалиционных переговоров.....56

ИДЕОЛОГИЯ

Григорий ВОДОЛАЗОВ. Ленинское наследие: вода живая и мёртвая.....64

Михаил КОТЕЛЬНИКОВ. Эрозия и рецидивы марксистской ортодоксии в теоретических построениях «правого» коммуниста Н.И. Бухарина.....104

ЭКОНОМИКА

Виктор БУКРЕЕВ, Эмиль РУДЫК. Труд и власть в доктринах христианских конфессий.....123

Александр БУЗГАЛИН, Андрей КОЛГАНОВ. Планирование в экономике XXI века: Творчески используя наследие СССР (к 100-летию Госплана СССР)».....133

КУЛЬТУРА

Константин ЩЕРБАКОВ. Из книги «А топор плывёт».....159

ЭССЕ

Леонард КОСИЧЕВ. Сальвадор Альенде – марксист и масон.....176

Игорь КУДРИН. На родине Дона Кихота.....194

ПИСЬМА

Дмитрий ПАВЛОВ. Последний пароход.....205

НАШИ АВТОРЫ.....208

Требования к предоставляемым материалам.....210

ИСТОРИЯ: К 30-летию АВГУСТОВСКОГО ПУТЧА И ОКОНЧАНИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

Борис СЛАВИН

О падении СССР и советской модели социализма

(Историко-философские заметки)

Нельзя понять вопрос о падении СССР, не затронув проблемы понимания истории вообще и советской истории, в частности. Казалось, это известные и во многом решенные проблемы, но каждый раз они возникают, при изучении и трактовке наиболее значимых вопросов в жизни людей и истории целых стран и народов.

Кто же непосредственно творит историю? Человек, с его силами, талантами и заблуждениями, или некие высшие сущности не подвластные людям? Только вожди, или массы простых тружеников? Эти и другие подобные вопросы при каждом новом повороте истории требуют новых конкретных ответов.

Инициаторы устранения единой страны

Поводом для возникновения данных вопросов для меня стали современные рассуждения одного из известных «беловежских сидельцев», а именно бывшего президента Украины Леонида Кравчука, который в год 30-летия ГКЧП сказал по телевидению о том, что якобы никто не устранял СССР: «он сам себя похоронил».

Напомню, эти слова произнес человек, который 7 декабря 1991 года на вопрос Б. Ельцина о том, подпишет ли он проект договора о сохранении обновленного Союза, подготовленный М. Горбачевым в рамках Новоогаревского процесса, решительно ответил: - «Нет: не подпишу!».

В итоге в Беловежской пуще за основу обсуждения вопроса об исторической судьбе Советского союза был принят, совершенно иной документ, текст которого подготовили и привезли с собой также Б. Ельцин и его команда. Именно этот новый текст коллективно обсуждался и дорабатывался президентами трех республик: Беларуси, России и Украины. Он был принят и подписан ими 8 декабря 1991 года. Вот, что говорилось в его преамбуле: «Республика Беларусь, Российская

Федерация (РСФСР) и Украина как государства - учредители Союза ССР, подписавшие Союзный Договор 1922 года, констатировали, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает своё существование»[1].

В этой связи стоит напомнить, что еще на Мартовском общесоюзном референдуме 1991 года, за сохранение «СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик» проголосовало 76,3% участвующего в референдуме взрослого населения страны. Несмотря на это, президенты трех вышеназванных республик в тайне подготовили и подписали договор, который после его ратификации фактически упразднил СССР, создав вместо него новое политическое образование, названное «Содружеством Независимых государств (СНГ)». Отсюда следует одно: Союз ССР сам себя «не хоронил»: это сделали вполне реальные и известные всем руководители 3-х союзных республик Ст. Шушкевич, Б. Ельцин и Л. Кравчук.

Именно эти руководители трех союзных республик простым росчерком пера устранили небывалое ранее единое интернациональное государство СССР, возникшее в советской истории в 1922 году[2]. Напомню, это было уникальное государство, которое в XX веке вышло из недр Великой Октябрьской социалистической революции и ожесточенной гражданской войны. Оно, объединив на основе общих экономических и социальных интересов разные нации и народности, сумело одержать победу над самой реакционной силой человечества – фашизмом, а его граждане, создав неповторимую советскую культуру и передовую науку, первыми в мире послали человека в Космос.

К сожалению, явно забыв об этом, в сжатые сроки к «Беловежскому соглашению» присоединилось большинство бывших союзных республик (за исключением 3-х прибалтийских). При этом их решения принимались не только политическими лидерами: они утверждались абсолютным большинством депутатов Верховных советов этих республик. Сравнительно спокойно приняли их и рядовые граждане.

1См.: «Соглашение о создании Содружества Независимых государств» docs. cntd.ru› document / 1900745

2 Опрос ВЦИОМ, который проводился весной этого года, показал, что 67% россиян жалеет о распаде Советского Союза. Опрос как раз проводился на тему, как россияне воспринимают события 1991 года. Также, по данным ВЦИОМ, 73 процента опрошенных заявили, что проголосовали бы за сохранение СССР. Еще один опрос независимого «Левада-Центра» (Минюстом РФ признан иноагентом) показал, что 75 процентов считают советскую эпоху лучшей в истории страны. См.: Страна и мир 19 Августа 2021 г

Так, по сути дела, началась новейшая, уже постсоветская, история этих государств с их острыми социальными противоречиями и национальными проблемами, органически присущими странам, вставшими на путь капиталистического развития. В итоге, за три десятилетия существования СНГ не удалось создать содружество народов подобное СССР. Как известно, из СНГ в 2009 году полностью вышла Грузия, после госпереворота 2014 года усилились противоречия между Украиной и Россией, а в 2018 году Украина начала процесс выхода из СНГ. После падения СССР ухудшились отношения между Азербайджаном и Арменией, Молдовой и Россией, и т. д. К сожалению, и сегодня СНГ переживает не лучшие времена.

Основные участники политической борьбы

Однако вернемся ко времени, когда в СССР возник глубокий политический кризис, связанный с известным историческим событием под названием «Августовский путч ГКЧП», ставший одной из причин падения некогда великой страны. Именно тогда, на мой взгляд, выявились основные политические силы, борьба которых и привела к исчезновения СССР. Какие же это были силы?

Прежде всего, это были сторонники перестройки, которых возглавлял президент СССР Михаил Горбачев. Их называли «перестройщиками». Они стремились реформировать Союз путем развития широкой гласности и демократии в стране, вели принципиальную борьбу с бюрократизмом, остатками сталинизма в политике и идеологии. Они призывали к широкому использованию научно-технического прогресса в жизни общества, ограниченному допущению в экономику частной собственности и рыночных отношений. На мой взгляд, это было своеобразное возвращение к ленинской политике времен НЭПа. Во внешней политике они призывали к миру между разными странами и народами, к реальному сокращению гонки вооружений и прекращению «холодной войны».

Многое им удалось сделать на практике. Однако были у перестройщиков и серьезные ошибки, связанные с замедленным реформированием правящей партии и ее коммунистической идеологии, с непродуманными действиями в экономике, например, с известным повышением цен на хлеб, с долгим отсутствием в производстве и государственной торговле дефицитных и модных товаров массового спроса, что порождало «черный рынок», наносящий значительный ущерб планомерному развитию хозяйства в стране.

Но главное: перестройщики, будучи центристами, явно недооценили силы и возможности своих политических противников «справа» и «слева», и переоценили

позитивное отношение к перестройке со стороны многих советских граждан, включая сюда тех представителей интеллигенции, которые сначала по аналогии с хрущевской «оттепелью» называли перестройку своеобразной «весной», а затем «самолетом, который не знал куда лететь и где произвести посадку».[1]

…Со временем активными противниками политики перестройки и президента СССР стали так называемые «консерваторы» от КПСС и советского государства, которые, прикрываясь левой идеологией, выступили против политики Михаила Горбачева, готовящего утвердить в конце августа 1991 года на заседании Верховного совета СССР «Договор о сохранении СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик»[2]. Боясь, что после подобного утверждения они потеряют свои руководящие посты, заговорщики пошли на создание 18 августа 1991 года Государственного комитета по чрезвычайному положению в стране (ГКЧП). Его стратегической целью был отказ от перестройки и возвращение к до-перестроечным временам. В руководство ГКЧП вошли высшие партийные и государственные деятели страны, включая вице-президента СССР Г. Янаева, премьера В. Павлова, руководителя Госбезопасности Вл. Крючкова, министра обороны Д. Язова, секретаря ЦК КПСС О. Шенина и др.

Именно они, под видом борьбы с негативными сторонами политики перестройки, решились на государственный переворот, изолировав Михаила Горбачева на госдаче в Форосе. При этом они сразу совершили подлог, публично объявив президента СССР «больным человеком» и, следовательно, не способным «по состоянию здоровья» руководить страной. В результате они полностью лишили его связи с центром и контроля над «ядерным чемоданчиком». Исполнять обязанности Президента СССР на время чрезвычайной ситуации в стране взял на себя вице-президент Геннадий Янаев, который считал, что основной целью создания ГКЧП является недопущение принятия Верховным советом СССР договора о сохранении обновленного Союза, что, по его мнению, было бы равносильно ликвидации СССР. Однако, как уже отмечалось, в итоге это сделали

1 Сравнение времени перестройки с самолетом принадлежит известному писателю Ю. Бондареву, который был искренним поклонником политики Сталина и противником политики М. Горбачева.

2 Окончательная редакция этого Договора была опубликована в газете «Правда» 15 августа 1991 г. По мнению политического советника Президента России Сергея Станкевича это был Союзный договор, который мог стать основой для структуры, сравнимой по уровню интеграции с тем, что сегодня есть в Европейском союзе, и даже превосходящей его. В нем говорилось об общей внешней политике, общей армии, валюте с единым эмиссионным центром, а также предполагалась общая конституция, в которой будет прописано право выхода из Союза. Документы были парафированы, и осталось их только торжественно подписать 20 августа 1991 года.

(т.е. ликвидировали Союз) не Михаил Горбачев и его сторонники, а «беловежские сидельцы» в лице президентов России, Украины и Беларуси.

Что касается руководителей ГКЧП, то они, приехав в Форос без вызова Президента СССР, сначала пытались заставить его перейти на их сторону. Получив отказ, они явно растерялись и стали допускать одну ошибку за другой, вплоть до введения танков в столицу, где происходили в то время массовые митинги в поддержку президента России Б. Ельцина, отдавшего приказ освободить М. Горбачева из «форосского пленения» и арестовать гэкачепистов. Позднее они были осуждены на различные тюремные сроки.

Успешное сопротивление путчистам со стороны российских граждан и военных, перешедших на сторону народа, их конечная победа над заговорщиками полностью развязала руки Б. Ельцину, который в глазах его многочисленных сторонников превратился в своеобразного «спасителя единой страны». В свою очередь, деятельность путчистов резко ослабила политическую позицию Президента СССР и его сторонников. При этом «правые» с каждым днем усиливались, а сторонники перестройки теряли почву под ногами. Это наблюдение подтверждалось массовым выходом из КПСС ее членов.

Уже вскоре Б. Ельцин стал буквально навязывать Президенту СССР свои кадровые изменения не только в российском, но и союзном масштабе, требовать от М. Горбачева отказа не только от политики перестройки, но и от её социалистической направленности. В этой связи он не случайно ещё до путча говорил о том, что «Россия сделала свой окончательный выбор. Она не пойдет по пути социализма, она не пойдет по пути коммунизма, она пойдет по цивилизованному пути, который прошли Соединенные Штаты Америки»[1]. Кстати, в таком же русле выступал тогда и вице-президент РСФСР А. Руцкой, говоря: «… Или мы должны начать жить, как живет весь цивилизованный мир, или будем по-прежнему называть себя социалистическим выбором и коммунистической перспективой, и жить в этом обществе как скоты»[2]. Напомню: эти слова произносил человек, который прилетел в Форос, чтобы вывести из плена главного демократического реформатора страны Михаила Горбачева. Правда, позднее, исходя из развития политической ситуации в стране, связанной, в частности, с политическим противостоянием президента России и парламента, он стал корректировать свои идеологические предпочтения.

1 См.: «Правда», 9 июля, 1991 г.

2 См.: You Tube.30 лет ГКЧП. Августовский путч1991. Как это было? Исторический анализ.

Сказанное во многом объясняет, почему под противниками перестройки «справа» я понимаю, прежде всего, сторонников руководства России, возглавляемого Борисом Ельциным, публично провозгласившего в 1990 году курс на ликвидацию социалистического характера перестройки и решительного сближения с буржуазными силами Запада, которые, как правило, были заинтересованы в ослаблении Коммунистической партии и «союзного центра».

Особенно это стало очевидным после публичного выхода Бориса Ельцина из КПСС и поражения ГКЧП. Вот что в этой связи писал 23 августа 1991 года итальянский журналист Джульетто Кьеза, ставший свидетелем встречи М. Горбачева с депутатами Верховного совета РСФСР, которую инициировал Б. Ельцин: «…Это было только началом невероятного, небывалого зрелища, которое всем следовало бы хорошенько осмыслить. «Не думаете ли вы, – напирает один из депутатов, – что социализм необходимо в СССР запретить, а Коммунистическую партию распустить, поскольку это преступная организация?». Президент (Горбачев – Б.С.) встает на дыбы: «Но ведь это вариант крестового похода... Социализм – это убеждение, а мы с вами провозгласили право на свободу мнений и плюрализм. Никто не имеет права поставить под сомнение эту свободу. Это было бы введением еще одной утопии и охотой за ведьмами». Он пытается сдержать себя: «В Коммунистической партии миллионы честных людей, которых нельзя объединять с путчистами». Но Ельцин подписывает указ о прекращении деятельности Компартии и объявляет о том, что здание Центрального Комитета КПСС опечатано.

Призыв к «единству демократических сил», с которым Горбачев обратился к залу, и его предложение «не преподносить подарка консервативным силам» падают как в пустоту. Победители хотят получить все»[1].

…Этот сюжет, на мой взгляд, наглядно иллюстрирует поведение «правых», которые далеко не случайно призывали голосовать еще на Мартовском референдуме 1991 года «против» сохранения Советского союза и его левой интернациональной политики.

Напомню, в оппозиции к М. Горбачеву и его процессу демократического обновления Советского Союза тогда относились не только ближайшие сторонники Б.Ельцина из депутатского корпуса Верховного совета РСФСР, но и радикальные либералы из партии «Демократическая Россия» и, в частности, такие известные

1 См.: ВИКИ. Статья Августовский путч. См. также: You Tube.Встреча и беседа Михаила Горбачева с депутатами Верховного совета РСФСР 23 августа 1991 г.

общественные деятели из группы «Независимой гражданской инициативы» как историк Ю. Афанасьев, философ В. Библер, жена академика Андрея Сахарова Е. Боннэр и др. Все они трактовали события 19-21 августа не только – как организованный отпор гэкачепистам со стороны Б. Ельцина, но как своеобразную «Августовскую революцию» против стремления «коммунистической клики повернуть историю вспять», как «существенную сторону краха коммунистического режима и проявление в принципе прогрессивной тенденции[1]». Аналогичную позицию высказывал и писатель А. Солженицын в письме к Б. Ельцину 30 августа 1991 года: «Горжусь, что русские люди нашли в себе силу отбросить самый вцепчивый и долголетний тоталитарный режим на Земле».

Борис Ельцин как воинствующий антикоммунист

Очевидно, что эти и подобные им взгляды не только подогревали негативное отношение ряда российских граждан к политике М. Горбачева, продолжающего бороться за сохранение и демократическое обновление СССР, но прямо способствовали нарастанию у самого Б. Ельцина радикальных антикоммунистических идей и взглядов, которые он публично озвучил позднее в своем малоизвестном выступлении в Конгрессе США 17 июня 1992 года, т.е. через несколько месяцев после роспуска СССР. Приведу в этой связи для доказательства лишь несколько строчек из этого выступления: «Мир может вздохнуть спокойно. Коммунистический идол, который сеял повсюду на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, рухнул. Рухнул навсегда. И я здесь для того, чтобы заверить вас: на нашей земле мы не дадим ему воскреснуть[2]». Показательно, что эти слова вызвали у конгрессменов США настоящую овацию.

Из содержания этого выступления становится совершенно ясным, что эволюция взглядов бывшего ортодоксального коммуниста и кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС Бориса Ельцина определялась не столько его неприятием личности Михаила Горбачева, сколько социалистическими взглядами последнего, от которых руководитель Союза никогда не отказывался[3]. Более того, после Августовского путча Б. Ельцин буквально стал воинствующим антикоммунистом, который уже не хотел видеть никакой «советскости» или «социалистичности» в

1См.: Августовский путч. Летопись событий. Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев фонд).

2См. данное выступление на Ютубе.

3Об этом он, в частности, публично заявил на пресс-конференции сразу после возвращения из Фороса, а также на указанной выше встрече с депутатами Верховного совета РСФСР.

основании будущего обновленного Союза. Отсюда же вытекало и его нежелание единого «федерального», или «конфедерального» союзного государства, которое ему предлагал М. Горбачев в финале Новоогаревского процесса.

Как самолюбивый и властный человек, Борис Ельцин всегда хотел одного: единолично управлять новой и уже во многом буржуазной Россией, чуждой всяких левых идей и соответствующих идеологических построений. Это особенно наглядно проявилось в проекте образования СНГ, который, как уже отмечалось, он предложил взять за основу при принятии «Беловежских соглашений».

Идейные и политические метаморфозы президента России Бориса Ельцина в итоге губительно сказались на исторической судьбе Советского союза, который был устранен «беловежскими сидельцами». Знаменательно, что первым, кто узнал об этом глобальном историческом событии, был не президент СССР Михаил Горбачев, а американский президент Джордж Буш, которому сразу после подписания «Беловежских соглашений» позвонил Борис Ельцин, сказав о том, что СССР как реальности больше не существует.

Этот странный с этической точки зрения факт, конечно, сразу возмутил еще действующего союзного президента Михаила Горбачева, но его справедливое возмущение, к сожалению, не привело к решительным действиям по изоляции непосредственных виновников ликвидации СССР. Более того, по его мнению, которое он позднее озвучил, такая акция могла бы породить новую гражданскую войну, чего он как президент Союза не хотел и не мог допустить[1].

Конец и значение перестройки

В итоге, после официальной ратификации Беловежских соглашений республиканскими парламентами, ему оставалось только одно: публично сложить с себя обязанности президента некогда великой страны, начавшей впервые в истории человечества трудный и противоречивый переход к социалистическому обществу. Он это и сделал 25 декабря 1991 года в своем телевизионном обращении к гражданам страны. Вот некоторые значимые фрагменты этого публичного обращения:

Дорогие соотечественники! Сограждане!

1 Позднее М. Горбачев говорил: «Ситуация тогда выглядела так. И надо было даже таким способом, прямо скажем, тяжелым и для меня, и для всех, реагировать… По сути дела, начала раскалываться страна, и партия, и все. И дело, так сказать, могло вернуться в гражданскую войну». Пученков Александр Сергеевич. Августовский путч 1991 г.; взгляд на события из здания ЦК (по показаниям очевидцев). Новейшая история.М.2019 г. Т.9, №2.

В силу сложившейся ситуации с образованием Содружества Независимых Государств я прекращаю свою деятельность на посту Президента СССР.

Принимаю это решение по принципиальным соображениям.

Я твердо выступал за самостоятельность, независимость народов, за суверенитет республик. Но одновременно и за сохранение союзного государства, целостности страны.

События пошли по другому пути. Возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства, с чем я не могу согласиться…

Выступая перед вами в последний раз в качестве Президента СССР, считаю нужным высказать свою оценку пройденного с 1985 года пути…

Судьба так распорядилась, что, когда я оказался во главе государства, уже было ясно, что со страной неладно…

Причина была уже видна – общество задыхалось в тисках командно-бюрократической системы…

Надо было кардинально все менять…

Процесс обновления страны и коренных перемен в мировом сообществе оказался куда более сложным, чем можно было предположить. Однако то, что сделано, должно быть оценено по достоинству.

- Общество получило свободу, раскрепостилось политически и духовно. И это самое главное завоевание, которое мы до конца еще не осознали;

- Ликвидирована тоталитарная система, лишившая страну возможности давно стать благополучной и процветающей;

- Совершен прорыв на пути демократических преобразований. Реальными стали свободные выборы, свобода печати, религиозные свободы, представительные органы власти, многопартийность. Права человека были признаны высшим принципом;

- Началось движение к многоукладной экономике, утверждается равноправие всех форм собственности. В рамках земельной реформы стало возрождаться крестьянство, появилось фермерство, миллионы гектаров земли отдаются сельским жителям, горожанам. Узаконена экономическая свобода производителя, и начали набирать силу предпринимательство, акционирование, приватизация.

- Поворачивая экономику к рынку, важно помнить – делается это ради человека. В это трудное время все должно быть сделано для его социальной защиты, особенно это касается стариков и детей.

Мы живем в новом мире:

- Покончено с "холодной войной", остановлена гонка вооружений и безумная милитаризация страны, изуродовавшая нашу экономику, общественное сознание и мораль. Снята угроза мировой войны…

- Мы открылись миру, оказались от вмешательства в чужие дела, от использования войск за пределами страны. И нам ответили доверием, солидарностью и уважением.

- Мы стали одним из главных оплотов по переустройству современной цивилизации на мирных, демократических началах.

- Народы, нации получили реальную свободу выбора пути своего самоопределения. Поиски демократического реформирования многонационального государства вывели нас к порогу заключения нового Союзного договора.

Все эти изменения потребовали огромного напряжения, проходили в острой борьбе, при нарастающем сопротивлении сил старого, отживавшего, реакционного – и прежних партийно-государственных структур, и хозяйственного аппарата, да и наших привычек, идеологических предрассудков, уравнительной и иждивенческой психологии…

…Августовский путч довел общий кризис до предельной черты. Самое губительное в этом кризисе – распад государственности. И сегодня меня тревожит потеря нашими людьми гражданства великой страны – последствия могут оказаться очень тяжелыми для всех.

Жизненно важным мне представляется сохранить демократические завоевания последних лет. Они выстраданы всей нашей историей, нашим трагически опытом. От них нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах и ни под каким предлогом. В противном случае все надежды на лучшее будут похоронены.

Обо всем этом я говорю честно и прямо. Это мой моральный долг.

Сегодня хочу выразить признательность всем гражданам, которые поддержали политику обновления, включились в осуществление демократических реформ…

…Я покидаю свой пост с тревогой. Но и с надеждой, с верой в вас, в вашу мудрость и силу духа. Мы наследники великой цивилизации, и сейчас от всех и каждого зависит, чтобы она возродилась к новой современной и достойной жизни…

Хочу от всей души поблагодарить тех, кто в эти годы вместе со мной стоял за правовое и доброе дело...

Желаю всем вам всего самого доброго» [1].

Так драматически закончилась перестройка, идеи и достижения которой были первой в истории попыткой создать реальное социалистическое общество с демократическим и гуманным лицом.

С окончанием перестройки и последующим распадом некогда единой советской страны Россия вступила на путь становления периферийного капитализма с его господством частнособственнических отношений, глубоким социальным расслоением людей, непрекращающимися национальными и политическими конфликтами внутри страны и за рубежом.

(Далее я в качестве Приложения предлагаю читателю написанный ранее материал, связанный с темой данной статьи.)

О причинах падения советской модели социализма

С окончанием перестройки прекратился и первый в истории социалистический эксперимент. Он безжалостно показал, что рожденная в рамках страны национальная модель реального социализма не смогла выдержать конкуренции с мировой системой капитализма. Причины этого еще полностью не осмыслены, но уже понятно, что строители нового общества не сумели сделать то, что должны были сделать по требованию марксистской науки. В частности, они не смогли на деле реализовать ленинские критерии социалистичности, связанные с достижением «наивысшей по миру производительности труда», обеспечить на этой основе более высокий, чем на Западе жизненный уровень народа, добиться всеобщей демократии и самоуправления трудящихся, своевременно отказаться от тех догм советской идеологии, которые нередко воспроизводили ложную картину реальной действительности. Но главное: они не сделали своим основным приоритетом формирование свободной и творческой личности, как необходимого условия полного освобождения и развития советского общества.

1 Горбачев, М., Жизнь и реформы, в 2-х т., т. 1, Москва 1995, с. 5-8.

С моей точки зрения, политической причиной падения социализма в СССР было отчуждение правящей Коммунистической партии от народа, связанное, в частности, с отказом коммунистов от «партмаксимума» и нарастанием незаслуженных привилегий правящей номенклатуры: появление различных «спецбуфетов», «спецбольниц», «спецсанаторий» и т.п.[1]. В итоге, она не смогла осуществить свои стратегические цели, связанные с созданием и длительным функционирования полноценного демократического и социалистического общества, как исторического преддверия коммунизма.

Тем не менее, как говорится, «еще не вечер». Проигрыш битвы за социалистические и коммунистические идеалы в отдельно взятой стране еще не означает проигрыша всей всемирно-исторической кампании за реализацию этих идеалов. Мировая история в этом смысле не может успокоиться, пока не осуществит все заложенные в ней возможности создания свободного и справедливого общества.

В первую очередь это относится и к историческим судьбам тех народов, которые образовали в свое время Советский Союз. К сожалению, до сих пор механизм и причины его разрушения во многом не осмыслены историками, философами и политиками. Постараемся понять эту проблему в первом приближении.

Разумеется, ответ на этот вопрос зависит от понимания истории, вообще, и советской истории, в частности. Так, на одной из конференций, посвященных теме перестройки в Российской академии наук, один из выступавших говорил о том, что историю человечества следует рассматривать как закономерный результат осуществления двух вневременных «проектов»: «прагматического» Запада и «фундаменталистского» Востока. При этом первому географическому полюсу приписывалось такое свойство как объединение народов и государств, а другому – их распад. Как будто в свое время не распадалась Великая Римская империя, и не существовали сотни лет не менее великие Восточные империи, объединяющие в себе десятки стран и народов. В рамках такого подхода совершенно непонятно, как не прагматичные китайцы могли в прошлом открыть порох, а арабы преуспеть в математике, и как прагматические немцы могли создать такие фундаментальные философские системы, как системы Канта и Гегеля.

1 Достаточно в этой связи напомнить, что после фактического запрета КПСС и организованного суда над ней, ни один трудовой коллектив, ни одна партийная ячейка не выступили в ее защиту.

Мы считаем подобный подход сугубо абстрактным, ибо он ведет к субъективистской интерпретации любых явлений истории и сравнивать совершенно не сравнимые исторические величины прошлого и настоящего. Например, находить прагматизм, присущий Западу, в захватнических войнах Ивана Грозного и отказывать в прагматизме большевикам, исповедующим западное марксистское учение, не замечать существенных различий и даже противоречий у таких представителей Запада как европейцы и американцы, и игнорировать то общее, что есть у тех же американцев и современных японцев. Как известно, многие новейшие марки автомобилей сегодня создаются совместными усилиями американо-японских компаний.

На самом деле историей движет, конечно, не извечная борьба Востока и Запада, Юга и Севера, а конкретная борьба людей, объединенных в малые и большие социальные группы с их классовыми интересами и идеалами, с их психикой, национальными и религиозными верованиями. Не понимая этого, мы не поймем, зачем, например, понадобилось Ивану Грозному создавать Опричнину в борьбе с боярами, а большевикам, вопреки их известной идеи о всеобщем вооружении народа, создать регулярную Красную Армию в борьбе с белогвардейцами

На наш взгляд, чтобы понять историю, нужно, прежде всего, понять те социальные силы, которые ее определяют и движут. Только тогда мы можем выработать объективную точку зрения на исторический процесс. Только тогда мы поймем историю Советского Союза и историю перестройки. В этой связи, если мы сразу обратимся к истории Советского Союза и прямо поставим вопросы: почему распался Советский Союз и кто в этом виноват? То ответы на эти вопросы следует искать не в абстрактных отношениях Запада и Востока, а в конкретных исторических фактах, связанных с генезисом Советского Союза в 20-е годы, с соотношением социально-политических сил в период перестройки, наконец, с объективной оценкой деятельности так называемых «беловежских сидельцев», которые упразднили Союз в конце 1991 года.

Скажем откровенно, история для нас не есть фатальный результат действия неких «железных законов» бытия, или никому неизвестных вне -человеческих и мистических сил. Она, на наш взгляд, всегда есть результат деятельности конкретных людей, основных социальных групп, классов и их политических лидеров. В борьбе этих людей, групп и классов всегда и осуществлялся процесс истории, вообще, и советской истории, в частности.

Стратегии основных борющихся сил

Как уже отмечалось, в годы перестройки столкнулись между собой три основные социальные силы и соответственно три разные политические стратегии, которые определили ее историю, ход и исход. Это, прежде всего, инициаторы Перестройки, которые открыто объявили свою стратегию общественного развития в середине 1980-х годов. Суть её была кратко высказана Михаилом Горбачевым в разговоре с лидером чешских коммунистов Зденеком Млынаржем в следующих словах: «*Мы хотели в рамках социалистического выбора обустроить, демократизировать и очеловечить страну»*.

Это была, по сути дела, стратегия демократического обновления советской системы, созданной в начале двадцатых годов в СССР. Следует отметить, что эту стратегию сначала поддержала основная масса советского народа. Не случайно, поэт Евтушенко сказал в то время, что мы все в партии «Перестройка». Идеи демократизации, дебюрократизаци и гуманизации общества были тогда очень актуальны. После XX съезда КПСС их фактически разделяло абсолютное большинство граждан Советского союза.

Вторая стратегия, которая была реализована во время Августовского путча его инициаторами и участниками, выражала их стремление вернуться к доперестроечным временам: к брежневским, или еще дальше - к сталинским. За ними стояли разного рода поклонники Сталина, не принявшие в свое время хрущевскую «оттепель», часть партийно-государственной номенклатуры, не заинтересованной в демократизации общества и некоторые представители силовых структур под руководством председателя КГБ Владимира Крючкова и министра обороны, маршала Дмитрия Язова.

Наконец, третья стратегия сложилась в годы перестройки. Ее представлял Борис Ельцин и поддерживающие его радикальные группы интеллигенции, в основном либерального толка. Их нередко называют «демократами первой волны». Это они провозгласили лозунг: «Хватит социалистического эксперимента, пора переходить к капитализму!». За эту новую стратегию Б. Ельцин вел неустанную борьбу с союзным Центром во главе с М. Горбачевым. Он решительно отрицал необходимость сохранения СССР, стимулировал выход из него прибалтийских республик, всячески стремился подчинить союзные структуры российской власти.

Эти противоположные силы открыто столкнулись в начале 90-х годов. Августовский путч был своеобразным апогеем этого столкновения. За три дня

этого путча произошли три своеобразных поворота истории. Первый поворот, осуществленный силами ГКЧП, стремился вернуть страну назад – к доперестроечным временам. Второй поворот связан с активным сопротивлением гэкачепистам со стороны различных демократических сил, куда вошли демократы, либералы и левые разного толка. Все они сказали: «Нет ГКЧП: назад дороги нет!» и солидарно выступили против путчистов.

Наконец, третий поворот истории был совершен сторонниками Б. Ельцина, которые на спине народного сопротивления гэкачепистам, фактически захватили всю полноту власти в СССР. Пока М. Горбачев находился в Форосе, Б. Ельцин стал радикально переделывать советскую страну. Он отказался от социалистического выбора, приостановил деятельность компартии, перевел фактически все важнейшие госучреждения союзного значения в подчинении России, наконец, как уже отмечалось, начал на практике осуществлять переход к капитализму, о котором он заявлял еще до путча при посещении США в июле 1991 года.

В итоге, своеобразный социал-демократический вариант Перестройки, который осуществляла горбачевская команда, был остановлен. Не случайно М. Горбачеву, вернувшемуся из Фороса, прямо сказали, что он «приехал в другую страну». Однако, он не терял надежды и пытался дальше проводить в жизнь стратегию перестройки, ориентированную на социалистические и демократические ценности. В частности, он сразу по приезде в Москву заявил о том, что никогда не скрывал своих позиций и является «убежденным приверженцем социалистической идеи»[1]. Отсюда его последовательное стремление продолжить демократические преобразования, включая борьбу за возвращение союзных министерств из подчинения российской власти, за доведение до конца экономической реформы и утверждение нового союзного договора.

Наблюдая все это, соратник Б. Ельцина и Госсекретарь РСФСР Г. Бурбулис писал находящемуся на отдыхе Президенту России о том, что М. Горбачев возвращает назад в свое подчинение союзные структуры власти и что с этим надо что-то делать. Позднее в соответствующей аналитической записке он будет доказывать необходимость ликвидации всех союзных структур власти для осуществления радикальных реформ. Во многом отсюда родилась конкретная идея об устранении М. Горбачева от власти путем ликвидации Советского Союза.

1 Правда.22 августа 1991 г.

Это и было сделано в Беловежской пуще 8 декабря 1991 года, когда три человека, высшие руководители трех бывших союзных республик России, Украины и Белоруссии, собравшись вместе, подписали документ о роспуске Союза. Как говорили тогда: «метя в Горбачева, они попали в Советский Союз». Именно эти политики являются главными виновниками ликвидации некогда великой державы. Благодаря их разрушительной деятельности, в стране возникла трагедия двадцати миллионов простых русских людей, в одночасье оказавшихся вне своей родины, или по разные стороны границ со своими близкими и родными. Повторю еще раз: документы, подписанные в Беловежье, полностью противоречили итогам Мартовского референдума 1991 года и лишь Всесоюзный съезд мог узаконить подобную акцию. Но это не было сделано. Участники этого исторического и трагического действа В. Фокин и С. Шахрай говорили, что после подписания документа о роспуске Союза у одних его участников наступило облегчение, а у других появился неосознанный страх за содеянное. Не правда ли, любопытные свидетельства?

Сегодня некоторые ангажированные политики и исследователи считают, что никаких конкретных виновников развала Союза не было, вообще. Все было предопределено свыше некими «объективными законами», т. е. Союз якобы распался сам, как распадается перезрелый плод. Как уже отмечалось, подобный фатализм в подходе к историческим явлениям, совершенно не пригоден для понимания их сути. Исторические явления отличаются от природных процессов тем, что они рукотворны, т. е. делаются людьми: ими создаются и ими уничтожаются. Это относится и к рождению Советского союза в 1922 году, и к его устранению в конце 1991 года. Все, кто устранял СССР - подлежат суду истории. Думаю, что подобный беспристрастный суд еще впереди.

Кто же несет ответственность за развал Союза?

Те, кто непосредственно участвовал в устранении Союза, сегодня всячески пытаются идейно закамуфлировать свою разрушительную акцию. Они либо всё сваливают на М. Горбачева, пытавшегося реформировать Союз, либо говорят, что существовали некие стихийные, от их воли независящие объективные предпосылки его распада. На самом деле истина конкретна. Если мы посмотрим на живую историю, то мы поймем, что помимо конкретных действий «беловежских сидельцев», Союз был надломлен действием двух важнейших исторических факторов. Прежде всего, фундаменталистскими силами, которые инициировали путч, с одной стороны, и теми радикалами, которые, воспользовавшись победой

демократических сил над путчистами, пришли на их спине к власти. Эти две противоположные силы (путчисты, звавшие к доперестроечным временам и радикальные либералы, требовавшие покончить с социалистическим экспериментом), изолировав перестройщиков, подготовили политические условия развала Союза. В этой связи не случайно Александр Зиновьевписал, что «в августе 1991 года было одновременно два путча. Один путч фиктивный, и реальный путч, который был возглавлен Ельциным[1]».

Почему М. Горбачев пытался реформировать Союз? Был ли он виноват в его развале и упразднении КПСС? На мой взгляд, реформация Союза и его развал – две вещи разные. «После того», не значит «вследствие того». Как показали межнациональные конфликты на Кавказе, в Казахстане и других союзных республиках в то время, обновление Союза было исторически необходимым процессом. Эта необходимость была связана с той интернациональной моделью организации Союза, которая была в 20-е годы заложена Лениным, требовавшего добровольного и интернационального подхода в организации Союза равноправных республик. К сожалению, позднее Сталин, протащил в организацию и функционирование Советского Союза великодержавную идею «автономизации», в которой центр полностью господствует над периферией, и где Союзные республики практически во всех вопросах подчиняются центру. Как известно, такая модель рождала многие злоупотребления в национальном вопросе, начиная с проявлений национализма в руководстве отдельных республик и кончая незаконными массовыми репрессиями и депортациями целых народов в годы Отечественной войны. Чтобы искоренить подобные исторические явления нужен был не отказ от Союза, а его демократическое реформирование.

Демократизация советского общества, начатая перестройкой, сразу обнажила национальные проблемы во всей их сложности и глубине. В это время центробежные тенденции становятся фактом реальной жизни. Чтобы остановить эти процессы и было предпринято обновление Союза, которое должно было завершиться новым Союзным договором, однако путч сорвал этот процесс, а «беловежские сидельцы» поставили на нем окончательный крест. Такова прозрачная историческая правда. Отсюда и ответ на вопрос, виноват ли М. Горбачев в развале Союза? Его можно винить только в одном, почему он не арестовал тех, кто заседал в Беловежской пуще и подписал Соглашение о роспуске Союза: общесоюзный референдум о сохранении и обновлении СССР

1 См.: ВИКИ. Статья Августовский путч.

давал ему на это полное право. Но как говорил сам М.Горбачев, тогда была бы гражданская война, ибо маршал Е.Шапошников, перейдя на сторону Ельцина, уже ему не подчинялся. Этот тезис, как мне представляется, достаточно спорен и нуждается в дополнительном исследовании. Вовсе не обязательно, что советский народ и его армия встали бы на защиту беловежских упразднителей единого Союза. Нельзя сбрасывать со счетов и такой факт, как стремительная ратификация Беловежских соглашений парламентом России и парламентами других бывших союзных республик.

Еще один важный методологический вопрос. Была ли необходимость и реальная возможность сохранения Советского Союза или нет? Сторонники Б. Ельцина и его сподвижники по Беловежью, конечно, считают, что нет, не была. По их логике крушение СССР было прямым следствием «советского тоталитарного режима власти». В частности, этой догмы придерживался в свое время академик и партийный функционер Александр Яковлев, который считал, что советская система сгнила и «проржавела» настолько, что ее можно было только разрушить. Я думаю, прямо противоположным образом. Считаю, что факт шестилетних перестроечных преобразований говорит об обратном: перестройка полностью покончила с остатками тоталитаризма, оставшихся от сталинской эпохи. Она дала столько демократических преобразований, которых не было за многие годы советской власти. В этой связи достаточно напомнить, что в перестроечное время существовали пять оппозиционных программ на ТВ, свободно выходили оппозиционные журналы и газеты, действовали сотни общественных организаций и самодеятельных объединений. *Демократические преобразования перестройщиков были настолько радикальны, что удалось отменить цензуру, добиться альтернативных выборов, начать движение к многопартийности и т.д. Свободы тогда было намного больше, чем до перестройки и больше, чем сегодня. О чем это говорит? О том, что советская система была реформируема. И эта реформация была результатом деятельности людей - сторонников перестройки.*

Хочу напомнить, что в первые годы перестройки ее сторонники составляли абсолютное большинство. Автор данной статьи помнит, когда он увидел лидера государства, который начал говорить о необходимости борьбы с бюрократизмом и командной системой, для него совершенно стало ясно, на чью сторону следует переходить. Тогда многие устали от бюрократизма, от произвола партийно-хозяйственной номенклатуры. Интеллигенция требовало свободы слова и

творчества, рабочие хотели лучших условий труда, крестьянство желало одного: быть подлинным хозяином на земле. И перестройка шла навстречу этим требованиям. Она дала свободу слова, издала закон о трудовом коллективе, разрешила арендные отношения и фермерство на земле. Она доказала главное – модель демократического социализма, или «социализма с человеческим лицом» вполне реальна.

Вместе с тем, перестройщики не избежали ошибок. Главные из них, на мой взгляд, связаны с упущением экономических и финансовых вопросов, с явным запозданием реформы правящей партии. Экономические трудности, возникшие в последние годы перестройки резко сузили социальную базу ее поддержки. Материальные трудности заставили в конечном счете даже интеллигенцию качнуться в противоположную от реформаторов сторону и пополнить ряды, с одной стороны, консерваторов и фундаменталистов, с другой, неолибералов и радикальных демократов из окружения Ельцина. В партии также резко усилились противники перестройки, которые и организовали в августе 1991 года путч, остановивший перестройку.

Отсюда же следует рассматривать роль КПСС и самого М. Горбачева в этом историческом процессе. Вот, в частности, как он в то время отвечал на данный вопрос. Как известно, бывшие соратники М. Горбачева обвинили его в предательстве КПСС, когда он 24 августа 1991 г. сложил с себя обязанности Генерального секретаря ЦК КПСС. Сам М. Горбачев объяснял данную акцию так: «Секретариат, Политбюро ЦК КПСС не выступили против государственного переворота. Центральный Комитет не сумел занять решительную позицию осуждения и противодействия, не поднял коммунистов на борьбу против попрания конституционной законности». При этом он публично высказал уверенность в том, что «демократически настроенные коммунисты, сохранившие верность конституционной законности, курсу на обновление общества, выступят за создание на новой основе партии, способной вместе со всеми прогрессивными силами активно включиться в продолжение коренных демократических преобразований в интересах людей труда[1]». Хорошая идея, но, к сожалению, мы до сих пор не имеем дееспособной левой партии, которая могла бы возглавить процесс социалистического обновления российского общества.

Путч еще раз показал, что никаких «железных законов» в истории нет. История есть результат деятельности людей. Или, как говорил классик, одни

1 См.: Российская газета. 1991. 27 августа.

делают историю головой и руками, другие «задним умом» и соответствующим «задним местом». Говорят, что история не любит сослагательного наклонения. А напрасно: в истории всегда есть место альтернативам, «иное» всегда возможно. Была ли альтернатива роспуску СССР? Конечно, была: она, в частности, содержалось в Новоогаревском проекте обновленного Союза, парафированным большинством руководителей союзных республик. Если бы в Беловежской Пуще не распустили Союз, он мог бы еще долго существовать, но уже в новой обновленной, демократической форме.

Суммируя сказанное выше, отметим следующее: Сталин во многом создал тоталитарную федерацию, из которой рвались республики и народы. Поэтому выход был один - реформировать Советский Союз таким образом, чтобы дать свободу республикам и сохранить Союз. То, о чем говорил Ленин, и что провозглашалось в проекте обновленного Союзного договора: «сильные республики и сильный центр». Другого выхода не было. Все остальное было хуже. Сегодня мы это хорошо понимаем.

Тем не менее, не следует отчаиваться. Как говорил Гегель, со временем «разум истории, должен пробить себе дорогу через неразумение». Уверен: рано или поздно это случится, и мы вернемся, к новому свободному и демократическому объединению народов на пространстве прежнего Советского Союза.

Владимир КАЛАШНИКОВ

Историки Русской революции о причинах краха СССР и советского строя

По сложившейся традиции в Санкт-Петербурге ежегодно проводятся международные конференции, в которых принимают участие ведущие российские и зарубежные специалисты по истории Русской революции и гражданской войны в России. На каждой конференции в качестве центральной выбирается какая-либо важная историографическая проблема, связанная обычно с той или иной круглой датой. При этом участникам конференции предлагается вопросник, целью которого является выяснение их позиций по ключевым аспектам проблемы.

В 2020 году, в преддверие тридцатой годовщины демонтажа СССР, центральной темой стал взгляд историков Русской революции на историю становления, развития и гибели советского государства. Участникам были предложены 10 вопросов по трактовке основных этапов истории Советского Союза. Результаты опроса опубликованы в сборнике материалов конференции под названием «Русская революция и ее итоги: взгляд на историю советского периода»[1]. Последний десятый вопрос звучал так: ***«Был ли крах СССР и советского строя закономерен (неизбежен, представлял наиболее вероятный исход событий***)?

В этом году организаторы конференции вновь вернулись к проблеме краха СССР и поставили в качестве специальной задачу узнать: как историки Русской революции, которые уже сто лет спорят по вопросу о причинах и закономерности победы большевиков в 1917 г., ответят на вопрос о причинах и закономерности поражения наследников большевиков в 1991 г. В рамках нового опроса, посвященного оценке событий 1991 г., прежний вопрос был разбит на три, с тем чтобы определить соотношение между национальными и социальными факторами в судьбе СССР. Вопросник предлагал участникам варианты ответа и возможность представить свой вариант.

Вот как выглядели эти вопросы:

1. Был ли неизбежен распад СССР в силу многонационального состава государства?

1 Русская революция и ее итоги: взгляд на историю советского периода. СПБ. 2020.

1.1. Да, это был наиболее вероятный (закономерный) вариант, обусловленный основными трендами мирового развития («гибель империй»)

1.2. Нет, у СССР был потенциал для сохранения федеративного государственного устройства. Главную роль в судьбе страны сыграл субъективный фактор (ошибки инициаторов «Перестройки» и др.).

1.3. Иное

2. ***Была ли неизбежность гибели СССР как социалистического государства (советской модели социализма)?***

2.1. Советская модель носила тупиковый характер и не могла быть успешно реформирована

2.2. Советская модель имела хороший потенциал развития, утраченный в результате субъективных просчетов инициаторов «перестройки»

2.3. Иное

3. ***Как определить соотношение между национальными и социальными факторами в судьбе СССР?***

3.1. Национальные проблемы доминировали и сыграли главную роль в распаде СССР и тем создали возможность для ухода бывших республик СССР с социалистического пути развития

3.2. Доминирующим фактором было разочарование большинства людей в социализме как пути развития и желание «вернуться на цивилизованный путь развития»

3.3. Иное

Результаты опроса 2021 года готовятся к публикации...

В опросах участвовали историки разной идейной ориентации. Тем не менее, большинство участников отрицают неизбежность краха СССР и признают возможность трансформации старой советской модели, уже исполнившей свою роль, в нечто более совершенное. В качестве главной причины распада СССР и гибели советского строя историки называли *субъективный* фактор, отмечая при этом наличие социально-экономических и политических процессов, которые открывали возможность для победы тех сил, которые и осуществили демонтаж союзного государства и советской системы.

Полученный результат опросов не должен рассматриваться как доминирующая позиция, существующая в отечественной и тем более в зарубежной историографии по данной проблеме. Относительно узкий круг участников проведенных опросов (20 человек) не дает оснований для каких-либо общих выводов. К тому же ряд видных зарубежных историков, которые традиционно принимают участие в Санкт-Петербургской конференции по проблемам Русской революции, уклонились от ответа на вопрос о причинах гибели СССР, сославшись на то, что они не являются специалистами по истории позднего СССР и эпохи «перестройки». Необходимо отметить и тот факт, что ряд ответов носили уклончивый характер и могут быть по-разному истолкованы.

Тем не менее, акцент на субъективный фактор при ответе на вопрос о причинах краха СССР явно доминирует и не является неожиданным, поскольку историки Русской революции лучше других понимают возможность альтернативного развития событий на крутых переломах истории. В этом их убеждает изучение истории Февральской и Октябрьской революций. В 1917 году, равно как и годы гражданской войны в России, вполне реальными были иные варианты развития событий. Их исход зависел от решений, которые принимали главные «акторы» в критические моменты.

Ниже будут представлены фрагменты ответов ряда историков на поставленные вопросы и краткий комментарий к ним. Начнем с позиции самых старших по возрасту.

Г.З. Иоффе. Одним из старейших ныне живущих историков революции и Гражданской войны в России является Генрих Зиновьевич Иоффе, хорошо известный широкому читателю такими книгами как «Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов» (М.: Наука, 1995), «Белое дело. Генерал Корнилов» (М.: Наука, 1989), «Великий Октябрь и эпилог царизма» М.: Наука, 1987), «Колчаковская авантюра и её крах» (М.: Мысль, 1983) и др.

Г.З. Иоффе так ответил на вопрос о закономерности краха СССР и советской модели: «Как не было закономерным пришествие Советской модели, так не был закономерен и ее крах. В обоих случаях нужны были умные реформы, но для них нужны были и соответствующие реформаторы». Таким образом Иоффе сделал акцент на субъективный фактор как главную причину победы Октября и гибели СССР. В ходе второго опроса Иоффе уточнил свой ответ на вопрос о причинах гибели СССР: «Нет сомнения, что Советский Союз обладал потенциалом сохранения и дальнейшего развития, т.к. он был вполне самодостаточной страной. Конеч-

но, в Советском Союзе требовались определенные реформы, но – реформы, а не невнятная «перестройка», подлинный смысл и цель которой, как теперь видно, скрывались от народа». Главным социальным фактором в развале СССР историк считает интеллигенцию, которая «больше всего стремилась «цивилизоваться» на западный манер». Автор поддерживает известный тезис о том, что «перестройка» была осуществлена переродившейся верхушкой КПСС со скрытой целью ухода с социалистического пути развития.

Кратко замечу, что последний тезис – реакция Г.З. Иоффе на высказывания бывшего зав. отдела пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлева (секретаря ЦК и члена ПБ ЦК КПСС в период «перестройки»), который после 1991 г. выдвинул версию о «заговоре в верхах», чтобы поднять свою роль как сознательного могильщика советской модели социализма, видя в ней только «тоталитарный» строй. Не могу знать, что действительно думал А.Н. Яковлев до XXVIII съезда КПСС (1990), когда его не избрали даже в ЦК вследствие очевидных провалов в идеологической работе. Однако, из того, что мне известно, решусь утверждать, что М. С. Горбачев не ставил перед собой задачи демонтажа социализма. Ее не ставил никто из членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС, входивших в эти органы в 1991 г. Проблема была не в «перерождение» и не в «заговоре верхов», а в том, что в ходе реформирования старой модели социализма руководители КПСС оказались неспособными удержать контроль над ситуацией в стране.

Что касается тезиса о том, что интеллигенция была главным инструментом или «актором» развала, то он не может быть оспорен. Понятно, что речь не идет о той интеллигенции, которая искренне стремилась к реформам социалистического типа. Речь идет о тех, кто сначала скрыто, а потом открыто выступал с антисоциалистических позиций. Позиции в основном питались чувством ущемленного самолюбия (не ценят, как должно) и корыстными мотивами (на Западе получали бы много больше). Их роль в развале СССР и утрате социалистического пути развития трудно преувеличить, поскольку они влияли на более широкие слои интеллигенции, усиливая оппозиционные настроения в условиях, когда сторонникам социализма уже необходимым было единство перед угрозой утраты социалистического пути развития. Одним из итогов такой подрывной работы стала победа Б.Н. Ельцина на президентских выборах летом 1991 г., когда многие коммунисты и беспартийные сторонники социализма отдали за него голос, не видя в нем главного инструмента демонтажа СССР.

В. В. Шелохаев. К историкам старшего поколения принадлежит и Валентин Валентинович Шелохаев, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, автор таких известных книг по истории российского либерализма, как «Либерализм в России в начале XX века» (М., 2019); «Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции» (М., 2015); «Партия кадетов в период первой российской революции» (М.,1987).

В книгах, написанных в постсоветский период, автор не скрывает симпатии к либерализму, что формирует и его отношение к истории Русской революции, которое, впрочем, носит подчеркнуто нейтральный характер. Историк не считает возможным ставить вопрос о том, было ли то или иное важное событие необходимым или случайным. Отвечая на вопрос о необходимости «советской модели» развития с точки зрения коренных задач, стоявших перед Россией в конкретных условиях XX века, Шелохаев писал: «Обсуждать постфактум вопрос - нужно или не нужно было это делать - затея совершенно бесперспективная. Задача исследователя состоит в том, чтобы оценить случившийся факт, раскрыть причины, к нему приведшие, а не строить те или иные догадки о его необходимости или случайности». С этих же позиций автор подходит и к ответу на вопрос о закономерности краха СССР в 1991 г.: «Исторический процесс альтернативен и многомерен, поэтому говорить о какой-то закономерности и тем более неизбежности реализации лишь одного варианта бесперспективно».

Из приведенных высказываний следует, что автор отрицает тезис о закономерности и тем более неизбежности краха СССР и советской модели социализма. В этом аспекте его позиция близка позиции Г.З.Иоффе.

«Если бы советские руководители, – пишет Шелохаев, – оказались способными разработать новую модель развития страны и предложить ее обществу, то, обладая мощными материальными и природными ресурсами, разветвленным аппаратом управления и контроля, а также умело используя лояльность режиму подавляющего большинства населения, приученного за столетия к государственному патернализму, к ожиданию благодеяний со стороны государства, вполне могла бы сложиться иная ситуация». Историк прямо говорит о неспособности М.С. Горбачева разработать новую модель развития, и при этом связывает его неспособность не столько с конкретной личностью инициатора реформ, но и с сущностью «политического режима», который затруднял формирование лидеров, способных решить стоявшие задачи: «Суть проблемы (применительно, в данном случае, и к России, и к СССР) состоит не в наличии или отсутствии материальных ресурсов

(их было и есть больше, чем достаточно), не в самом многонациональном российском народе, который физически вынослив, трудолюбив и патриотичен, ни в наличие или отсутствии гениальных людей их в России и СССР было много), а, прежде всего, в сущности политических режимов (будь-то самодержавие или народовластие), в наличии политических лидеров, способных продуцировать новые идеи, созвучные вызовам эпохи».

Разделяя в целом вышеприведенную трактовку причин краха СССР, не могу согласиться с тезисом о бесперспективности постановки вопроса о необходимости (закономерности) того или иного события в заведомо альтернативной истории. Эту позицию разделяют многие западные историки либерального толка, с иронией упрекавших советских историков в приверженности к понятию «закономерность». Однако изучение западной историографией уже давно убедило меня в том, что во многих случаях эта ирония носила нарочитый характер и обусловлена идеологическими, а не гносеологическими мотивами, поскольку принципиальное отличие либеральной идеологии от марксистской состоит в отрицании закономерности в истории. Реальная история дает постоянные доказательства обратного. Трудно оспорить тот факт, что одни события идут в русле доминирующего тренда, обусловленного доминирующими процессами, и в этом смысле именно они закономерны, а другие события обусловлены процессами, которые носят вторичный, побочный или затухающий характер. На практике закономерность исторических событий, как правило, раскрывается их объективной возможностью и необходимостью для решения каких-либо ключевых проблем, поставленных историей в тот или иной момент перед тем или иным народом или государством. Закономерно то, что, с одной стороны, необходимо, а с другой – реально с точки зрения наличия объективных условий. Приведем самоочевидный пример: была ли необходимой отмена крепостного права в России в середине XIX века? Трудно ее отрицать, равно как и то, что эта необходимость могла быть реализовано в разное время и разными способами. Как известно, в истмате закономерность и необходимость не равны неизбежности события в конкретный момент. Это разные категории.

Историки Русской революции прекрасно знают, что применительно к трактовке истории Октября ключевыми являются следующие вопросы: диктовала ли геополитическая ситуация в мире, сложившаяся в начале XX века, необходимость *форсированного* социально-экономического и культурного развития России (модернизационного рывка) как условия сохранения ее целостности и независимости? Могла ли обеспечить такой рывок модель буржуазного развития? Ответы на

эти вопросы дают ответ на вопрос об исторической необходимости прихода к власти большевиков - единственной партии, готовой строить социализм в условиях сравнительно отсталой России. После победы советского народа над фашизмом многие крупные западные историки так или иначе признали, что именно советская модель обеспечила модернизационный рывок как основу этой победы, однако в условиях «холодной войны» эта позиция была тихо задвинута в дальний угол.

Высказанные соображения по вопросу о необходимости и закономерности победы Октября имеют самое прямое отношение к вопросу о судьбе СССР: ответ на вопрос о том, могла ли модель капитализма, созданная командой Б.Н. Ельцина, обеспечить ускорение социально-экономического развития России в конце XX века, определяет ответ на вопрос о том, какой характер носил крах СССР: был ли он необходимым или исторически случайным событием. Ответ очевиден: он обусловлен итогами трех десятилетий постсоветской истории.

В. Ф. Солдатенко. Член-корреспондент АН Украины, д.и.н. Валерий Федорович Солдатенко является самым авторитетным специалистом по истории революции и гражданской войны в Украине. В своих многочисленных книгах, в том числе в четырехтомнике «Ukraina u revolyuciynu dobu» (Харків – Київ, 2008-2012) он показал специфику революции и гражданской войны на Украине как составной, но в то же время особой части общероссийского революционного процесса. На русском языке издан обобщающий однотомный вариант «В горниле революций и войн: Украина в 1917-1920 гг.» (М., 2018). На Украине, по мнению историка, социальные конфликты и процессы переплетались с национально-освободительным движением, которое приобрело характер Украинской национально-демократической революции. Логика гражданской войны и борьбы с иностранной интервенцией усилила социальный фактор и породила стремление к союзу с Россией на советской социалистической основе. Выводы историка существенно пересматривают трактовку, доминировавшую в советской историографии, и отражают взгляд исследователя, который смотрит на эти события сквозь призму современного статуса Украины как независимого государства. Тем не менее, на вопрос о закономерности краха СССР В.Ф. Солдатенко также отвечает с акцентом на решающую роль субъективного фактора: «На рубеже 80-х – 90-х гг. прошлого века судьба СССР в решающей степени зависела от субъективного фактора, точнее от настроя, поведения партийно-советского руководства. Оно оказалось не готово к серьезным испытаниям». В ходе второго опроса автор так пояснил свою позицию: «Есть основания (надежные фактологические данные-подтверждения) считать, что у Союза ССР и к концу

80-х годов XX века оставался определенный, и, в общем-то немалый потенциал для сохранения федеративного государства. Одновременно заблуждением было бы игнорировать очевидную, хотя и не критическую, тенденцию снижения наличных потенций. К последним можно отнести приобретенный преимущественно положительный опыт совместного общежития многих наций и народов, входивших в … исторически сложившееся образование».

Следует признать обоснованность вывода автора о том, что за годы пребывания в составе СССР Украина превратилась в высокоразвитую республику с хорошим потенциалом для существования как независимого государства. Однако печальная судьба постсоветской Украины говорит о том, что также как и в случае с Россией, уход с социалистического пути не открыл для большинства украинцев и для страны в целом успешного варианта развития, что служит еще одним доказательством исторической неоправданности краха Советского Союза как федеративного социалистического государства.

В.И. Голдин. Профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск) Владислав Иванович Голдин является самым крупным историографом Гражданской войны в России, автором обобщающих монографий по историографии этой эпохи, в том числе книги «Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы» (2012). Он готов рассматривать судьбу СССР в категориях закономерности, необходимости и случайности и, так же как и вышеупомянутые историки, делает акцент на субъективный фактор: «Крах СССР не был закономерен и неизбежен. Страна имела хорошие возможности, резервы и потенциал для развития. Непоправимые ошибки, допущенные руководством СССР во внутренней и внешней политике … предопределили распад и крушение СССР и социалистической системы». В рамках второго опроса эта позиция дополнена следующими пояснениями: «При известной популярности тезиса о неизбежной «гибели империй» не считаю, что он применим для объяснения в данном случае. …Не считаю СССР империей в полном смысле слова, ибо на протяжении всей его истории колоссальные средства не забирались, а, напротив, перераспределялись центром через союзный бюджет в пользу союзных республик и национальных регионов, что обеспечивало их ускоренное развитие в сопоставлении с РСФСР».

Понятно, что позицию историков старшего поколения можно при желании объяснить чувством ностальгии, воспоминаниями о молодости, которая в старости

часто идеализируется и т.п. Поэтому обратимся к ответам историков нового поколения, уже достигших научной зрелости.

В. Ж. Цветков. Профессору кафедры новейшей отечественной истории МПГУ доктору исторических наук Василию Жановичу Цветкову в 1991 г. было всего 23 года. Иными словами он формировался как исследователь уже в постсоветское время. Это сказалось и на теме научной работы. Цветков пришел в большую науку как исследователь истории белого движения в период гражданской войны и постепенно превратился в самого авторитетного специалиста по этой проблеме. Результаты исследования обобщены в солидном двухтомнике «Белое дело в России» (2019). Перу историка принадлежат две известные монографии «Генерал Алексеев» (2014) и «Адмирал Колчак», написанные с явной симпатией к этим видным деятелям белого движения. Тем не менее Цветков дает такие ответы на поставленные вопросы: «ни в коем случае крах СССР не был закономерен. Существование союза республик … на основе общих интересов и ценностей, было объективно необходимо и оправданно». Понятно, что эту позицию можно при желании объяснить присущей историкам Белого дела симпатией к лозунгу «Единая и неделимая Россия», перенесенного на СССР как наследника бывшей Российской империи. Однако такое объяснение в случае с В.Ж. Цветковым вряд ли будет достаточным. Цветков не формулирует тезиса о том, что победа белых в период гражданской войны открыла бы более перспективную возможность для развития России в условиях XX века. Он признает мощный мобилизационный потенциал, который продемонстрировала советская модель развития, а так же ее социалистическую природу, которая обеспечила единство общества в условиях форсированной модернизации: «Это было экономическое, политическое и идеологическое единство. Недостаточно прочное, как показали события, но потенциально готовое к развитию».

На наш взгляд, в позиции В.Ж. Цветкова и в ее определенной эволюции с течением времени, характерной и для ряда других историков нового поколения, важную роль играет *ретроспектива* как фактор в историческом познании. Тридцать лет постсоветского развития поставили советский опыт в иной исторический контекст, чем тот, который доминировал в сознании людей в 1991 г. Тогда многие верили в то, что государственный переворот, совершенный командой Ельцина после краха ГКЧП, открывает путь к более эффективной модели развития, а также к реальной демократии, т.е. власти, которая будет работать в интересах большинства народа. Надежды не оправдались, что влечет за собой преодоление

нигилистического отношения к советской истории. Этот тренд обусловлен и тем бесспорным фактом, что современная Россия существует как независимое государство только благодаря тому научному, культурному, экономическому и военному потенциалу, который был создан в советский период. Такая ретроспектива ставит историков перед вопросом: как можно говорить о закономерности краха СССР, если постсоветская Россия тридцать лет прожила за счет его ресурсной базы и до сих пор в стране не создана более эффективная и тем более социально справедливая модель развития?

Б.И. Колоницкий. Борис Иванович Колоницкий (д. и. н. профессор ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге) по своим взглядам может быть отнесен к историкам либерального направления. Тем не менее он так отвечает на поставленный вопрос: «Можно ли было реформировать СССР, не допустить его распада, скорректировать модель социализма? Опыт Китая показывает, что такие шансы были. Наиболее благоприятными они, наверное, были в конце 1950-х – начале 1960-х годов».

В.И. Меньковский. Вячеслав Иванович Меньковский (профессор кафедры истории России Белорусского государственного университета в Минске) весьма критически оценивал все этапы существования советской модели, ставя под сомнение ее социалистический характер. Он полагает, что «в реальности советская модель была направлена не на защиту личности, а на укрепление мощи государства и обеспечение властных привилегий правящей элиты». В то же время автор говорит о неизбежности распада Советского союза и краха советского строя только в контексте ситуации, созданной провалом ГКЧП: «В конкретной ситуации, сложившейся после попытки государственного переворота в августе 1991 г., распад Советского Союза стал неизбежен».

На наш взгляд, позиция В.И. Меньковского в оценке ситуации, сложившейся после провала ГКЧП, является слишком категоричной. Авантюрная акция, предпринятая ГКЧП, действительно открыла реальную возможность демонтажа СССР, хотя не закрыла и возможность сохранения союзного государства. Исход событий до самого последнего момента определялся субъективным фактором: главным образом действиями двух основных «акторов» того периода – Горбачева и Ельцина. Тем не менее акцент Меньковского на события августа 1991 г. также говорит о том, что главной причиной краха СССР и этот автор считает субъективный фактор: в данном случае действия членов ГКЧП.

А.С. Пученков. Одним из самых молодых участников опросов является профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук Александр Сергеевич Пученков, который в 1991 г. был еще школьником. Он с откровенностью говорит о трудности ответа на вопрос о закономерности краха СССР, но при этом подчеркивает огромный исторический потенциал и мировое влияние, которая имела советская модель: «В советское время русская цивилизация, по всей видимости, достигла высшей точки своего развития: СССР не просто был сверхдержавой, но и объектом притяжения мыслей миллионов людей и целых народов – никогда наша страна не имела столь большого количества союзников за своими пределами; военная мощь Советского Союза вызывала благоговейный трепет и восхищение у всего мира; здесь, в стране Советов, лояльному члену общества была гарантирована работа, приемлемого уровня бесплатное здравоохранение, прекрасное образование, трудоустройство, оплачиваемый ежегодный отпуск. Наконец, Советский Союз в послевоенное время в течение нескольких десятилетий успешно решал важнейшие государственные задачи: защиту суверенитета страны и последовательный рост доходов населения». В то же время историк отмечает, что «эти положительные моменты сочетались с лживой и лицемерной пропагандой, неподвижностью и косностью политической элиты. Общество устало от «застоя», как бы не относиться к этому термину, отсутствие изменений порождало ожидание перемен. Власть проглядела тот момент, когда обыватель перестал ее бояться и уважать, он устал от нее, желая радикальных подвижек во всех сферах жизни – при этом немедленно и сразу. Перемен ждали так давно и так страстно, вкладывая в них всю свою надежду, что неудачи перестройки породили у советских людей ощущение безнадежности и иррациональное желание поскорее распрощаться с коммунистическим проектом».

Пученков полагает, что «советские люди утратили идеологическую и материальную заинтересованность в существовании Союза». Такой вывод казалось бы ведет к признанию закономерности краха СССР. Однако автор далее его фактически дезавуирует, указав на тот факт, что «*в полном объеме никто*, даже, наверное, и в политической элите, в конце 1991 г. и не представлял, что Беловежье приведет к возникновению 15 отдельных, подчас почти не связанных друг с другом или же прямо враждебных государств; в прессе и в разговорах того времени, напротив, можно встретить утверждение о том, что СНГ – новая форма Союза, но без опостылевшего уже многим Горбачева». Таким образом заинтересованность в СССР без Горбачева у людей сохранялась. Распад Союзного государства был нежелан-

ной неожиданностью. Если суммировать все ответы, данные А.С. Пученковым, на поставленные вопросы, то они вновь выдвигают на первый план тезис о решающей роли субъективного фактора.

Иными словами, среди отечественных историков Русской революции и гражданской войны, принявших участие в опросе, и в старшем и в новом (постсоветском) поколении нет сторонников тезиса о закономерности краха СССР в конкретно исторических условиях эпохи «перестройки». Из историков ближнего зарубежья, украинский историк В.Ф. Солдатенко в принципе не поддерживает этот тезис, а его белорусский коллега В.И. Меньковский говорит о неизбежности краха СССР в ситуации, созданной акцией ГКЧП.

***

Обратимся к позициям двух ведущих зарубежных специалистов по истории Русской революции.

Джеффри Суэйн. Профессор Университета в Глазго Дж. Суэйн (Geoffrey Swain) наиболее известен своими двумя книгами, каждая из которых выдержала шесть изданий. Речь идет о книге «A Short History of the Russian Revolution» («Краткая история Русской революции», последнее издание вышло в 2017 г.), а также о книге «The Origins of the Russian Civil War» («Причины Гражданской войны в России», последнее издание вышло в 2013 г.). Широко известна и книга «Russia's Civil War» («Гражданская война в России», изданная в 2000 и 2008 гг.) В этих книгах Суэйн не склонен трактовать революцию в России и победу большевиков как простую случайность. В то же время он подчеркивает возможность альтернативного хода событий и в эпоху Русской революции и в годы гражданской войны. Особое внимание автор уделяет тому потенциалу, который имела так называемая «демократическая контрреволюция», представленная правыми социалистами в форме Комуча и Директории. С позиций альтернативности историк оценивает и историю довоенного и послевоенного Советского Союза, анализируя ее в книгах, посвященных Троцкому, Сталину и Хрущеву.

Отвечая на вопрос о крахе СССР в ходе опроса 2020 г. Суэйн полагал, что возможности реформирования старой советской модели в послевоенную эпоху критически снизились уже после отставки Н.С. Хрущева: «Крах неизбежен после: 1) устранения Хрущева в 1964 г. 2) укрепление неосталинизма в результате вторжения в Чехословакию в 1968 году».

В ходе опроса в этом году историк повторил свою позицию: «Неосталинская модель, созданная в годы правления Брежнева вела Советский Союз к гибели. Ре-

формы эпохи Хрущева … не вели к гибели». Таким образом, историк определяет углубляющийся кризис как доминирующий тренд уже с 1970-х гг., и поэтому главным виновником гибели СССР считает Л.И. Брежнева. Тем не менее Дж. Суэйн также связывает неизбежность краха СССР только с событиями 1991 г., полагая, что все предшествующие события при всей их опасности сами по себе не создавали реальной угрозы краха. Иными словами его позицию можно суммировать так: кризисный тренд доминировал, но крах СССР стал неизбежным только в результате событий 1991 г.

Ц. Хасегава. Американский историк японского происхождения Цуёси Хасегава является ведущим специалистом на Западе по истории Февральской революции в России. Последнее, переработанное издание его книги на эту тему вышло в 2017 г. («February revolution, Petrograd 1917: the end of the Tsarist regime»).

Автор признает альтернативность развития в истории в принципе и отстаивает тезис о возможности разных путей развития в России начала XX века. Он полагает, что Николай II, равно как и сменившее его Временное правительство имели шансы направить страну по эволюционному пути: «*я не верю, что большевистская революция была неизбежной, закономерной, как говорили советские историки*. Существовало некоторое количество альтернативных путей, особенно возможность коалиционного правительства либералов и умеренных социалистов…».

Однако в вопросе о судьбе СССР Хасегава занимает жесткую позицию и так ее аргументирует: «Распад Советского Союза был *неизбежен*. Командная экономика и однопартийная диктатура устарели и не могли более поддерживать прогресс. И *любые попытки* трансформировать систему привели бы к распаду Советского Союза».

Такая категоричность обусловлена тем, что Хасегава в отличие от многих историков в принципе считал, что «командная экономика была, по сути, неработающей системой». Он принадлежит к числу тех немногочисленных историков, которые готовы утверждать, что либеральная модель в условиях России начала XX века проявила бы большую эффективность как инструмент ускоренного развития: «Часто утверждают, что индустриализация и модернизация, чего бы они не стоили, были одним из достижений Советского Союза. Я не согласен. Если бы либеральная демократия была установлена раньше, индустриализация прошла бы без огромных затрат».

Отметим, что автор не ставит вопрос о том, сколько лет понадобилось бы буржуазной России для того, чтобы осуществить индустриализацию «без огром-

ных затрат». Он не ставит и вопросы о том, был ли необходим России в условиях XX века модернизационный рывок с точки зрения ее коренных интересов, и сколько лет было отпущено историей для совершения такого рывка.

В отличие от Суэйна, который видел потенциал реформ Хрущева, Хасегава считает, что «хрущевские реформы продемонстрировали *невозможность* системного реформирования советского строя». Он полагает, что в принципе невозможно «реформировать командную экономику, не осуществляя демонтаж коммунистической диктатуры». Иными словами автор отрицает китайский опыт как возможный вариант реформирования советской системы, о чем говорил Б.И. Колоницкий.

Однако далее Хасегава фактически опровергает свой жесткий тезис о неизбежности краха СССР: он говорит об ошибках Горбачева, которые тот в принципе мог избежать. Историк видит первую ошибку в том, что Горбачев, встретив сопротивление партийных аппаратчиков, не смог осуществить реформы «таким образом, чтобы эти аппаратчики смогли найти свой личный интерес» в реформах. Вторую ошибку связывает с неспособностью Горбачева решить национальный вопрос в обстановке гласности.

Далее Хасегава формулирует тезис о том, что «вина за распад Советского Союза должна лежать на Ельцине, а не на Горбачеве», что вновь фактически свидетельствует о признании решающей роли субъективного фактора. Отметим, что Хасегава высоко оценивает деятельность Горбачева и полагает, что «отказ от должности главы исчезающего Советского Союза без попытки удержать его военной силой, был одним из звёздных моментов Горбачева». Иными словами и в этот момент историк признает наличие другого варианта развития событий: попытку Горбачева ответить на «Беловежский сговор» силовой акцией, которая, на мой взгляд, была бы успешной и не вызвала бы гражданской войны.

Мои главные возражения вызывает тезис Хасегавы о способности либеральной модели обеспечить эффективную модернизацию в условиях России начала XX века. В западной историографии еще в 1960-е годы этот тезис убедительно разбил американский историк Т. фон Лауэ, профессор Калифорнийского университета, сын известного немецкого физика, нобелевского лауреата. В 1964 г. историк издал книгу «Why Lenin? Why Stalin? Reappraisal of the Russian Revolution. 1900-1930» («Почему Ленин, почему Сталин: переоценка Русской революции»), в которой показал, что ни в условиях царской России (при любых вариантах консервативных либеральных реформ), ни в рамках либерального республиканского строя, возможного после Февральской революции, нельзя было создать модель для эф-

фективного модернизационного рывка. Такой рывок обеспечивала только большевистская модель развития. Отметим, что систему аргументов, выдвинутых Лауэ, не смог опровергнуть ни один из его коллег и оппонентов.

Мы не разделяем и тезис о невозможности реформирования советской модели. В эпоху перестройки были открыты самые разные варианты политических и экономических реформ. Окно возможностей сузилось к лету 1991 г., но варианты оставались, как фактически признал и сам Хасегава.

Анализ позиций двух видных зарубежных специалистов по истории Русской революции показывает, что они в большей мере склонны поддерживать тезис о закономерности краха СССР в 1991 г. . Тем не менее и они не отрицают того, что именно ошибки Горбачева и позиция Ельцина привели в конечном счете к такому итогу.

***

Несколько слов о своей позиции. Я определил крах СССР в 1991 г. как результат *маловероятного* совпадения ряда обстоятельств. Несмотря на все проблемы «перестроечного» времени (пустые полки, кровавые национальные конфликты на периферии СССР), именно события последнего года, а точнее последнего полугодия 1991 г. привели к краху СССР. Особое место в их ряду занимает ГКЧП, которое и позволило прийти к власти в России команде Ельцина. ГКЧП - это совершенно особый маловероятный феномен в конкретных условиях 1991 года.

Сформулируем в этой связи два тезиса:

1. Маловероятной была сама попытка введения ЧП *без санкции* президента СССР или Верховного Совета СССР. Трудно было представить, что в сложившихся условиях высшие руководители страны решатся на эту совершенно незаконную акцию, которая заведомо компрометировала все структуры союзного государства и всю КПСС, от ЦК до местного партийного комитета.

2. Еще более маловероятной была избранная модель проведения этой акции. Все было сделано настолько глупо, что в обществе до сих пор ходит упорная версия о том, что акция ГКЧП было устроена специально для того, чтобы скомпрометировать КПСС, государственные структуры СССР и в итоге вырвать тот стержень, на котором держались союзное государство и советский строй. Я не разделяю эту версию, но о степени ее неподготовленности достаточно убедительно говорит главное пропагандистское сопровождение информации о введении ЧП: телекартинка танцующих лебедей.

Серия удивительных по своей глупости шагов, совершенных членами ГКЧП, открыла перед Ельциным *немыслимую ранее* возможность разгромить и запретить КПСС. Запрет КПСС открыл реальный путь к демонтажу СССР и советского строя.

Однако и в этой ситуации до самого последнего момента еще можно было остановить катастрофу. Как известно, в декабре Ельцин сделал крупнейшую ошибку – он осуществил демонтаж СССР («Беловежский сговор»), не имея на это никаких полномочий. Юридически был совершен государственный переворот, грубо нарушивший Конституции СССР и РСФСР. Горбачев получил шанс отыграть все одним ударом: он мог даже не посылать «Альфу» в Минск, как просил это сделать вице-президент России Александр Руцкой. Достаточно было дать команду в КГБ Белоруссии, сотрудники которого были готовы блокировать Вискули. Горбачев не решился. Он был уже психологически сломлен. Последний шанс был упущен.

Акцент на решающую роль субъективного фактора не означает отрицания целого комплекса объективных причин, которые позволяли Ельцину сделать вся то, что он сделал. Страна стояла перед действительной необходимостью реформирования прежней «административно-командной» модели социализма, которая выполнила свою историческую роль и нуждалась в обновлении. На мой взгляд, пути обновления верно определил и XXVIII съезд КПСС, и проект новой Программы КПСС, опубликованный в августе 1991 г. за несколько дней до авантюры ГКЧП.

Еще одно соображение. Всем было очевидно, что «перестройка» осуществлялась с ошибками, которые создали политический и экономический кризис в стране. Тем не менее летом 1991 г. ни одна из аналитических служб Запада не предсказывала краха СССР как союзного государства и советского строя. После ГКЧП такой ход событий допускался, но как один из вариантов. «Беловежские решения» декабря 1991 г. для лидеров Запада были шоком. Получив эту информацию, они не могли поверить в случившееся.

По поводу тезиса о принципиальной тупиковости советской экономической модели: в середине 1970-х группа международных экспертов во главе с американским экономистом Василием Леонтьевым под эгидой ООН разработала серию прогнозов экономического состояния мира в 1980, 1990 и 2000 годах. Прогнозы были опубликованы в монографии «Будущее мировой экономики» (1977). По этим прогнозам, среднегодовые темпы прироста валового продукта в 1970–2000 гг. должны были составлять в США и Канаде – 3,3%, в Западной Европе – 3,7%, в соцстранах Восточной Европы – 4,9%, в СССР – 5,2%. Иными словами, ведущие

экономисты мира не видели никакого тупика в развитии СССР. В конце 1980-х гг. также никто из серьезных западных экономистов не предсказывал крах советской экономики.

Эта позиция ученых и политиков сама по себе дает ответ на вопрос о причинах краха СССР.

Борис РОМАНОВ

Россия: выборы с заранее предсказуемым результатом

Прошедшие выборы в Государственную думу России, несмотря на вполне предсказуемые итоги, вызвали очевидный всплеск общественной активности. Надежды оппозиции, как правой, так и левой на то, что «Единая Россия» потеряет конституционное большинство, не оправдались. Но результаты их имеют скорее социологическое значение и показывают изменения в общественных настроениях.

ЕР (324), тем не менее, потеряла 19 мандатов, КПРФ (57) увеличила свое представительство на 15 мандатов, ЛДПР (21) потеряла 18 мест, а СР (27) получила на 4 мандата больше, хотя количество голосов отданных за ЛДПР и СР по партийным спискам примерно одинаково.

1. Выборы показали, что избирательный процесс, несмотря на все усилия оппозиционеров, находится полностью под контролем властей и обеспечивает нужные им итоги в большинстве случаев. По одномандатным округам региональные власти успешно провели своих кандидатов, хотя некоторые из них шли как самовыдвиженцы, а не представители ЕР. Наглядный пример – избрание самовыдвиженца Анатолия Вассермана по Преображенскому округу Москвы, хотя он и был объявлен незадолго до голосования членом команды мэра Москвы Сергея Собянина. Любопытно, что на прошлых выборах в ГД известный знаток Вассерман баллотировался от «Справедливой России» и естественно не прошел. Впрочем, его соперник Сергей Обухов от КПРФ ненамного отстал от него и получил мандат по партийному списку. Не следует также забывать, что ряд регионов, как например, республики Северного Кавказа, показывают чуть ли не 99% явку и голосование за нужных кандидатов. Все это подрывает доверие к институту выборов в нашей стране.

2. Выборы также показали усиление электоральной поддержки КПРФ. Фракция коммунистов в ГД увеличилась. Однако призыв руководителей запрещенного ФБК[1] (Фонда борьбы с коррупцией), созданного Алексеем Навальным, осуществить

1 Экстремистская организация, запрещенная в России, выполнявшая функции иностранного агента

так называемое «умное голосование» в пользу наиболее влиятельной из оппозиционных партий - КПРФ затрудняет анализ этого относительного успеха партии Зюганова. Означает ли это существенный рост левых настроений (поскольку КПРФ это партия ностальгии по советскому прошлому) или популярность партии отчасти связана с «умным голосованием», когда за эту партию голосуют сторонники внесистемной оппозиции правого толка?

Серьезный удар для КПРФ нанесло так называемое электронное голосование, которое существенно скорректировало в пользу провластных кандидатов и ЕР окончательные итоги выборов. Протесты, организованные КПРФ, быстро прекратились, а некоторые их активные участники подверглись административным арестам. Так, например, 10 суток отсидел известный левый политолог и руководитель портала «Рабкор» Борис Кагарлицкий.

Успех КПРФ также продемонстрировал, что все попытки властей отнимать голоса у этой партии, используя партии спойлеры с коммунистическими названиями, неизменно проваливаются. Не удалось ослабить КПРФ и усилиями Захара Прилепина, одного из новых лидеров «Справедливой России», выступавшего как поклонник Иосифа Сталина. Он также активно выступал за возвращение памятника Феликсу Дзержинскому на Лубянской площади.

Однако ребрендинг партии «Справедливая Россия», с приходом в ее руководство писателя и политика радикально патриотических взглядов Захара Прилепина и его сторонников, обеспечил этой партии возможность догнать ЛДПР, потерпевшей явную неудачу на прошедших выборах. Некоторый рост влияния этой левоцентристской партии, которой предрекали выпадение из числа парламентских фракций, наряду с очевидным успехом КПРФ позволяет говорить, о том, что левые или точнее левопатриотические настроения в обществе продолжают укрепляться и это не может не заметить Кремль.

3 Провал ЛДПР был совершенно закономерен. Это поражение партии правых популистов. Постаревший Жириновский всем давно надоел, а проведенная избирательная компания его партии была совершенно беззубой и бессодержательной в отличие от прошлых лет, когда ЛДПР выдвигала яркие лозунги типа «Мы за бедных, мы за русских» и выступала также с активной популистской риторикой.

4. Сенсацией стал проход в парламент недавно созданной под выборы партии «Новые люди» (13 мест) с очевидной либеральной в социально-экономическом смысле повесткой. Она стала пятой парламентской партией. Это особенно удивляет на фоне очередного провала старейшей либеральной партии «Яблоко»,

несмотря на очень активную избирательную кампанию Явлинского и Рыбакова. Данный успех говорит, как и в случае с результатами электронного голосования не столько о популярности новой искусственной политической структуры, сколько о высокой способности президентской администрации манипулировать избирательным процессом.

Неудачи же «Яблока», скорее всего, объясняются стремлением части либерального электората бойкотировать выборы и все попытки этой партии мобилизовать либерального избирателя, сторонника европейских ценностей неизменно проваливаются. А проукраинская позиция лидеров этой партии также не способствует росту ее влияния. К тому же раскол оппозиционных правых либералов на две враждующие фракции – сторонников преследуемого национал-либерала Алексея Навального и адептов Григория Явлинского сыграл в этом поражении партии «Яблоко» существенную роль.

Борис ГУСЕЛЕТОВ

Итоги парламентских выборов в Германии: успех социал-демократов и неудача Левой партии.

9 декабря 2020 г. Президент ФРГ Ф.-В. Штайнмайер объявил о проведении 26.09.2021 г. очередных парламентских выборов. В них собрались участвовать 54 политические партии, что стало рекордом за всю историю Германии. В 1990-е - начале 2000-х гг. в парламентских выборах участвовало обычно менее 30 партий. Правда в предыдущих федеральных выборах 2017 г. их было 42.

Главной отличительной особенностью этих выборов стало то, что в них не принимала участие действующий канцлер А. Меркель (партия ХДС), которая после 16 лет правления решила уйти в отставку. Почти все эти годы консервативный "Христианско-демократический союз" (ХДС) вместе с его традиционным партнером "Христианско-социальным союзом" Баварии (ХСС) возглавлял правительство Германии в рамках так называемой "большой коалиции" вместе с "Социал-демократической партией" (СДПГ). Исключением стал период с 2009 по 2013 гг., когда блок ХДС/ХСС входил в коалицию с либеральной "Свободной демократической партией" (СвДП).

Современная партийно-политическая система ФРГ

Парламент Германии состоит из двух палат: нижней (Бундестаг) и верхней (Бундесрат). Выборы в Бундестаг проводят каждые четыре года по смешанной системе, которая сочетает в себе однотуровое голосование и пропорциональное представительство.

Каждый избиратель получает два бюллетеня: первый он использует для голосования за конкретного депутата парламента в том избирательном округе, в котором он проживает. Страна разделена на 299 избирательных округов, а число избранных таким образом депутатов, которые получают прямой мандат, колеблется от 2 в Бремене и 4 в Сааре до 64 в Северной Рейн-Вестфалии.

Вторым бюллетенем избиратель голосует за список той или иной политической партией на земельном уровне (Германия поделена на 16 земель).

В Бундестаге могут быть представлены только те партии, которые преодолеют 5% барьер или получат 3 прямых мандата в одномандатных округе. Партии,

представляющие признанные национальные меньшинства (датчане, фризы, швабы и цыгане) освобождаются необходимости преодолевать 5% барьер.

Немецкая избирательная система направлена на обеспечение того, чтобы партия имела стабильное парламентское большинство, и на предотвращение фрагментации политической арены, с которой страна столкнулась во времена Веймарской республики (1919-1933), когда большое количество партий, представленных в парламенте, делало практически невозможным формирование правительства.

В 1949 г. в Бундестаге было представлено 11 политических партий, в 1957 г. их было всего 4, а в период с 1961 по 1983 гг. - 3 (СДПГ, ХДС/ХСС и СвДП).

В 1983 г. партии "Зеленых" впервые удалось преодолеть 5% порог и пройти в Бундестаг. Затем в 1990 г. после объединения ГДР и ФРГ в Бундестаг была избрана "Партия демократического социализма" (ПДС), образованная на базе правящей в ГДР "Социалистической единой партии Германии" (СЕПГ). В 2007 г. ПДС была переименована в "Левую" партию (Die Linke), а ее лидером долгие годы был последний председатель СЕПГ-ПДС Г. Гизи. Он был депутатом всех созывов Бундестага, начиная с 1990 г., и на выборах 2021 г. он вновь победил в одномандатном округе.

В 2013 г. в Бундестаге появилась еще одна новая праворадикальная националистическая партия "Альтернатива для Германии" (АдГ), выступающая против ислама и мигрантов, предлагающая Германии выйти их Евросоюза, отказаться от евро и вернуть назад немецкую марку.

Таким образом в предыдущем составе Бундестага было представлено 7 политических партий:

- "Христианско-демократический союз" (ХДС), основанный в 1945 г. и возглавляемый кандидатом в канцлеры А. Лашетом. Имел 200 депутатов. Является членом консервативной "Европейской народной партии" (ЕНП);

- "Христианско-социальный союз" (ХСС), основанный в 1946 г. и возглавляемый с конца 2008 г. баварским министром-президентом Х. Зеехофером. С 1953 г. тесно сотрудничает с ХДС на основе соглашения, по которому ХДС не представляет кандидата в Баварии и не конкурирует с ХСС в этой Земле. Имел 46 депутатов. ХСС также является членом ЕНП;

- "Социал-демократическая партия" (СДПГ), основанная в 1863 г., и возглавляемая Н. Вальтер-Боржанс и С. Эскен. На выборах 2021 г. список СДПГ возгла-

вил министр финансов О. Шольц. Имела 153 депутата. Партия является членом "Партии европейских социалистов";

- "Альтернатива для Германии" (АдГ), созданная весной 2013 г. Ее почетным президентом является Ал. Гауланд, а во главе списка партии шли его представители Й. Мейтен и Т. Хрупалла. Имела 94 депутатов. Является членом радикальной евроскептической партии "Идентичность и демократия";

- Либеральная "Свободная демократическая партия" (СвДП), основана в 1948 г. Ее возглавляет К. Линднер, который был также во главе партийного списка на этих выборах. Имела 80 депутатов. Является членом европартии "Альянс либералов и демократов за Европу";

- левопопулистская "Левая" партия. Образована в июне 2007 г. после слияния ПДС с движением "Альтернатива для труда и социальной справедливости" (АТСС), созданным 22 января 2005 г. и объединившим бывшую коммунистическую элиту и тех, кто разочаровался в социал-демократии. Сопредседателями партии являются Д. Висслер и С. Хенниг-Уэллсов. Имела 69 депутатов. Член "Партии европейских левых";

- экологическая партия "Зеленые/Альянс 90" (далее просто "Зеленые"). Образована в 1993 г. в результате слияния, движения за гражданские права в бывшей ГДР "Альянс 90" с партией зеленых. Ее возглавляют А. Баербок и Р. Хабек. Имела 67 депутатов. Является членом "Европейской партии зеленых".

Расклад сил перед выборами

Даже после четырех сроков на посту Канцлера А. Меркель оставалась очень популярной: в мае 2020 г. она по опросам имела поддержку 60% населения, далеко опережая всех других немецких политиков. "*Немцы ценят А. Меркель как хорошего менеджера, канцлера, который всегда ищет компромисс*", - заявил по этому поводу профессор Трирского университета М. Инден.

В Европе уходящий канцлер часто сдерживала процесс европейской экономической интеграции под предлогом финансовой стабильности, которой она была всегда привержена. Но в последние месяцы на фоне пандемии коронавируса она согласилась на принятие исторического общеевропейского пакета стимулирующих мер в размере 750 млрд евро. Ряд местных аналитиков критиковали Меркель за ее тесные отношения с Россией и Китаем, которые, как говорят, она сохранила ради немецкого экспорта.

За эти годы Меркель особо отметилась двумя нетривиальными шагами: первый раз, когда в 2011 г., когда она через несколько дней после ядерной катастро-

фы на Фукусиме в Японии заявила, что Германия постепенно выйдет из ядерной энергетики. И второй раз, осенью 2015 г., когда она решила открыть свою страну для сотен тысяч беженцев, в основном из Сирии и Ирака, который покинули свои страны из-за войны.

Многие германские эксперты считают, что после ухода Меркель "большой коалиции" (БК) уже не будет, ибо обе входящие в нее партии (ХДС/ХСС и СДПГ) оказались сильно ослабленными, т.к. в течение всех этих лет они подвергались непрерывной эрозии из-за утраты их идейно-политической идентичности. В результате ХДС/ХСС потерял начиная с 1960 г., 40% своих членов и ее электоральный рейтинг снизился до 30%. СДПГ потеряла еще больше членов, а ее электоральная поддержка в последний год упала до 13-14% и ее стали обходить и АдГ, и "Зеленые". И хотя разделение на левых и правых в Германии, как и во многих европейских странах, стало менее актуальным, на парламентских выборах оно по-прежнему имеет важное значение, особенно при формировании правительственной коалиции.

Накануне выборов обсуждалось много разных вариантов создания новой коалиции. Наиболее вероятными считались так называемая "Ямайка" (по цвету партийных флагов) в составе ХДС/ХСС(черный), "Зеленые" (зеленый) и СвДП (желтый); либо "Светофор": СДПГ (красный), "Зеленые/ "и СВДП; либо "Красно-Зелено-Красные": СДПГ, "Зеленые" и Левой партии, либо "Кения": СДПГ, ХДС/ХСС и "Зеленые ", либо, наконец, обновленная БК.

В ходе избирательной кампании уровень поддержки трех главных партий, претендующих на победу в этой гонке (ХДС/ХСС, СДПГ и "Зеленые") постоянно менялся. На старте кампании вперед ожидаемо вырвались консерваторы, за которых, согласно опросам общественного мнения, готовы были голосовать почти 30% германских избирателей. За ними шли "Зеленые" и СДПГ. В середине августа "Зеленые" обошли и ХДС/ХСС, и СДПГ. Но в последние недели до выборов в опросах общественного мнения СДПГ, впервые, вышла на первое место, опередив ХДС/ХСС и "Зеленых".

СДПГ: начало возрождения?

Успех СДПГ эксперты связывали в первую очередь с фигурой лидера ее списка О. Шольца, который в ходе трех прямых дебатов с лидерами ХДС/ХСС А. Лашетом и "Зеленых" А. Бербок одержал уверенную победу. В результате, согласно последнему опросу, проведенному институтом ИНСА с 23 по 27 августа, СДПГ могла набрать 24% голосов, а ХДС/ХСС - 21%, что стало бы самым низким ре-

зультатом для партии с 1980-х годов. "Зеленые" остались на третьем месте с 17% голосов, хотя еще в апреле и мае их поддерживали более 25% избирателей. У СВДП по опросам было 13% голосов, у "АдГ" - 11%, и у Левой партии - 6% голосов.

Возглавляемая своим кандидатом в канцлеры, уходящим министром финансов О. Шольцем, СДПГ за три недели до дня выборов вышла на первое место и уже не уступило его никому. О. Шольц, который никогда не отличался харизматичностью, сумел тем не менее убедить избирателей в своей серьезности и компетентности.

По мнению известного немецкого политолога из Берлинского университета им. Гумбольдта В. Меркель: "*В то время как конкуренты Шольца совершают ошибки, он этого не делает. Он кажется самым профессиональным из кандидатов в президенты, даже если он далек от харизматичности. Шольц - это мужская версия уходящего канцлера, довольно скромный, умеренный, без ораторского таланта, но опытный и способный находить компромиссы*".

О. Шольц был выдвинут на пост канцлера 10 августа 2020 г. Он был официально избран на партийном съезде 8-9 мая, набрав 96% голосов делегатов. О. Шольц был Мэром Гамбурга с 2011 по 2018 гг., и считался в то время слишком правым, что не позволило ему вместе с К. Гейвицем избраться на пост сопредседателя СДПГ в 2019 г. Их пара проиграла те выборы тандему Н. Вальтера-Борджанса и С. Эскен.

СДПГ с небольшим перерывом находилась в правительстве страны с 1998 г. и большую часть времени была младшим партнером ХДС/ХСС по большой коалиции. Это обстоятельство негативным образом сказалось на социал-демократах, которые за эти годы растеряла своих сторонников и поддержку избирателей. По мнению профессора Университета Дюссельдорфа С. Маршалла: "*Будучи младшим партнером, СДПГ сильно пострадала, и основные социальные реформы правительства, такие как введение минимальной зарплаты, избирателями не считали ее заслугой*".

В последние годы руководство СДПГ старалось позиционировать партию как более левую, что не совсем соответствует имиджу ее кандидата в канцлеры О. Шольца, который выглядит как умеренный и центристский политик. В этой связи Т. Хольцхаузер из Фонда Теодора Хойсса заметила, что "*В последние годы СДПГ становится все труднее согласовывать программу с кандидатом, и это особенно характерно в случае с О. Шольцем*".

Исследователь из Университета Поль-Валери в Монпелье Э. Дубслафф также считает, что "*О. Шольц воплощает прагматичную СДПГ эпохи Шредера. Однако эта центристская позиция, которая лежала в основе стратегии, направленной в начале 2000-х годов на восстановление Германии и укрепление ее конкурентоспособности, традиционным электоратом партии воспринимается как предательство*". Тем не менее О. Шольц будучи министром финансов сумел своевременно выделить необходимые средства из бюджета для помощи жертвам июльских наводнений и на борьбу с последствиями пандемии ковид-19.

В ходе кампании О. Шольц пообещает ввести новый налог для семей, зарабатывающих более €500.000 в год, увеличить пособия на детей с €250 до €528 в месяц, повысить минимальную зарплату до €12 в час (в настоящее время €9.5) и прекратить охоту за фиктивными безработными, т.е. теми, кто получает пособие по безработице, но не очень активно ищет работу.

Важными приоритетами его программы были также экологическая трансформация и социальная политика. Шольц заявил, что "*Мы уже потеряли слишком много времени и хотим достичь климатической нейтральности самое позднее к 2045 г.*", добавив, что он хочет, чтобы электроэнергия к 2040 г. производилось исключительно из возобновляемых источников энергии.

"Левая партия": на грани катастрофы.

Левая партия "Die Linke", которая традиционно представляла тех избирателей, которые считали себя принадлежащими к наиболее обездоленным социальным слоям и особенно пострадали после падения Берлинской стены, потеряла в последние годы свои позиции ведущей протестной партии, уступив эту позицию АдГ.

В феврале 2021 г. новыми сопредседателями партии в ходе онлайн съезда были избраны две женщины: 39-летняя Жанин Висслер, возглавляющая фракцию "Левых" в ландтаге Гессена, которая получила 84,2% голосов делегатов, и 43-летняя Зузанне Хенниг-Вельзов, председательница фракции в тюрингском парламенте, которая набрала 70,5% голосов. Они стали преемницами депутатов Бундестага Кати Киппинг и Бернда Риксингера, возглавлявших партию на протяжении почти девяти лет и отказавшихся переизбираться на эти посты. 2 мая 2021 г. Левая партия выдвинула Д. Висслер и сопредседателя парламентской группы партии в Бундестаге Д. Барча лидерами ее списки на федеральных выборах. С. Хенниг-Уэллсов решила не баллотироваться на эту должность.

В ходе выборной кампании "Левая" партия предлагала увеличить пособие по безработице до 90% от предыдущей зарплаты и повысить социальные выплаты, активно педалировала экологическую тематику, стремясь привлечь к себе более молодых сторонников и вступив тем самым в неравную конкуренцию с "Зелеными". Партия была решительным сторонником России и настаивала на выходе Германии из НАТО и, вообще, роспуске этого военного блока, что вызвало ее сильнейшую критику в буржуазных СМИ.

Причины неудач ХДС

Большинство политических обозревателей Германии объясняли провал ХДС негативными последствиями наводнений, обрушившихся на страну в середине июля, особенно в земле Северный Рейн-Вестфалия. Они обвинили А. Лашета, который был министром-президентом этой самой густонаселенной земли Германии с 2017 г., в том, что он несвоевременно предупредил население об опасности наводнений и промедлил с оказанием пострадавшим необходимой помощи. Наконец, присутствуя на церемонии в память о жертвах катастрофы в городе Эрфштадт, недалеко от Бонна, рядом с главой государства Ф.-В. Штайнмайером (СДПГ), который выступал перед населением, он позволил себе рассмеялся, и видеоролик об этом событии незамедлительно разошелся по сети Интернет. А когда А. Лашета спросили, изменит ли наводнение его экологическую повестку дня, он ответил: "*Мы не меняем свою политику из-за такого события*". Впоследствии ему пришлось публично извиняться за эти действия и высказывания, но было уже поздно.

Трудности, с которыми столкнулся ХДС, вынудили А. Меркель прийти на помощь своей партии за несколько дней до голосования, хотя ранее она заявила, что не будет участвовать в избирательной кампании. "*Я твердо убеждена, что Армин Лашет станет следующим канцлером Германии*", - сказала она, отметив, что он является гарантом стабильности и продолжения ее политики. Действительно А. Лашет – это политик консенсуса. Он всегда был близок к А. Меркель, что, с одной стороны, являлось его преимуществом с учетом популярности уходящего канцлера. А с другой стороны, стало его недостатком, т.к. перед ним стояла трудная, если не неразрешимая задача - сохранить наследие Меркель и, одновременно стать инициатором необходимых обновлений.

Предвыборная платформа ХДС, названная "Программой стабильности и обновления", в большей степени была нацелена на преемственность, чем на реформы. Она была предназначена избирателям, которые хотели спокойствия и без-

опасности, и были против любых экспериментов. Ее основными темами были борьба с изменением климата и защита рабочих мест в промышленности.

А. Лашет в ходе кампании резко критиковал своего главного соперника О. Шольца, за то, что тот не объявил откровенно какую правительственную коалицию он предпочитает, и потребовал, чтобы "Левая" партия ни в коем случае не оказалась бы в правительстве, в первую очередь, из-за ее негативного отношения к НАТО. Он также ясно дал понять, что никогда не заключит союз с АдГ.

Лашет меньше критиковал "Зеленых", за их неопределенность в отношении участия в будущей коалиции, но делал это достаточно мягко поскольку они оставались потенциальными партнерами в новом правительстве.

Что касается экономики, то Лашет отверг любое повышение налогов и предложил снизить налог на прибыль корпораций с 30% до 25%. Он обещал отменить налог солидарности, введенный в 1991 г. для финансирования воссоединения страны, выступил против дальнейшего повышения пенсионного возраста и заявил о поддержке европейского Пакта о стабильности и росте, действия которого было приостановлено на период пандемии.

Во внешней политике Лашет, наследуя Меркель, поддержал строительство газопровода "Северный поток-2", и заявил, что хочет установить партнерские отношения с Москвой, а также начать переговоры с Пекином об инвестиционных соглашениях. Но при этом он выступил за то, чтобы каждое государство-член НАТО с 2024 г. тратило на оборону 2% своего ВВП.

Таким образом, ХДС/ХСС не смотря на существенные преимуществе, которые имела в начале кампании, растеряла свои позиции из-за слабости ее лидера. По мнению главного редактора журнала Blätter für Deutsche und Internationale Politik А. фон Лукке "*Создается впечатление, что почти 16 лет спустя после избрания А. Меркель ХДС истощена и глубоко расколота, у нее слабый кандидат в канцлеры, которому ее избиратели предпочитают лидера ХСС М. Зедера. Никогда с момента окончания эры Г. Коля (1982-1998), ХДС не находился в таком глубоком кризисе".*

Рост популярности зеленых: временный всплеск или тенденция

19 апреля 2021 г. А. Бербок была выбрана партией "Зеленые/Альянс 90" кандидатом на пост канцлера, набрав 678 голосов из 688 делегатов. Таким образом германские "Зеленые", славившиеся своими бесконечным междоусобицам и расколами, преподали урок политическому классу страны, продемонстрировав свою зрелость.

А. Бербок заявила, что она не правая и не левая, и хочет быть инициатором перемен и обновления немецкой политической сцены. Проевропейски настроенные, центристские и прагматичные экологи привлекли все больше городских избирателей среднего класса. Представитель берлинского офиса Немецкого фонда Маршалла У. Спек заявил в этой связи: "*Что интересно в подходе А. Бербок, так это то, что она сочетает лояльность традиционным идеям "Зеленых" /Альянса 90 - защита многосторонности и международного права, приверженность ценностям - с реальным размышлением о том, что такое политика силы. Она мыслит геополитически и убеждена, что Германия должна больше самоутверждаться в глобальной конкуренции, что не всегда отличало "Зеленых/Альянса 90" в прошлом*".

Однако сразу после выдвижения А. Бербок подвергалась многочисленным нападкам со стороны конкурентов и СМИ. Во-первых, ее критиковали за то, что она фактически никогда не занимала руководящих постов ни на региональном, ни на федеральном уровне, и является с 2013 г. лишь членом парламента. Во-вторых, ее заподозрили в том, что она приукрасила свое резюме. Затем, ее обвинили в том, что она не заявила, что получила €25.220 в период с 2018 по 2020 гг., хотя члены парламента обязаны декларировать любые дополнительные доходы. Это стало серьезной проблемой для партии и самой Бербок, которая в течение многих лет выступала за повышение прозрачности при публикации доходов выборных должностных лиц. Наконец, А. Бербок обвинили в том, что в ее программной книге под названием Jetzt (Сейчас) был плагиат. Все эти нелепые ошибки стоили Бербок и ее партии серьезного падения рейтинга в ходе избирательной кампании

В своей предвыборной программе "Зеленые" выступали за сильное государство и увеличение госрасходов. Например, они предложили план инвестиций в инфраструктуру (транспорт, здравоохранение, образование) в размере €50 млрд. "Зеленые" настаивали на повышении предельной ставки налога для лиц с высокими доходами с 45 до 48%, и намеревались ввести налог на крупные состояния для людей с активами более €2 млн. Партия призывала увеличить семейные пособия и минимальную зарплату до €12 в час, "чтобы люди с низкими доходами не были обременены ростом цен на отдельные товары в области защиты климата".

Но главным приоритетом "Зеленых" была борьба с глобальным потеплением. Они обещают сократить выбросы парниковых газов на 70% к 2030 году (по

сравнению с уровнем 1990 г.), за счет научного прогресса и инноваций. На институциональном уровне А. Бербок предложила создать суперминистерство по охране окружающей среды, которое имело бы право накладывать вето на решения, принимаемые другими министерствами. Она обещала сделать Германию "первой климатически нейтральной индустриальной страной", а "Европу первым континентом, достигшим климатической нейтральности" за счет увеличения налога на выбросы углерода, недавно введенного в Германии, постепенный отказ от угля к 2030 г., расширение использования энергии ветра и солнца и инвестиции в энергетическую реконструкцию зданий, а к 2030 г. прекратить производство бензиновых автомобилей и отменить ближнемагистральные авиарейсы.

Во внешней политике Бербок выступила против любого сближения с Китаем и Россией. Они призвала отказаться от меркантилистской дипломатии в пользу защиты прав человека, особенно в этих двух странах, предложила отказаться от строительства газопровода "Северный поток-2", который сделает санкции против Москвы бессмысленными, а еще создаст угрозу для окружающей среды. Й. Альтхофф из Фонда Генриха Белля считает, что: "А. *Бербок больше не хочет внешней политики, которая определяется исключительно экономическими интересами страны*".

Бербок поддержала создание Европейского союза обороны, но выступила за установление строгих рамок для действий Бундесвера, жесткий контроль над экспортом оружия, запрет на ядерное оружие и отказ от обязательства выделять к 2024 г. не менее 2% национального ВВП на оборону.

Таким образом, "Зеленые" не смотря на привлекательную программу и молодого лидера не сумели удержать лидирующие позиции в предвыборной гонке и из-за ряда ошибок, допущенных Бербок, откатились на третье место, но практически гарантировали себе участие в новой правящей коалиции.

Либералы: попытка возрождения

Либеральная "Свободная демократическая партия" долгое время была одной из ведущих германских партий: в 1970-х годы входила в правящую коалицию с СДПГ, а в 1980-е и 1990-е годы и с 2009-13 гг. с ХДС/ХСС. Но в 2013 г. СвДП впервые не прошла в Бундестаг. набрав лишь 4,8% голосов. После этого к руководству партией пришел новый лидер К, Линднер, который позиционировал себя как представитель богатого среднего класса и защитник малого и среднего бизнеса, который весьма развит в Германии. Он выступил за сокращение государственного

вмешательства в экономику и снижения налогов. Этим он сумел вернуть партии былую популярность.

"Альтернатива для Германии": борьба за сохранение позиций.

Националистическая и евроскептическая партия "Альтернатива для Германии" в мае 2021 г. выбрала сопредседателя фракции в Бундестаге Алис Вайдель и сопредседателя партии Т. Хрупаллу в качестве лидеров своего предвыборного списка.

На последнем съезде АдГ в апреле 2021 г. произошел раскол партии на умеренное и радикальное крылья. Выдвижение Э. Вайдель и Т. Хрупаллы подтвердило победу радикального крыла. Профессор политологии в Университете Майнца К. Арцхаймер заявил по этому поводу, что: "*Это голосование предоставило АдГ возможность выбрать, в каком направлении она хочет двигаться. Э. Вайдель и Т. Хрупалла близки к радикальной тенденции, но не являются ее частью. Однако другие факторы также сыграли свою роль в этом голосовании, начиная с популярности и заметности в СМИ двух кандидатов. Это важно для выборов. Наконец, этот дуэт представляет как восток, так и запад Германии*".

"АдГ" в ходе предвыборной кампании отстаивала очень твердую позицию в отношении иммиграции, требуя полностью запретить воссоединение семей и призывая ужесточить требования к приему мигрантов. Партия объявляет себя "антиисламской". Наконец, АдГ выступило за выход Германии из Евросоюза и возврат немецкой марке. "Сдвиг вправо происходит с 2015 г., и избиратели знают об этом. Те, кто был против этого, уже покинули ряды, другие вступили в партию. Это объясняет стабильность АдГ в опросах за последние полтора года", - сказал К. Арцгеймер.

Итоги выборов и проекции новой правительственной коалиции

Итоги состоявшихся выборов в основном подтвердили результаты последних опросов. Победу с результатом 25,7% голосов "Социал-демократическая партия", которая в новом составе Бундестага будет иметь 206 депутатов, т.е. на 53 по сравнению с предыдущими выборами 24.09.2017 г, "Христианско-демократический союз" потерпел серьезное поражение, получив лишь 24,1% и будет иметь 196 депутатов (151 у ХДС и 45 у ХСС), т. е. на 50 меньше по сравнению с 2017 г.

Впервые в истории Германии две ее ведущие политические партии - ХДС и СДПГ, которые неуклонно теряли свои позиции в последние годы, вместе набрали на федеральных выборах менее 50% голосов.

Партия "Зеленые/Альянс 90" улучшила свой результат, набрав 14,8% голосов, и будет иметь 118 депутатов (+51 место по сравнению с 2017 г. При этом партия заняла первое место на региональных выборах, состоявшихся в тот же день в Берлине, обойдя СДПГ.

"Свободная демократическая партия" восстановила свои позиции, вновь войдя в Бундестаг с результатом 11,5% голосов и будет иметь 92 депутатов на 12 больше, чем в 2017 г.

Следует отметить, что эти две партии, "Зеленые" и СвДП, были самыми популярными у молодых избирателей, набрав среди них, соответственно, 22% и 19%.

"Альтернатива для Германии", хотя и ухудшила свои результат, тем не менее в целом сумела сохранить позиции, набрав 10,3% голосов и получив 83 депутатских мест (-11 по сравнению с 2017 г.). При этом партия заняла второе место в восточногерманских землях, набрав там 19% голосов и уступив лишь СДПГ (24%). Она также заняла первое место в Саксонии с 24,6% голосов и Тюрингене с 24%.

"Левая" партия потерпела сокрушительное поражение, набрав лишь 4,9% голосов и только благодаря победе 3 ее кандидатов в одномандатных округах сохранила небольшую фракцию в составе 39 депутатов (-30 по сравнению с 2017 г.).

Явка на этих выборах составила 76,6%, почти столько же, сколько и в 2017 г. (+0,45%).

Если говорить о возможной конфигурации новой правительственной коалиции, то скорее всего в нее войдет три партии во главе СДПГ плюс "Зеленые/Альянс 90" и СвДП. О. Шольц, согласно опросам, является кандидатом, которого 48% немцы предпочли бы видеть на посту канцлера, в то время как А. Лашета поддерживают лишь 24%, а А. Бербок 14%.

Подводя итоги выборов О. Шольц, заявил, что "*Мы должны сделать все, чтобы будущая коалиция была сформирована до Рождества, и было бы хорошо если это удастся сделать немного раньше*".

Но ясно, что лидерам четырех ведущих партий ФРГ - СДПГ, ХДС/ХСС, "Зеленые/Альянс 90" и СвДП предстоят в ближайшие 2-3 месяца непростые переговоры по заключению соглашения о новой коалиции и утверждению ее программы действий.

Дмитрий СТРАТИЕВСКИЙ

Победа СДПГ на выборах в Бундестаг 2021 г. Кампания, результаты, начало коалиционных переговоров

Впервые с 1998 г. германские социал-демократы победили на парламентских выборах, заняв первое место и получив возможность сформировать самую крупную фракцию в Бундестаге нового созыва.[1] Блок ХДС/ХСС, напротив, вынужден был довольствоваться самым низким результатом за весь период существования ФРГ. Что способствовало успеху СДПГ? Какой результат получили партии на выборах? Какие форматы будущей коалиции возможны и наиболее реальны?

Кампания СДПГ

10 августа 2020 г. действующий вице-канцлер и министр финансов Олаф Шольц был выдвинут правлением СДПГ кандидатом в канцлеры на выборах в Бундестаг 2021 г. К тому моменту Шольц был самым популярным социал-демократическим политиком Германии, лидировал в опросах, но левоориентированные внутрипартийные группы восприняли его выдвижение прохладно. Сопредседатель партии Саския Эскен написала в тот день в своем твиттере: «Мы знаем, что это решение является для некоторых неожиданным поворотом. Мы просим проявить доверие. Мы решили совместно идти по этому пути».[2] Впрочем, это решение нельзя назвать таким уж неожиданным: Шольц не только находился на волне популярности, но и не имел серьезных конкурентов в лице других влиятельных социал-демократов. Забегая вперед, можно сказать, что это доверие было проявлено.

Первоначально кампания развивалась для СДПГ крайне неудачно. Отставание от ХДС/ХСС казалось катастрофическим и непреодолимым. По опросам, СДПГ была даже не второй, а третьей партией в стране, уступая Зеленым. Наибольший отрыв был зафиксирован в сентябре 2020 г.: ХДС/ХСС 36%, Зеленые 22%, СДПГ 14%. Рейтинг Зеленых подвергался значительным колебаниям (падение зимой 2020/2021 гг. и новый рост весной 2021 г., от 18 до 26%). Также крайне нестабильными были данные опросов относительно христианских демократов, от

1 В 2002 г. обе крупнейшие политические силы Германии, СДПГ и ХДС/ХСС, набрали равное количество голосов, 38,5%. На выборах 2005, 2009, 2013 и 2017 гг. социал-демократы занимали второе место.

2 https://www.zeit.de/politik/deutschland/2020-08/olaf-scholz-spd-kanzlerkandidat

24 до 37 %. Но это мало помогало социал-демократам. До начала августа с.г., т.е. за полтора месяца до выборов, им не удавалось набирать в социологических исследованиях более 16% электоральных симпатий.[1] Резкий рост начался во второй декаде августа, в результате чего партия в течение 3-4 недель прибавила в популярности 9%.

Каким образом СДПГ удалось совершить «электоральное чудо», преодолев столь значительное отставание от своих конкурентов? В политической истории ФРГ это бывало крайне редко. Как правило, лидер симпатий определялся задолго до дня голосования и уже не уступал лидерства. Например, в начале августа 2013 г. (за тот же период до даты выборов, как и приведенные выше данные 2021 г.) ХДС/ХСС набирал по опросам 40%, СДПГ 23%. По результатам выборов в Бундестаг партии получили, соответственно, 41,5% и 25,7% голосов, что примерно соответствовало прогнозам. [2]

Успех любой партии традиционно зависит от собственных достижений и ошибок оппонентов. Приведем основные причины благоприятного для СДПГ исхода выборов.

Собственные успехи:

1 СДПГ удалось провести наиболее сильную избирательную кампанию последних десятилетий. Предложения избирателю были понятно сформулированы и выражены в эффектных слоганах и мэссиджах: рост минимального размера оплаты труда до 12 евро в час, жилищное строительство и доступное жилье, ежегодные инвестиции в малый бизнес в размере не менее 50 млрд. евро, по возможности тарифные договора во всех отраслях экономики, реформа страховой медицины, модели начисления пособий по безработице и налогообложения и другие. С технологической стороны кампания была удачной и доверительной. Олаф Шольц обращался с плакатов к избирателю, используя слова «уважение» и «солидарность». Немецкое сокращение SPD расшифровывалось в предвыборной агитации как „soziale Politik für Dich“ („социальная политика для тебя“), весьма действенное решение.

2 Выборы в Германии становятся все более персонифицированными. Шольц с его имиджем специалиста-бюрократа с большим опытом политической и управленческой деятельности, готового вдумчиво заниматься проблемами в стране,

1 https://www.wahlrecht.de/umfragen/forsa.htm

2 Там же

подходил под «канцлерские» представления многих избирателей. В условиях, когда действующий глава правительства впервые не выдвинул свою кандидатуру на следующий срок, вице-канцлер проводил кампанию так, как будто у него уже нет приставки «вице». Эту решимость и уверенность чувствовали избиратели. По результатам последнего опроса перед днем голосования 67% немцев считали Шольца «достойным занять пост главы правительства». Лишь 29% высказали такое мнение относительно Армина Лашета (ХДС-ХСС) и 23% относительно Аннален Бербок (Зеленые). Шольц убедительно лидировал при ответе на вопросы о «профессионализме», «способности решать проблемы в будущем», «соответствии слов делам» и «симпатии».[1]

3Партия демонстрировала солидарность и всеобъемлющую поддержку Шольца. Прошлые кандидаты в канцлеры от СДПГ, например, Пеер Штайнбрюк и Мартин Шульц, вынуждены были слышать в свой адрес немало критики из собственных рядов, зачастую публичной. Назывались фамилии иных политиков, которые, с точки зрения той или иной внутрипартийной группы, больше бы подходили на роль первого номера в списке. Но в этот раз Шольц был совершенно безальтернативен. Избиратель видел и позитивно оценивал такую поддержку, «командную игру».

4СДПГ удалось весьма удачно использовать желание перемен определенного количества жителей страны. Социологи утверждали, что в обществе есть запрос на изменения, но не радикального характера, с сохранением достижений «эры Меркель». Шольц смог стать воплощением таких представлений.

5На последнем этапе кампании стратеги СДПГ сосредоточились на воздействии на электоральные группы, представители которых наиболее нестабильны в своих партийных предпочтениях. Например, более левоориентированные избиратели могли проголосовать как за Левую партию, так и за социал-демократов. У правоцентристов был выбор между ХДС, за который они голосовали в связи с симпатией к Меркель, и СДПГ. Те, для кого первоочередными являются вопросы защиты окружающей среды, колебались между социал-демократами и Зелеными. В 2009, 2013 и 2017 гг. эти группы нередко принимали окончательное решение не в пользу СДПГ. Шольц удачно продемонстрировал, что он умеет быть и левым, и центристом, и политиком, уделяющим немало внимания экологии. Так СДПГ смогла вернуть часть голосов своих бывших избирателей, которые в предыдущие годы отдавали предпочтение другим партиям.

1 https://www.zdf.de/nachrichten/politik/wahlanalyse-bundestagswahl-100.html

Ошибки конкурентов

1. ХДС/ХСС провела весьма неудачную избирательную кампанию. Лозунги христианских демократов были сложны и, по результатам исследований, не до конца понятны немалому числу жителей ФРГ. В целом, технологии выглядели малоэффективными и «старомодными». Один из основных слоганов, «Вместе за современную Германию», не давал избирателю представления, какой именно консерваторы видят современную Германию, и какой она должна стать в будущем. В речах ключевых политиков от ХДС столь часто звучала фамилия действующего канцлера, что создавалось впечатление о неспособности партии руководить страной без Меркель, которая заявила об уходе из большой политики. Зеленые, в свою очередь, утратили часть популярности по причине радикализма лозунгов и предложений. Избиратель оказался в своей массе не готов терпеть ощутимые финансовые издержки во имя глобального изменения экономики с целью сделать ее более экологичной.

2. Армин Лашет также оказался неудачным кандидатом. Уже, будучи главой ХДС, он не смог проявить лидерские качества как в процессе борьбы с пандемией COVD-19, так и в ходе преодоления последствий разрушительного наводнения летом с.г. на западе Германии, ключевых событиях года в глазах большинства немцев. Он выступал неуверенно, не высказывая четкого мнения по ряду вопросов, стараясь «понравиться» различным группам населения. В тот период, когда рейтинг ХДС/ХСС все еще вдвое опережал рейтинг СДПГ, личный индекс доверия к Лашету был стабильно ниже, чем к Шольцу.

3. Видные представители ХДС/ХСС прямо или косвенно утверждали, что отнюдь не Лашет, официально избранный первым номером списка, является наиболее приемлемым кандидатом на пост канцлера от консерваторов. Эти высказывания становились достоянием общественности, фигурировали в СМИ. Назывались конкретные фамилии, такие как Маркус Зедер, лидер ХСС и премьер-министр Баварии, и Фридрих Мерц, бывший глава фракции ХДС/ХСС в Бундестаге, внутрипартийный оппонент Меркель, недавно вернувшийся в большую политику. Лашет пытался интегрировать конкурентов в свою команду, публично выступая с Зедером и пригласив Мерца на роль главного экономического советника в свой штаб. Но это выглядело сомнительно и не вызывало доверия у избирателей, которые все больше убеждались в том, что номер один в партийном списке не пользуется консолидированной поддержкой всей партии. Похожие процессы,

пусть и в гораздо меньшей степени, происходили в рядах Зеленых, где также звучала фамилия «альтернативного» кандидата, сопредседателя партии Роберта Хабека.

4. ХДС также пыталась «разыгрывать карту» преемственности и мягких перемен, но Лашет, говоря о продолжении курса, фактически обещал быть «Меркель-2», а это избирателю было недостаточно. Заметив недоверие к такой стратегии, политтехнологи ХДС попытались придать Лашету образ осторожного реформатора, но и это не увенчалось успехом.

5. Блок ХДС/ХСС потерял симпатии тех избирателей, которые голосовали за консерваторов «из-за Меркель», не увидев в Лашете политика сопоставимого масштаба. Зеленые, несмотря на очевидный успех, получили меньше голосов, чем планировали, так как СДПГ в какой-то мере перехватила экологическую проблематику, делая более умеренные предложения, привлекательные для более широких слоев населения.

Результаты выборов и первые коалиционные переговоры

Окончательные итоги выборов в Бундестаг 20-го созыва (учитывается так называемый «второй голос», влияющий на распределение мест в парламенте)[1]:

Партия	Результат в процентах	Изменения в сравнении с выборами 2017 г., в процентах	Количество мест в парламенте, в скобках – изменение в сравнении с Бундестагом 19-го созыва
СДПГ	25,7	+5,2	206 (+53)
ХДС/ХСС	24,1	-8,9	196 (-50)
Зеленые	14,0	+5,9	118 (+51)
АдГ[2]	10,3	-2,3	83 (-11)
СвДП[3]	8,7	+1,7	92 (+12)

1 https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2021/ergebnisse/bund-99.html#zweitstimmen-prozente12

2 «Альтернатива для Германии», правые популисты, частично ультраправые.

3 Свободные демократы, либералы.

Левые	4,9[1]	-3,6	39 (-30)
СЮИ[2]		0,1 (+0,1)	1 (+1)

В новом Бундестаге 735 мест, он многочисленнее предыдущего. В составе парламента стало больше молодых людей, женщин и политиков, которые сами являются мигрантами либо родились в семьях мигрантов. Многие доселе малоизвестные политики смогли выиграть в одномандатных округах, а немало известных в прошлом депутатов оказались за пределами Бундестага.

Непосредственно после объявления первых результатов опросов на выходе из избирательных участков, Шольц и Лашет заявили о своей готовности сформировать и возглавить правительство. Позднее лидер списка ХДС/ХСС несколько смягчил формулировку, фактически признав, что первенство в создании коалиции принадлежит победившим социал-демократам. С учетом того, что Левые набрали мало голосов и более не могут рассматриваться в качестве партнеров по коалиции, а с АдГ не желают сотрудничать остальные парламентские партии, арифметически возможны следующие форматы коалиции: 1. Не рассматриваемые коалиции: Продолжение коалиции ХДС/ХСС-СДПГ либо расширение ее за счет Зеленых и/или СвДП. Такое большинство ныне не находит поддержки ни в рядах избирателей, ни у ключевых политиков. Переговоры о таком формате не проводятся. 2. Рассматриваемые коалиции: СДПГ+Зеленые+СвДП либо ХДС/ХСС+ Зеленые+СвДП. Тройственных коалиций на федеральном уровне в Германии еще не было. Наиболее вероятным представляется первый вариант. СДПГ имеет преимущество партии, занявшей первое место, пусть и с небольшим отрывом от ближайшего конкурента. Шольц несравненно более популярен, чем Лашет или другой потенциальный конкурент, которого теоретически мог бы быть предложен в качестве будущего канцлера с учетом слабости главы ХДС.[3] У Зеленых, партии, заняв-

1 Левые не преодолели пятипроцентный барьер, но провели в парламент трех депутатов по одномандатным округам. Это минимальное количество депутатов, которое позволяет партии сформировать фракцию.

2 Союз южношлезвигских избирателей, региональная партия, представляющая интересы датского и фризского меньшинства на севере Германии. СЮИ удалось провести в Бундестаг единственного своего представителя благодаря особой льготе: партия признанных меньшинств (коренных народов региона) освобождается от необходимости преодоления пятипроцентного барьера. Политики от СЮИ входят в ландтаг земли Шлезвиг-Гольштейн и в ряд локальных собраний, но многие десятилетия не могли организовать кампанию на федеральном уровне.

3 Закон не обязывает подавать на утверждение Федеральному президенту с последующим голосованием в Бундестаге исключительно кандидатуру первого номера в списке партии. Канцлером может быть избран в парламенте любой гражданин ФРГ старше 18 лет. Он может даже не обладать депутатским мандатом. Лашет заявил о «работе над ошибками» в ХДС и отметил, что персональные вопросы не должны быть камнем преткновения на пути создания нового большинства. Тем самым он согласился рассматривать вариант своего отказа от канцлерства и, в перспективе, от председательства в ХДС.

шей третье место, намного больше точек пересечения с СДПГ, чем с консерваторами. Если состоявшиеся после выборов встречи ХДС/ХСС с Зелеными и СвДП носили весьма формальный характер, то первичные переговоры малых партий с СДПГ проходят конструктивно. Вместе с тем, нельзя утверждать, что партии быстро договорятся между собой и в короткие сроки создадут коалицию. Следующие темы наиболее дискуссионные. 1. Фискальная политика. СДПГ и Зеленые предлагают облегчить налоговую нагрузку на лиц с низким и средним доходом, повысив налоги для состоятельных граждан. Также они допускают дефицит бюджета. Либералы возражают, предлагая, напротив, снизить налог на предпринимательство. 2. Экология. Зеленые предлагаю радикально и в относительно короткие сроки реформировать экономику, подчинив ее примату защиты окружающей среды и отказавшись от не возобновляемых видов энергии. Также они хотели бы значительно повысить налог на выброс CO2, компенсировав потери для наиболее социально незащищенных слоев населения. СДПГ также имеет в своем портфеле немало реформистских предложений в этой области, однако они более умеренные, менее затратные и предусматривают отказ от некоторых видов энергии в более отдаленной перспективе. СвДП говорит об еще дальних сроках, а большинство идей Зеленых в этой области и вовсе находят у этой партии непонимание. 3. Рынок труда и политика в области здравоохранения. СДПГ предлагают повысить МРОТ до 12 евро в час и находят в этом поддержку у Зеленых. Также обе партии планируют реформировать систему медстрахования. В ФРГ с послевоенного времени сформировались два вида медстрахования: государственное и частное. Абсолютное большинство населения застраховано в госкомпаниях (95% работающих по найму, включая малоимущих и средний класс, семьи с детьми, практически все пенсионеры, мелкие предприниматели и т.п.). Это 87% трудоспособного населения страны. Меньшинство обладает полисом частных компаний (руководящие наемные сотрудники, владельцы среднего и крупного бизнеса, чиновники, состоятельные пенсионеры). В обществе давно идет дискуссия о неравенстве. Немцы говорят о «медицине двух сортов». Застрахованным в госкомпаниях приходится долго ждать визита к врачу или проведения исследований, доплачивать за лекарства, многие анализы и основную сумму за дорогостоящее зубное протезирование, в то время как обладатели частного страхования обслуживаются приоритетно и имеют более широкие возможности. СДПГ и Зеленые хотят создать новую единую модель «гражданского страхования». Для либералов это было бы нарушением фундаментальных (в их понятии) правил свободного рынка. До сих пор сохранение существую-

щей системы было для СвДП одним из основных партийных тезисов. Уступки имели бы высокую политическую цену. Наконец, непросто будет и распределить министерства в новом формате трех партий. Уже известно, что Зеленые и либералы частично претендуют на одни и те же кресла в правительстве.

Динамика коалиционных переговоров в Германии слабо поддается прогнозам. Если сразу после выборов наблюдатели исходили из того, что новое правительство будет создано не ранее Нового года, то после увеличения темпа зондирования партий звучат более смелые мнения. Однако вышеуказанные препятствия могут затянуть переговоры либо и вовсе привести к неудаче.

Победа на выборах 2021 г. не только открыла для социал-демократов возможность впервые с 2005 г. стать во главе правительства. Она помогла преодолеть важный психологический барьер. Последнее десятилетие было тяжелым для СДПГ. Партия регулярно терпела поражение на выборах в Бундестаг, ставя исторические «рекорды» по минимальному количеству набранных голосов, и, за редким исключением, неудачно выступала на земельных и муниципальных выборах. Падало количество членов партии. Многие начинающие политики не видели возможность самореализации. 26 сентября одновременно проходили выборы в землях Мекленбург-Передняя Померания и Берлин, на которых также победили социал-демократы, добившись, таким образом, три успеха в один день. Такие результаты стабилизируют партию, стимулируют активистов к более активной работе и привлекают новые силы. 2021 г. стал важной вехой в истории германской социал-демократии.

ИДЕОЛОГИЯ

Григорий ВОДОЛАЗОВ

Ленинское наследие: вода живая и мертвая

Аннотация. *Ленин, подводя итоги уроков Октябрьской революции и первых лет послеоктябрьского развития, констатировал: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». Так был поставлен вопрос о необходимости создания теории обновленного социализма, соответствующего условиям XX столетия. Теории, которая решала бы задачу: как, выводя общества из тупиков капитализма, не ввергнуть его в другие тупики – тупики авторитарно-бюрократической системы. В этой связи анализируется сделанный Лениным вклад в теорию обновлённого социализма. Ставится далее вопрос: что из ленинского наследия может быть включено («живая вода») в современную социально-преобразовательную теорию, что отброшено («мёртвая вода») и чем оно может быть дополнено, исходя из реалий XXI столетия.*

Ключевые слова*: Октябрьская революция, военный коммунизм, нэп, либерализм, социализм, демократия, плюрализм, реальный гуманизм, кейнсианство*

> «Ленин – одна из сложнейших фигур в мировой истории…
>
> Это человек, чья мысль и воля явились в руках истории орудием, наверное, самой крупномасштабной из когда-либо предпринятых ею "проб" и едва ли не тягчайшей из совершенных ею "ошибок". И вместе с тем человек, который в остром споре с самим собой и с понятиями своего времени, во многом далеко его опережая, попытался эту ошибку исправить. Притом исправить движением не назад, а вперед. Вождь революции, толкнувшей Россию на тупиковый, гибельный путь, и – мыслитель, прожектором своего уникального ума наполовину высветивший для нее перспективу спасения, которая и нынче лишь брезжит перед нами вдали».
>
> *Юрий Буртин. Другой социализм. «Красные холмы»*

Да, эпиграф – немного необычный. Во-первых – слишком длинный («нормаль-

ный» эпиграф должен быть афористичным и кратким). И, во-вторых, он не вполне совпадает с главной идеей моей статьи («нормальный» эпиграф должен высвечивать центральную идею автора будущего повествования). А для меня неприемлемы все эти категоричные, чересчур негативные оценки: «Толкнувший Россию на тупиковый, гибельный путь» (имеется в виду Октябрь и его последствия), «человек, чья мысль и воля» привели страну к одной из «тягчайших» в её истории "ошибок". Это всё – не моё.

Но для меня этот эпиграф (кстати, моего близкого – и, увы, покойного – друга, с которым мы не раз выступали соавторами статей, остро критически оценивавших современное, постперестроечное, состояние России – тут мы с ним были полными единомышленниками), для меня, повторяю, этот эпиграф важен, ибо в нём афористично и точно высвечивается главная для меня мысль, что Ленин – это «человек, который в остром споре с самим собой и с понятиями своего времени, во многом далеко его опережая, попытался эту ошибку исправить. Притом исправить *движением не назад, а вперед.* И ещё более важная констатация: «Вождь революции…и – мыслитель, прожектором своего уникального ума наполовину высветивший для нее (России) перспективу спасения, *которая и нынче лишь брезжит перед нами вдали.* Вот это – моё, целиком и полностью.

И ещё. Эпиграф этот, содержащий как позитивные, так и негативные оценки Ленина, подготавливает читателя к тому, что и у меня не будет односторонней апологетики Ленина, что и у меня рассказ о достижениях ленинской мысли («живой воде», мощно стимулирующей сегодняшние теоретические поиски) будет сочетаться с критикой весьма существенных идей ленинизма (которые, подобно «мёртвой воде» – если её не выплеснуть – могут погубить ростки ленинского теоретического новаторства).

X X X

Расхожий афоризм: «Единственное, чему учит история, это то, что она ничему не учит».

Да, так оно чаще всего и происходит: история ничему не учит, и, решая сегодняшние проблемы, люди расшибают лбы о те же стены, что и их предшественники.

Но история *может* научить. Только надо уметь у неё учиться. Уметь увидеть в истории ситуации, сходные с нынешней. Вглядеться, как решали возникавшие проблемы люди той поры, что им удавалось, и где они проваливались. Извлечь уроки из того и из другого. Понять причины провалов и постараться сегодня избежать их. Зафиксировать «удачи» и, оттолкнувшись от них, двинуться дальше, дополняя найденные когда-то решения новациями, соответствующими современным реалиям.

В послеоктябрьской России 20-х годов ситуация напоминала нынешнюю. И проблема (не всеми идеологами и политиками тех лет осознаваемая) объективно состояла вот в чём: как, избавляясь от губительных отношений капитализма, не угодить в тупики тоталитарной системы?

Мыслителем, кто в те далёкие годы понял эту задачу и попытался её решить в теории и на практике, был В.И. Ленин. Правда, осознал он её не сразу, лишь в самом конце своей жизни. Но успел (в своих последних статьях, диктовках, письмах, совокупность которых называют его «Политическим завещанием») положить *начало* её решению. К сожалению, лишь *начало*. Но начало в высшей степени плодотворное, хотя и не получившее продолжение ни в теоретических работах самого Владимира Ильича, ни, что особенно печально, в практической деятельности послеленинского поколения политиков. Золотая нить новой, многообещающей теории социального развития была оборвана в самом начале.

Вот бы сегодня подхватить концы этой нити и продолжить её, сообразуясь с нынешними обстоятельствами.

В чём же ценность завещаний Владимира Ильича? Что мы могли бы взять у него сегодня? Что им было недорешено? Где он ошибался? И какие коррективы и дополнения следует внести в его теоретико-политическое Завещание? Почему идеи его Завещания не были подхвачены и развиты последующим поколением политиков (вследствие чего мы и угодили в зловещие тупики тоталитарного «казарменного коммунизма», а затем – в конце XX века – в тупики государственно-олигархического капитализма)? Было ли в предлагаемых им решениях нечто такое, что облегчало приход к власти сталинщины и от чего, в силу этого, мы должны сегодня решительно откреститься?

Вот примерный круг вопросов, о которых и пойдёт речь в данной статье.

Ленинское наследие: живая вода

Тот Ленин, который в высшей степени актуален сегодня, начинается удивительным (мало кем замечаемым и мало кем понимаемым) утверждением: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» [Ленин, т. 45: 376] (6 января 1923 года, статья «О кооперации»). Именно здесь, в этом тезисе, – главный итог его размышлений, анализирующих практику Октября и первых лет послеоктябрьского развития. И Ленин сам приступил к этому «коренному» пересмотру, положив начало новой теории общественного развития, новой концепции общественного строя, идущего на смену капитализму.

В чём эта принципиальная, поистине революционная, новизна состояла? Двинемся, шаг за шагом, по ступеням ленинского теоретического восхождения.

То, что капитализм с его «кричащими» (любимое ленинское словцо!) социальными противоречиями, жестокой эксплуатацией, экономическими и политическими кризисами, порождающими кровопролитные войны, должен быть преодолён, это в XIX веке понимали многие. И призывали: одни – к глубоким, радикальным реформам, другие к «содрогающим» весь социальный мир революциям.

Наиболее разработанной и потому наиболее убедительной теорией рождения нового, приходящего на смену капитализму, строя была теория Маркса. Идеями, лозунгами этой теории руководствовались русские революционеры-большевики, первыми в истории приступившие к практической реализации идей Маркса. И преуспели: взяли власть в Октябре 1917 года, отстояли своё право руководить страной в гражданской войне и стали продвигаться по пути строительства новой, «марксистской», «социалистической» России. И вот посреди этого, казалось бы, такого успешного революционного похода вождь большевиков вдруг решительно и категорично заявляет: нужно пересмотреть (и к тому же «коренным образом») все те установки и теоретические постулаты, которым они следовали.

Призыв вождя, действительно, был шокирующим.

Поражает теоретическая смелость и политическая честность Ленина. Ведь можно было, как обычно поступают политики, пересматривающие свои позиции, сказать: «Мы хорошо начали – в Октябре. Мы победили в гражданской войне. Власть мы держим крепко и в будущее смотрим уверенно. Но сейчас несколько изменились обстоятельства, и нам поэтому надо уточнить и несколько скорректировать некоторые наши прежние установки».

Это был бы не Ленин. Речь, ведь, шла не о второстепенных «поправках», не о каком-то лёгком косметическом ремонте, а о смене исторических Вех, о радикальном изменении Курса. И потому сказать об этом надо было ясно, громко, открыто, без запутывающего суть дела лукавства. Юрий Буртин хорошо прокомментировал эту черту ленинского стиля: «совсем не похоже на нынешний стиль» общения политиков с гражданами страны. «Нам, – пишет Буртин, – привыкшим слышать из уст властей только похвалы своей деятельности и её результатам (а при явной катастрофичности последних – неопределённые признания в самой общей форме: да, были ошибки, но…), даже как-то странно читать такие, например, ленинские строки: «Здесь надо сказать, что мы должны ставить дело во всей нашей пропаганде и агитации начистоту. Люди, которые под политикой понимают мелкие приёмы, сводящиеся иногда чуть ли не к обману, должны встречать в нашей среде самое решительное осуждение… Классов обмануть нельзя… Во всяком случае не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить прямиком» (X съезд РКП, доклад о продналоге. [Десятый съезд РКП(б): 40)]».

Конечно, для соратников Ленина это был шок. Его последние, «пересматривающие», статьи, идеи его «Завещания» плохо воспринимались узко и догматически мыслящими наследниками Владимира Ильича во главе со Сталиным. Прилагалась масса сил и хитростей, чтобы замолчать начатый Лениным «пересмотр». С его «завещательными» статьями и письмами знакомили выборочно, лишь узкий круг партийного чиновничества. А когда всё же вынуждены были (под давлением Ленина) отправлять их в региональные партийные организации, то сопровождали их «разъяснениями» ЦК, в которых намекалось, что Ленин очень болен, что, в силу этого, он оторван от текущих дел и потому надо осторожно относиться к его советам и рекомендациям. А одну из главных его статей («Лучше меньше, да лучше»), которую партийно-чиновничья бюрократия сочла наиболее для себя опасной, вообще пытались не пустить в печать. И даже (поскольку Ленин категорически настаивал на её публикации) всерьёз обсуждали возможность реализации предложения одного из сталинских сподвижников (Куйбышева), что неплохо-де, для успокоения Ильича, напечатать её в «Правде» в одном (только для Ленина!) экземпляре. Первые зловещие звонки будущего политического маразма!

Своим прежним, абсолютным авторитетом больному Ленину удавалось проламывать сталинские (похожие на тюремные) стены и добиваться публикации своих статей. Ощущал, однако, что нет уже жизненных сил и жизненного времени, чтобы довести свои новые идеи до конца, чтобы убедить партийную массу при-

нять их как руководство к действию. Сталин, которому Политбюро поручило опекать тяжело больного Ленина, устроил всё так, так изолировал его от встреч с товарищами, от знакомства с новостями политической жизни, что Владимир Ильич однажды заметил Крупской, что он ощущает себя, словно запертым в тюремных застенках.

Что же это были за идеи, которых так страшились его наследники, которые они глубоко закапывали и которые мы попытаемся откопать и вновь вернуть к жизни, идеи, которые, как живая вода, способны быть истоком современных теорий социальных преобразований?

Это были поистине грандиозные идеи, переворачивающие все прежние представления социалистов. Это был, действительно, «коренной» пересмотр всех прежних представлений о будущем строе, о социализме и о путях к нему. И эти идеи должны вернуться к нам сегодня. В них ключ к пониманию противоречий современной социальной реальности, к ответам на драматические вызовы нашего времени.

Что же «пересматривал» Ленин? Какие идеи, какие концепции он призывал отбросить?

Прежде всего – всю прежнюю экономическую стратегию и фундаментальные положения социалистической теории, её определявшие.

В чём была суть прежней «точки зрения» на социализм, которую призывал пересмотреть Ленин?

Вот её основные параметры.

Возглавляемые Лениным большевики шли на Октябрьскую революцию с идеей строительства – в ближайшей перспективе – социализма. Это означало: 1. Уничтожение частной собственности[1]; 2. Построение экономики на манер единой – в национальном масштабе – «фабрики», работающей по спускаемому сверху, из центра Плану[2]; 3. Создание новой политической системы: народная власть в форме Советов; 4. Приход к власти через революцию, политическое насилие и продолжение «социалистического строительства» при опоре на «диктатуру пролетариата».

1«…Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т.4 С. 438)

2«Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством оплаты» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С.101). «Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.17.С. 127).

И вот через три с половиной года после «успешного», «победного» Октября Ленин констатирует, что все эти императивы и установки не дают ожидаемого – социалистического (да и вообще мало-мальски приемлемого для общества) – результата. Следование им ведёт страну в тупики, социально-экономическое и социально-политическое болото, ввергает общество в тяжёлые кризисные ситуации.

Мы думали, отмечал Ленин, что сможем быстро перейти к социалистическим формам деятельности – и в сфере экономики, и в сфере политики. В этих целях «мы» (то есть большевики) сразу, после Октябрьской победы уничтожили (как и советовал Маркс) частную собственность на крупное промышленное производство, национализировали все основные институты частной собственности и попытались наладить взаимодействие между классами и социальными слоями, не прибегая к традиционно капиталистическим методам – торговле и рынку. «Мы» пытались организовать прямой, непосредственный обмен продуктами. «Мы» готовились к планово-государственному распределению всех продуктов и всех вообще ресурсов.

Формировалась, в результате, система так называемого «военного коммунизма», одним из ведущих принципов которого в отношениях между классами (пролетариатом и крестьянством), между государством и многомиллионной массой крестьянского населения, был принцип «продразвёрстки». Государство «верстает» план взятия у крестьян хлеба, зерна, других сельскохозяйственных продуктов (как если бы «верстало» заводам и фабрикам план выпуска промышленной продукции, выплачивая из госбюджета зарплату рабочим). «Мы решили, что крестьяне по развёрстке дадут нам нужное количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам – и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение» [Ленин, т. 44: 157]. И тоже, по идее, крестьянам (также, примерно, как и рабочим) должна идти оплата их труда. Но поначалу – в силу бедности, разрушенности хозяйства страны (после I Мировой войны и революционных потрясений) платить толком было нечем. И приходилось, скрепя сердце, прибегать к не очень симпатичным и не очень гуманным мерам. «Мы брали от крестьян все излишки, и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьян продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги (которые тогда были ничего не стоящими простыми бумажками – Г.В.)» [Ленин, т. 43: 219-220]. Это была тяжёлая и жестокая мера. Но крестьяне, во время гражданской войны, её приняли. Было понимание: хлеб нужен солдатам и рабочим для защиты тех же крестьян от помещиков

и крупных землевладельцев, которым руководители белого движения обещали вернуть конфискованную, национализированную и переданную большевиками во владение крестьянам собственность. Крестьянам была понятна мысль Ленина: «Иначе (как прибегая к «военному коммунизму»» и «продразвёрстке» - Г.В.) победить помещиков и капиталистов в разорённой мелкокрестьянской стране мы не могли» [Ленин, т. 43: 220].

Крестьяне, повторяю, приняли политику «военного коммунизма» с её «продразвёрсткой». Но приняли, как необходимую, но *временную* меру. И потому, когда после победы в гражданской войне большевики попытались продолжить «коммунистическую» политику продразвёрстки, крестьяне сказали: Нет! Довольно! После того, как угроза помещичьей реставрации миновала, они уже отказывались по-старому, по-военно-коммунистически, без всякой меры отдавать продукты своего труда государству. Они много веков всё работали «на кого-то» – на дворян, помещиков, купцов, бурмистров. Теперь они желают поработать «на себя». А им подсовывают нового «хозяина» – государство. Зачем тогда революция?

Большевики натолкнулись на стену, на решительное сопротивление крестьянской массы. «К весне 1921 года, – констатировал Ленин, – выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке «штурмовым» способом перейти к социалистическим основам производства и распределения» [Ленин, т. 44: 204]. И – «поражение» более серьёзное, чем какое бы то ни было поражение, нанесённое нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение гораздо более существенное и опасное» [Ленин, т. 44: 159].

И самое главное, что тяжесть, опасность и масштабы этого поражения были связаны с ещё более значительным фактором, чем сопротивление крестьянства социалистическим мерам. Этим мерам сопротивлялась сама История. Тупиковость ситуации вызывалась и более фундаментальными причинами.

У большевиков была неколебимая уверенность, что дорога в светлое будущее идёт через национализацию, огосударствление, обобществление всего и вся. Всё – через государство, и ничего – помимо государства! Они огосударствили крупную промышленность, железные дороги, финансовую систему, «огосударствили» деятельность рабочего класса. Осталось только «огосударствить» крестьянство: каждого крестьянина, каждое крестьянское хозяйство сделать частью той общенациональной «фабрики», которую в «Государстве и революции» намечал создать Ленин. И вот тут-то и выяснилось, что не только крестьянин не желает быть «деталью», «винтиком» общенациональной «фабрики», но и что в принципе не-

возможно «огосударствить», подключить к единой плановой экономике миллионы мелких, самостоятельных, разрозненных крестьянских хозяйств. Они атомизированы, между ними не протянуты связующие экономические нити. Их можно соединить, сделать частью единого экономического «конвейера только двумя способами: либо продолжением военно-коммунистического насилия (вариант, применённый впоследствии сталинцами, вариант губительный для крестьян, для сельского хозяйства и для страны в целом, ибо безмерное и жестокое насилие ***в мирное время*** – путь к социальной катастрофе), либо – торговлей, рынком[1]. По второму, гуманистическому и экономически эффективному, пути и предложил пойти Ленин.

Давайте запомним эту дату: 8 февраля 1921 года. Идет заседание Политбюро, решаются десятки насущных вопросов. Ленин на несколько минут отключается от шумной дискуссии и на клочке бумаге набрасывает строки: «1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене развёрстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом. 2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней развёрсткой. 3. Одобрить принцип сообразования налога со старательностью земледельца в смысле понижения %-та налога при старательности земледельца. 4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога».

Так зародилась новая экономическая политика – знаменитый НЭП.

А потом будет 15 марта 1921 года. X съезд РКП(б). Доклад Ленина «О замене развёрстки натуральным налогом». И первый пункт принятой съездом резолюции: «…развёрстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом» [Десятый съезд РКП(б): 608].

Всё! Новая экономическая политика становится официально принятой стратегией развития страны.

Пункт второй резолюции разъяснял: «…налог должен быть меньше налагавшегося до сих пор путём развёрстки обложения» [Десятый съезд РКП(б): 414]. После сдачи такого, значительно уменьшенного (по сравнению с развёрсткой) налога у крестьян будут оставаться запасы (именуемые несколько нелепо: «излишки») хлеба, зерна, других сельскохозяйственных продуктов – с которыми он волен будет поступать по своему (а не «государственному) усмотрению. Таким образом и будет возрастать объём работы крестьянина не «на государство», а «на себя», что

1«Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью». Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 226.

резко повысит мотивацию его деятельности, производительность его труда (от чего, между прочим, выиграет и государство). «Всё дело в том, – разъяснял на X съезде Ленин, – чтобы дать крестьянам стимул, побудитель, с точки зрения экономики. Нужно сказать мелкому хозяину: «Ты хозяин (а не крепостной государства – Г.В.), производи продукты, а государство берёт минимальный налог» [Десятый съезд РКП(б): 414]. А оставшиеся у тебя, после сдачи налога, продукты ты можешь вынести на рынок, пустить в «оборот»[1]. «Этот самый «оборот» – стимул, побудитель, толчок для крестьянина. Хозяин может и должен стараться за свой собственный интерес (работа «на себя»! – Г.В.), потому что с него не возьмут всех излишков, а только налог, который, по возможности, нужно будет определить заранее» [Десятый съезд РКП(б): 413].

Иной читатель может удивиться тому, что мы с таким пафосом, так возвышенно пишем об этом сюжете – замене развёрстки продналогом. Даже предлагаем запомнить какие-то даты, связанные с возникновением этой идеи. «Подумаешь, какое событие, – возможно, воскликнет он, – понизить крестьянам налог, дать им возможность образовавшиеся излишки открыто, легально, не «из-под полы» продавать на рынке и не бояться при этом, что их обвинят в «спекуляции», в нарушении государственной хлебной монополии. Ну, подправили немного налоговую, фискальную систему систему. Эка важность…».

А между тем, важность эта громадная, можно даже сказать (не боясь впасть в преувеличение) – всемирно-историческая.

Это был не просто ремонт фискальной системы. Это был настоящий социально-экономический переворот – на практике, это была предпосылка пересмотра основ прежней социалистической теории.

Надо понять, разъяснял Ленин, что открытие дверей «обороту», «торговле», «рынку» – это открытие дверей капитализму. Это оживление капиталистических отношений в России, в стране, взявшей курс на социализм. А тут, пожалуйста, – распахивают двери капитализму. Так, весь парадокс, так, всё дело и состояло в том, что только через «оживление» капитализма можно было двигаться к социализму в мелкокрестьянской стране. Это был ленинский ответ на задачу,

1Резолюция X съезда РКП(б). Пункт 8: «Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства. Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота». Появилось важное слово «оборот», - синоним «торговли», «рынка» - слова, изгонявшиеся прежде Лениным из социалистического лексикона.

«как строить… социалистическое здание в мелкокрестьянской стране» [Ленин, т. 44: 151]: «Гвоздь вопроса в том, чтобы мы поняли, что … капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворить нужды крестьянства. Необходимо дело поставить так, чтобы обычный ход капиталистического хозяйства был возможен, ибо это нужно народу, *без этого жить нельзя* (курсив мой! – Г.В.)» [Ленин, т. 45: 85-86].

Вот так: через торговлю, рынок, оживление капитализма (без которого «жить нельзя») складывается новая, необычная социально-экономическая система: «социализм», дополняемый «капитализмом», или: «капитализм», окружённый «социализмом». Система, которую можно было бы обозначить, как «социализм-капитализм», или «капитализм-социализм» и которую Ленин назвал «государственным капитализмом».

С этим понятием Ленин выходит на принципиально новый уровень теории и потому в нём надо основательно разобраться. Тут масса теоретических тонкостей, которые нельзя упустить.

После доклада на X съезде о нэпе Ленин в заключительном слове заметил: «…то, о чём здесь многие, и даже большинство (! – Г.В.), из высказавшихся ораторов говорили в своих речах и на что указывается в поданных записках, это – неизбежное усиление мелкой буржуазии, буржуазии и капитализма. «Вы таким образом открываете настежь, – писали некоторые в своих записках, – для развития буржуазии, мелкой промышленности и для развития капиталистических отношений» [Десятый съезд РКП(б): 440]..

Вот ведь как: <u>большинство</u> участвовавших в прениях по ленинскому докладу полагает, что в результате нэпа страна скатится к капитализму (зачем тогда делали революцию?). Они против такого «скатывания».

А за пределами большевистской партии, в среде меньшевиков, эсеров и европейских социал-демократов, такое «скатывание» приветствуется: большевики, наконец, повернулись лицом к реальности. Для социализма в России сейчас нет условий. Реален только буржуазный путь, о чём, кстати, мы (меньшевики и эсеры) говорили накануне Октябрьского переворота. Но большевики тогда нас не послушали. Вот и вынуждены теперь, после революционного эксперимента Октября, дорого стоившего российскому обществу, вернуться к тому, что мы им когда-то говорили. Ленин, в своём докладе на XI съезде приводит сентенцию Отто Бауэра, одного из лидеров : «Вот они отступают; мы всегда говорили: революция – буржуазная».

Да ничего подобного, энергично возражает Ленин, ни к какому собственно капитализму мы не скатываемся. Мы поворачиваемся не к капитализму, как таковому, а – к особому типу капитализма, который собственно классическим типом капитализма не является, ибо допускаемые нами капиталистические отношения окружены высоким социалистическим забором. У нас не «капитализм» возникает, а смешанное единство «социализма» и «капитализма». Это принципиально новое, невиданное в истории социальное образование. Это не подавление капитализмом социализма, но и не подавление социализмом капитализма. Это – «соревнование государственных и капиталистических предприятий», это – «практическое соревнование способов капиталистических и способов наших (то есть социалистических – Г.В.)» [Ленин, т. 45: 89].

Для социалистов, большевиков, смысл такого соревнования: учиться у капиталистов – работать организованно, напряжённо, стремясь получить возможно более высокую прибыль (которая будет использована для укрепления и развития страны). Учиться, ибо «за этот год, – отмечал Ленин, – мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать мы не умеем» [Ленин, т. 45: 80]. А «рядом действует капиталист… берёт прибыль, …он умеет» [Ленин, т. 45: 79]. А то «прибыли у вас нет, – обращается Владимир Ильич к неумёхам-коммунистам, – принципы коммунистические, идеалы хорошие, – ну, расписаны так, что святые люди, в рай живыми проситесь, а дело делать умеете?» [Ленин, т. 45: 79]. Так, учитесь у капиталистов и через эту учёбу повышайте силу социалистического уклада – не подавлением оппонентов (с помощью разных силовых структур во главе с ЧК, как практиковалось впоследствии у сталинистов), а обучением у них. Стремитесь продемонстрировать своё историческое превосходство цивилизованными, экономическими методами. «Нам надо выдержать соревнование с простым приказчиком, с простым капиталистом, купцом» [Ленин, т. 45: 81].

И, наконец, главную особенность нэпа, его место в историческом ряду мирового социального развития Ленин видит в том, что нэп – не просто какая-то на время провозглашённая тактика экономической деятельности, а, по сути, – новая общественная формация, которая имея черты социализма и капитализма, тем не менее, не является ни тем, ни другим. Ленин называет это новое формационное образование «государственным капитализмом».

«Что это ещё за мудрствования насчёт «капитализма-социализма», «социализма-капитализма»? – восклицали воспитанные на догмах «научного социализма» ленинские оппоненты внутри большевистской партии. – В какой книжке Марк-

са можно вычитать подобную ересь? И что тут принципиально «нового» в понятии «государственного капитализма?». «Госкапитализм есть капитализм, – возражал Ленину Преображенский, – и только так понимать можно и должно» [Ленин, т. 45: 117].

И – резкий ответ Ленина: «Я утверждаю, что это есть схоластика. До сих пор никто не мог написать такой книжки о капитализме в истории человечества, потому что мы это только впервые (! – Г.В.) теперь переживаем. До сих пор сколько-нибудь путные книжки о госкапитализме писались при таких условиях и при том положении, что государственный капитализм есть капитализм. Теперь вышло иначе, и никакой Маркс и никакие марксисты не могли это предвидеть. И не нужно смотреть назад» [Ленин, т. 45: 117]. И не нужно «заглядывать» «в старые книги» – там написано совершенно не про то: там написано про тот государственный капитализм, который бывает при капитализме, но нет ни одной книги, в которой было написано про тот государственный капитализм, который бывает при коммунизме» [Ленин, т. 45: 84]. Наш государственный капитализм – «это – капитализм до такой степени неожиданный, никем абсолютно не предвиденный» [Ленин, т. 45: 117-118]. Наш государственный капитализм – «не тот, о котором писали немцы. Это капитализм, допущенный нами… Капитализм мы допустили, но в тех пределах, которые необходимы крестьянству» [Ленин, т. 45: 119, 120].

Таким образом, наш государственный капитализм – не собственно «капитализм». Он – только наполовину капитализм, а наполовину – социализм. Эти «половинки» нашего госкапитализма будут соревноваться друг с другом, конкурировать друг с другом, они будут ограничивать и дополнять друг друга. Это будет соперничество и сотрудничество одновременно. Их соперничество, их соревнование даст сильный толчок развитию и сельского хозяйства, и промышленного производства. Поддерживаемые капиталистической частью новой социальной (нэповской) системы рыночные начала, мотивы получения прибыли будут стимулировать хозяйственную активность, способствовать гибкости в решении хозяйственных проблем, ускорению темпов экономического развития. Со своей стороны, социалистическая составляющая нашего госкапитализма будет существенно ограничивать эгоистические, эксплуататорские устремления капиталистического сектора, побуждая его работать на «общее дело», стимулируя развитие его социальных функций, цивилизуя и гуманизируя его, превращая, можно сказать, в «капитализм с человеческим лицом».

В связи со всем этим Ленину часто задавали вопрос его однопартийцы: «А не проиграем ли мы в этом соревновании? Ведь капитализм, как вы сами говорите, опытнее нас и превосходит в умении вести дело».

Вопрос не праздный. И Ленин не скрывал, что опасность потерпеть поражение в соревновании с капитализмом достаточно велика. Но у нас, уверял он, есть все шансы, чтобы избежать поражения, чтобы цивилизовать, ограничить капиталистические устремления. У нас есть все шансы, чтобы оптимистически смотреть в будущее.

В чём эти шансы заключаются? Почему мы можем оптимистически смотреть в будущее? «В чём наша сила» [Ленин, т. 45: 95]? – ставит вопрос Ленин. И отвечает, делая акцент на трёх факторах:

1. «Политическая власть» – в наших руках.

2. «Основная экономическая сила – в наших руках. Все решающие крупные предприятия, железные дороги и т.д. – они все в наших руках».

3. Наконец, что крайне важно, мы идём на сотрудничество, на блок не со всеми частями капиталистического класса – только с мелкими и средними частными производителями. Крупных капиталистов («монополистов», «олигархов») отсекаем. Их основную часть мы убрали с общественной арены в первое же время после Октября – через национализацию и огосударствление крупных капиталистических предприятий и банков. И это было важной предпосылкой возможности (и успешности для нас) новой экономической политики. Экономически соревноваться с крупным капиталом малосильному в то время социалистическому хозяйственному сектору было бы не под силу.

Поэтому, утверждал Ленин, у нас есть все шансы успешно выйти из всех тупиков, в которые нас завела прежняя, военно-коммунистическая, политика и вступить на дорогу экономического прогресса.

Мы сказали, что предпосылкой успеха новой экономической политики является исключение из блока с капитализмом крупных капиталистических собственников. Но тут есть одно, но очень важное исключение. В этот блок всё-таки допускается крупный капитал, но лишь в одной форме – в форме зарубежных концессий. «Концессии, – подчёркивал Ленин, – это блок с капитализмом передовых стран», «это экономический союз, блок, договор с передовым финансовым капиталом, в передовых странах» [X съезд РКП(б): 443]. Так что монополистический, олигархический капитал, по предложению Ленина, всё же будет допущен. С одним «но»: это будет *зарубежный* капитал, у которого не будет возможности доминиро-

вать в экономическом блоке нэпа и которому нет нужды доминировать политически. От его возможных политических поползновений страна защищена всей мощью государства трудящихся, в том числе и военной. Да, экономически, не скрывает этого обстоятельства Ленин, он в первое время будет эксплуатировать нас весьма основательно. Да, значительно больший объём экономических выгод от нашего с ним сотрудничества будет доставаться ему, крупному зарубежному капиталу, мы же получим лишь небольшое увеличение продуктов. И – ничего! И – пусть! Пока нам всё равно это выгодно. «Если мы дадим руду или лес концессионеру, – разъясняет Владимир Ильич, – он возьмёт громадную долю этого продукта и даст нам небольшое долевое отчисление. Но для нас так важно увеличить количество продуктов, что и небольшое отчисление есть громадный плюс для нас. Небольшое улучшение положения городских рабочих, которое при помощи концессий будет обеспечено по договору и которое заграничному капиталу не представляет ни малейшей трудности, даже оно есть плюс, есть укрепление нашей крупной промышленности. И это, благодаря экономическому влиянию, послужит для улучшения положения пролетариата, для улучшения положения того класса, который держит в своих руках государственную власть» [X съезд РКП(б): 443].

Вот такой оригинальный союз намечает Ленин: союз, блок с зарубежным крупным капиталом для упрочения национального социалистического сектора, для усиления его позиций в соревновании с национальным мелким и средним капиталом. И это не утопический замысел. Крупный зарубежный капитал пойдёт (и практика показала – шёл!) на этот союз, ибо получал значительные экономические выгоды. Дотянуться до руля политической власти нашей страны у него не было ресурсов. Да ему и не нужны были *политические* выгоды. Ему с лихвой хватало *экономических.*

И, наконец, завершающее звено теории новой экономической политики – кооперация. Мысль о социалистическом значении кооперации появилась у Ленина спустя почти два года после X съезда, принявшего новую экономическую политику и сформулировавшего её основополагающие принципы. В этой, принятой X съездом, концепции недоставало, как потом выяснил Ленин, очень важного звена. Там говорилось о соревновании социалистических и капиталистических элементов, крестьянского мелкобуржуазного хозяйства и плановой государственной экономики, о соревновании, которое должно было способствовать ускорению хозяйственного развития. Но оставался вопрос: а что же это «мелкое крестьянское хозяйство» так и будет оставаться на долгие и долгие годы в пространстве частной

собственности, в пространстве капитализма? А нельзя ли найти пути, чтобы в ходе вышеназванного «соревнования» крестьянин приближался к коллективистским, социалистическим формам деятельности?

И вот эта форма была Лениным найдена – кооперация.

«Благодаря нэпу», пишет он, «кооперация получила у нас совершенно исключительное значение» [Ленин, т. 45: 369]. И дальше ещё громче, ещё значительней: «…теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России» [Ленин, т. 45: 369-370]. И – поясняет, в чём состоит это «гигантское, необъятное значение» кооперации: «…теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса…, степень подчинения его общим интересам» [Ленин, т. 45: 370]. Через кооперацию, то есть через совместную деятельность мелких частных собственников в различных сферах производства, потребления, распределения, руководствуясь своим частным интересом, крестьянин вступает в коллективистскую, потенциально социалистическую, сферу деятельности – вначале эпизодически, потом, видя пользу для себя объединения, кооперирования с себе подобными, делает дальнейшие шаги, укрепляя и развивая свои общественные связи. Иначе говоря, его «частный интерес» подталкивает его к коллективной, кооперативной деятельности, которая, вместе с социалистической деятельностью рабочего класса на государственных предприятиях, будет способствовать построению социалистического общества. Так, по Ленину, будет решаться задача – «чтобы ***всякий*** мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении» [Ленин, т. 45: 370].

Для Ленина приход к идее кооперации, как форме перехода крестьянства «к новым порядкам, путём возможно более *простым*, *лёгким и доступным*» [Ленин, т. 45: 371] значил многое: его концепция новой экономической политики получила достойное завершение. Без этого, открытого Лениным, звена новая экономическая политика была неполна, ущербна. «Мы перегнули палку, – пишет он, – переходя к нэпу, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к нэпу, в том отношении, что забыли думать о кооперации» [Ленин, т. 45: 371].

Теперь найдены все звенья экономической деятельности, соединение которых способно обеспечить не только хозяйственный прогресс страны, но и её прогресс в движении к социализму – в его новой, по сравнению с прежними представлениями о социализме, форме. «В самом деле, – пишет Ленин, – власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках проле-

тариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т.д. – разве это не всё, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации» мы получили бы «всё необходимое для построения полного социалистического общества». «Это ещё не построение социалистического общества, но это всё необходимое и достаточное для этого построения» [Ленин, т. 45: 370]; «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма» [Ленин, т. 45: 373].

На этом создание концепции новой экономической политики (а по сути, концепции «нового социализма») было завершено. Сопряжение (соревнование, сотрудничество и противоборство) в рамках единого социального пространства плана и рынка, социализма и капитализма (мелкого и среднего), национальной экономики и крупного зарубежного капитала (концессии), с опорой на специфический «государственный капитализм» и кооперацию – **таковы главные черты этой новой теории послекапиталистического общественного развития. Таков результат пересмотренной Лениным прежней концепции социализма**.

Несколько добавлений для более глубокого и основательного понимания новизны ленинской точки зрения на социализм.

Нередко (или даже – как правило) нэп рассматривают не как новую концепцию социализма, а как некое временное «отступление» от «подлинного социализма». Минует-де время «отступления», и общество вновь вернётся к тому, прежнему, «нормальному» социализму. Так перечёркивается фундаментальная новизна ленинского теоретического поиска.

Да, у Ленина встречается характеристика нэпа как «отступления». Но если вдуматься, если повнимательнее вчитаться в ленинские тексты, то не трудно понять, о чём, о каком «отступлении», об «отступлении» от чего к чему идёт речь.

Да, мы «отступили». От чего и к чему? От «социализма» к «капитализму», чтобы по прошествии некоторого времени вновь вернуться к тому социализму, от которого временно «отступили»? Ничего подобного! Ленин мыслит иначе: мы «отступили» от ряда наших прежних нереалистических, утопических установок и надежд, мы забежали «вперёд»; не считаясь с реальностью и содержащимися в ней возможностями. Мы не в «социализм» забежали, от которого надо-де вернуться «назад», к капитализму. Мы забежали в Утопию, от которой надо вернуться к Реальности. И с точки зрения исторического развития, это не «шаг назад», а «шаг

вперёд»[1]. Мы « отступаем», выскакиваем из тупика, где нет возможностей дальнейшего движения, из болота, в которое мы забрели, и где ожидает нас гибель. И Ленин находит способ выхода из этого болота на твёрдую грунтовую дорогу, по которой можно двигаться в будущее.

Ленин постоянно подчёркивает условность этого термина «отступление»: «мы сейчас отступаем, как бы (! – Г.В.) отступаем назад…» [Ленин, т. 45: 302]. В этом вся соль: мы не «отступаем», мы «как бы» отступаем, а в действительности делаем «шаги вперёд».

И ещё один важный аспект проблемы: соотношение нэпа и Октябрьской революции.

Ряд авторитетных (можно даже сказать, замечательных, талантливых) исследователей нэповской проблематики высказывают, однако, мысль, что нэп – это исправление ошибок, сделанных не только под влиянием прежней социалистической теории, но попытка исправления главной исторической ошибки большевиков – осуществлённой ими Октябрьской революции. Нэп представляется ими как отрицание Октября, который-де был «тягчайшей ошибкой», толкнувший Россию на «тупиковый, гибельный путь».

У меня другая точка зрения.

Новая экономическая политика, «оживлявшая» капитализм, открывавшая капитализму двери на арену хозяйственной деятельности, ставила задачу: использовать потенциал капитализма, не допуская, однако, возможности его победы над социалистическим укладом – что и было условием экономического прогресса российского общества. А возможность ограничения капиталистических тенденций теория нэпа связывала с тем, что политическая власть находилась в руках трудящихся и что были национализированы крупные капиталистические предприятия, и, следовательно, экономическая власть тоже была в руках Советского государства. Всё это было условием успеха нэпа.

1Именно так ставит вопрос Ленин: «…новая экономическая политика есть отступление, *мы зашли дальше, чем могли удержать (курсив мой – Г.В.)*», «мы предпринимали (после Октябрьской революции – Г.В.) каждый день с величайшей поспешностью… различные новые хозяйственные мероприятия, которые нельзя назвать иначе, как социалистическими. И всё же я тогда полагал, что государственный капитализм по сравнению с тогдашним хозяйственным положением Советской республики представляет собой *шаг вперёд (курсив мой – Г.В.)*, «государственный капитализм был бы *шагом вперёд* (а не назад, не «отступлением» - Г.В.) против теперешнего положения дел в нашей Советской республике», «госкапитализм», этот «несоциалистический элемент расценивается выше, признаётся вышестоящим, чем социализм». (Ленин, т. 45: 8, 279, 280).

Но ведь именно Октябрьская революция и создала эти условия: она привела рабочий класс и его партию к политической и экономической власти. Без этого был бы невозможен даже разговор о нэпе.

Но не только Октябрь был предпосылкой нэпа. Новая экономическая политика, со своей стороны, высветила истинное содержание Октябрьской революции: оно не сводилось к задачам собственно социалистического характера. Вот свидетельство на сей счёт самого Ленина. «Непосредственной и ближайшей задачей революции в России, – пишет Владимир Ильич, – была задача буржуазно-демократическая (а отнюдь не социалистическая! – Г.В.), свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза прогресса в нашей стране» [Ленин, т. 44: 144]. И далее: «Мелкобуржуазные демократы (меньшевики и эсеры – Г.В.) восемь месяцев (после февральской революции – Г.В.) «соглашались» с помещиками, хранящими традиции крепостничества, а мы в несколько недель и этих помещиков и все их традиции смели с земли русской до конца» [Ленин, т. 44: 146]. «Мы довели буржуазно-демократическую революцию *до конца»* [Ленин, т. 44: 144-145], «это значит – очистка социальных отношений (порядков, учреждений) страны от средневековья, от крепостничества, феодализма» [Ленин, т. 44: 145]. Без решения этих задач, осуществлённых Октябрьской революцией, все дальнейшие разговоры о «социализме», «госкапитализме», «кооперации», «концессиях», нэпе были бы абсолютно бессмысленны.

Не «тягчайшей ошибкой», а всемирно-историческим деянием была Октябрьская революция. Деянием, не лишённым целого ряда иллюзий и утопических установок. Вот их, и только их и стремился исправить нэп.

Это был, конечно, прорыв, новое слово в развитии социалистической теории. И это новое слово было реалистическим и эффективным – что сразу показала практика его реализации.

Но успехи нэпа оказались не долговременными. Через 5-6 лет после его провозглашения нэп был похоронен пришедшей к власти сталинской командой. Возвращались донэповские методы, родственные военному коммунизму. Плюралистическая экономическая демократия нэпа была заменена централизованной системой политического насилия, административно-командного диктата.

Причин этого много – и корыстные интересы бюрократии (возглавляемой сталинским руководством), и неумение (а чаще – нежелание) *экономическими* методами решать проблемы, возникающие при реализации нэпа. Но был ещё один

фактор, облегчавший сталинцам возможность похоронить нэп. Это незавершённость, недоработанность, ограниченность самой стратегии новой экономической политики.

Да, при возникновении нэп был, можно сказать, «живой водой» для умиравшей экономики страны. Он, действительно, оживил её. Но в нэповской «реке» текла не только «живая», но и «мёртвая» вода, существенно снижавшая качество и живительную силу воды «живой».

Ленин не смог (или не успел?) избавить нэповское течение от этой «Мёртвой воды».

«Мёртвая вода» эпохи нэпа

Нэп был плюралистической экономической *демократией* (пространством соревнования, сотрудничества и соперничества разных укладов и экономических тенденций). Но эта нэповская *демократия* всё время натыкалась на *недемократические* политические стены. Политическая система страны в эпоху нэпа оставалась практически неизменной со времён военного коммунизма: «диктатура пролетариата», однопартийность, приоритет революционной целесообразности по отношению к праву, жёсткий централизм. Экономическая *демократия* не могла нормально функционировать и реализовывать свой социальный потенциал в условиях политической *диктатуры.*

Великий политический диагностик, Ленин хорошо различал симптомы этой социальной болезни. «Наш аппарат», писал он, «ровно никуда не годится, нужна «переделка нашего аппарата» [Ленин, т. 45: 376]. Он весь пропитан бюрократизмом, «комчванством», он оторван от масс. «Коммунисты стали бюрократами» [Ленин, т. 54: 180].

В обыденном сознании «бюрократизм» обычно не рассматривается, как какое-то масштабное и очень опасное социальное зло. Ну, это – волокита, культ бумажки (за которой не прослеживается человек). В действительности бюрократизм – это особый тип политического режима. Антинародного. Бюрократизм – это неподконтрольность власти чиновников народу. Мотивы и характер их деятельности тщательно скрывается от граждан. «Всеобщий дух бюрократии, писал Маркс, – есть тайна, таинство… соблюдение этого таинства обеспечивается в её собственной среде иерархией организаций, а по отношению к внешнему миру – её замкнутым, корпоративным характером» [Маркс, т.1: 272]. Бюрократу абсолютно безраз-

лично народное мнение. Он знает: не от народного мнения зависит его жизнь и карьера, а от благосклонности его начальника. Отсюда – высокомерие, пренебрежительность по отношению к нижестоящим и угодничество, лизоблюдство по отношению к стоящим выше. Российское чиновничество, однажды заметил знаменитый народнический публицист Михайловский, подобно лестнице: если смотреть на неё снизу вверх – восходящая лестница господ, если смотреть на неё сверху вниз – нисходящая лестница лакеев. Барин и холуй одновременно!

Бюрократизм – это система беспрекословного подчинения высшему политическому Авторитету. «*Авторитет* есть… принцип её (бюрократии – Г.В.) знания и обоготворение авторитета есть её *образ мыслей*» [Маркс, т.1: 243]. Бюрократизм – это система, замешанная на политическом насилии, произволе и волюнтаризме. «Бюрократия хочет всё сотворить… она возводит волю в cause prima(в первопричину). Для бюрократа мир – просто объект его деятельности» [Маркс, т.1: 243]. И отсюда – грозное ленинское пророчество относительно опасности бюрократизма: «Если что нас погубит, то это» [Ленин, т. 54: 180] , потому что «самый худший у нас внутренний враг – бюрократ», и «*от этого врага мы должны очиститься*» [Ленин, т. 45: 15].

Ленин видел эту зловещую цепочку становления авторитарно-бюрократической системы: диктатура пролетариата перерастает (в силу малочисленности и деклассированности российского пролетариата) в диктатуру партии, та, в свою очередь, – в диктатуру ЦК, диктатура ЦК – в диктатуру Политбюро, и, наконец, на вершине этой диктаторской вертикали – непререкаемый Авторитет, вождь-диктатор. Конечно, эта цепочка не будет чересчур зловещей, если таким Авторитетом будет человек интеллигентный, не сгораемый честолюбием, не упивающийся своей огромной властью, умеющий ею цивилизованно, в интересах общества, пользоваться. Ну, например, такой, как Ленин, Луначарский, Чичерин. А если это будет человек вроде Берии, Ежова, Вышинского, Сталина, наконец?..

Нельзя, чтобы судьба страны и населяющих её людей столь капитально, столь абсолютно зависела от психических особенностей и интеллектуально склада руководящей личности. Это для общества чревато страшными бедами.

Ленин, повторяю, видел эту чрезвычайно опасную, душащую инициативу масс, социальную болезнь – бюрократизм (которая сродни раковой опухоли). И самоотверженно искал от неё эффективных лекарств. «Я советовал бы очень предпринять …ряд перемен в нашем политическом строе, – взволнованно писал

он в «Письме» к XII съезду партии. – Мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными» [Ленин, т. 45: 343].

К чему сводился этот предлагаемый Лениным «ряд перемен» (о которых он написал не только в «Письме к съезду», но и в статьях «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше»)?

1. Реорганизовать Рабкрин (рабоче-крестьянскую инспекцию, орган *государственного* контроля) – в целях «улучшения» работы госаппарата. Это – против бюрократизации госаппарата.

2. Увеличить число членов ЦКК (Центральная контрольная комиссия, орган *партийного* контроля). Против бюрократизации партийного аппарата. Рабкрин, объединённый с ЦКК, должен стать органом, не допускающим сосредоточение власти в партии и государстве в одних руках.

3. Увеличить число членов ЦК партии. Фактор большей устойчивости, снижающий возможность раскола.

4. Сместить Сталина с поста Генерального секретаря ЦК.

Насколько эффективными оказались эти предложения? Что показала практика?

О реорганизации Рабкрина (РКИ). Разговор об этом начинается пафосно: «Вот о каких высоких задачах мечтаю я…» [Ленин, т. 45: 406].

Редко, очень редко окрашивает Ленин свои мысли в такие эмоционально насыщенные тона. Видимо, побуждают к этому и «высота» задач, и опасность ситуации: нужно приложить все силы, чтобы спасти страну от бюрократического спрута, удушающего общество, спасти как можно скорее, иначе – гибель.

О каких же «высоких задачах» мечтает Владимир Ильич?

«Я планирую, – пишет он, – …слияние авторитетнейшей партийной верхушки с «рядовым» наркоматом» [Ленин, т. 45: 406]. «Авторитетнейшая партийная верхушка» – это ЦКК (Центральная контрольная комиссия партии). «Рядовой» наркомат – это Рабкрин (Рабоче-крестьянская инспекция).

В чём смысл такого «слияния» и что ждёт от него Ленин?

Ленин видит в этом слиянии важный инструмент дебюрократизации, демократизации государственной и партийной системы. Ведь, бюрократизм, как мы уже писали, это – власть, неподконтрольная народу. Значит, если желать преодолеть бюрократизм, надо поставить власть (и в государстве, и в партии) *под контроль* – такова основная ленинская идея. Что нужно для этого сделать?

Во-первых, объединить («слить») два контрольных органа: партийный (ЦКК) и государственный (Рабкрин). Рабкрин, контролируя работу госаппарата, будет иметь возможность опереться на авторитет и полномочия высшего партийного органа – ЦКК, а ЦКК обретёт дополнительную силу, опираясь на стоящие за Рабкрином массы рабочих и крестьян.

И, во-вторых, организационно, кадрово укрепить обе контрольные структуры: увеличить число членов ЦКК[1], а разбухший аппарат Рабкрина свести до 300-400 служащих. В эту новую структуру должны войти «лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых элементы действительно просвещённые, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести», которые бы «не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьёзной поставленной цели» [Ленин, т. 45: 391-392].

Вот так. Собрать несколько сотен таких замечательных людей и наделить их высокими контрольными функциями! И будут они контролировать и ЦК партии и Политбюро: будут «присутствовать на Политбюро и проверять все документы, … практически участвовать в контроле и улучшении нашего госаппарата, начиная с высших государственных учреждений и кончая нижними местными и т.д.» [Ленин, т. 45: 386]. В результате в нашем ЦК уменьшится влияние чисто личных и случайных обстоятельств и тем самым понизится опасность раскола» [Ленин, т. 45: 387].

Члены этой новой организации «должны составить сплочённую группу, которая, «не взирая на лица», должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека (вот: и Сталина возьмут под контроль! – Г.В.), ни кого-либо из других членов ЦК (наркома Троцкого, руководителя питерских коммунистов Зиновьева и московских – Каменева! – Г.В.) не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомлённости и строжайшей правильности дел» [Ленин, т. 45: 387]. Увы, красивая утопия в стиле Фурье!

Кто будет подбирать несколько сотен этих прекрасных контролёров высшей власти? «Служащих Рабкрина мы (кто это «мы»? – по-видимому руководители партии – Г.В.) должны подбирать совершенно особо и не иначе, как на основании строжайшего испытания (кто их будет «испытывать»? – ну, конечно, высшее партийное руководство, кто же ещё! – Г.В.)… Рабочие, которых мы привлекаем в качестве членов ЦКК, должны быть безупречны, как коммунисты (кто это будет

1«Я предлагаю съезду выбрать 75-100 (цифры все, конечно, примерные) новых членов ЦКК из рабочих и крестьян» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 384).

определять? – по-видимому, высшие партийные инстанции, которые потом и будут контролироваться подобранными ими людьми – Г.В.)» [Ленин, т. 45: 393].

Ну, и что показала практика? Ну, подобрали высшие партийные руководители (во главе с генсеком Сталиным) несколько сотен людей для новой организации (положив им, по совету Ленина, высокие оклады – в целях их «независимости»), поставили во главе верного сталинского оруженосца – Куйбышева (того самого, кто высказал предложение напечатать статью Ленина в одном экземпляре «Правды» – пытался самого Ленина цензуре подвергнуть!). И начала эта новая организация «контролировать». Кого? Сталина (тщательно подбиравшего её членов)? Предохранила она Политбюро от раскола? Да, нет, катастрофически этот раскол ускорила, став дубинкой в руках формировавшего её Сталина. С её помощью товарищ Сталин хорошо «проконтролировал» своих соперников из Политбюро – Троцкого (исключил из партии и вышвырнул из страны), Зиновьева и Каменева (исключил из партии, арестовал, а после нашёл предлог, чтобы расстрелять)… А XII съезд, к которому с такой надеждой обращался Ленин, вопрос о Рабкрине даже не внёс в повестку дня и никаких намеченных Лениным полномочий ЦКК не предоставил (и не стал ЦКК органом, равноправным ЦК). Вот и вся история с реорганизацией Рабкрина и ЦКК. Не об этом «мечтал» Владимир Ильич!..

Хотя нельзя тут не обратить внимание на любопытную особенность ленинских мыслей относительно реорганизации Рабкрина-ЦКК: в них туманно, едва-едва, но просвечивает идея создания как бы второго центра власти, ограничивающего всевластие и всемогущество первого центра (ЦК, Политбюро) и получающего право контроля над ним (некий намёк на двухпартийность). Так, может, и стоило получше, поосновательнее прописать эту идею и довести её до логического конца в теории и до реализации её на практике?

И, может, потянула бы эта идея за собой другие, ещё более радикальные?

И, может, пришёл бы тогда Владимир Ильич к констатации того, что вообще «диктатура пролетариата» (которой, хотя и менее уверенно, но всё же держался он до последних дней) не может быть политической системой нового, основанного на нэпе, социалистического общества. Ведь нэп усиливал многообразие и разнообразие интересов социальных сил в обществе. И задача, следовательно, была – находить эффективные способы согласования интересов этих различных социальных слоёв, групп, классов. А это возможно, только если эти различные социальные силы будут иметь своих политических представителей, политические организации, формулирующие и защищающие эти интересы. Придётся, как следу-

ет, продумать и механизмы согласования интересов, способы реализации согласованных ими программ действия. Это могут быть только *демократические* механизмы и способы. «Диктатура» таких механизмов не имеет. В ней доминирует «механизм подавления» – всех, кто не согласен с навязываемой обществу «генеральной линии» правящей партии.

Значит? Значит, следовало бы, по-видимому, «коренным образом» пересмотреть «всю точку зрения» не только на *экономическую* систему социализма, но и на *«диктатуру пролетариата»,* на всю политическую систему, сложившуюся в период «военного коммунизма». Нужна была, иначе говоря, по аналогии с Новой Экономической Политикой (НЭП) Новая Политическая Политика (НПП)! А не просто «ряд изменений» в политическом строе. «Новая политическая политика», которая совершенно исключала бы слова: «Диктатура», «революционная целесообразность» и которая была бы теорией Новой Демократии и Правового Государства. Я представляю, насколько сложно было в тех, драматических, условиях 20-х годов придти к мысли о необходимости Демократии (вместо Диктатуры), насколько сложно было разработать концепцию Демократии применительно к российским условиям той поры и тем более воплотить её в жизнь. И всё же следовало бы, наверное, поискать приемлемых демократических форм, испробовать разные варианты, пусть иногда и рискованные.

Почему бы, в рамках Новой политической политики, не дать, например, возможность вернуться из эмиграции и появиться на политической арене страны конкурирующим с большевиками другим социалистическим партиям – меньшевикам и эсерам? Боялись, что их деятельность, их критика большевистской стратегии поколеблет советскую власть? Но, ведь, не побоялись же дать простор (пусть с определёнными ограничениями) капитализму (оппоненту для большевиков более опасному, чем оппозиционные социалистические партии). А чего же так бояться социалистов других направлений? Ну, ограничили бы их возможности, как смогли ограничить капитализм. Ввели бы какие-то «правила игры». Исключили бы из этого возможного союза те фракции этих партий, которые стояли на почве *вооружённой борьбы* с Советской властью. Нелогично: не бояться капитализма и бояться социалистических партий, выступающих за мирную, демократическую конкуренцию и принимающих идеи нэпа.

Да, и знаменитый «философский пароход», в условиях Новой политической политики, можно было бы не снаряжать. Зачем выталкивать из страны несколько сотен талантливых, всемирно известных представителей русской интел-

лигенции? Многие из них были критически настроены к советской власти и большевикам? А капиталисты, которых допустили к сотрудничеству в условиях нэпа – они, что, были менее критичны? Но ведь допустили же. И устами большевистского вождя провозгласили: учиться у них хозяйствованию. А у той, отправленной за рубеж, интеллигенции нечему было поучиться? Провозгласили необходимость «культурной революции» – и цвет русской культуры выбросили за рубеж…

Может быть, стоило прислушаться к советам Розы Люксембург:

– «Историческая задача пролетариата, когда он приходит к власти, — создать вместо буржуазной демократии социалистическую демократию, а не упразднить всякую демократию» [Люксембург, 1991: 331];

– «Совершенно очевиден, неоспорим тот факт, что без свободной, неограниченной прессы, без беспрепятственной жизни союзов и собраний совершенно немыслимо именно господство широких народных масс» [Люксембург, 1991: 326-327];

– «Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии — сколь бы многочисленными они ни были — это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма «справедливости», а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если «свобода» становится привилегией» [Люксембург, 1991: 331].

Ещё раз: экономическая демократия нэпа нуждалась в помощи политической демократии. Фундаментальная экономическая реформа нэпа нуждалась в дополнении её фундаментальной же политической реформой. Предложенный Лениным «ряд политических изменений», шедших в общем и в целом в направлении демократизации общественного строя, эту фундаментальную задачу, однако, не решал.

Мы уже писали о провале идеи реорганизации Рабкрина и ЦКК как средства борьбы с бюрократической системой..

Также не привело к ожидаемому результату и другое ленинское предложение – об увеличении числа членов ЦК, как средства ограничения всевластия партийной верхушки, избежания раскола и условия «обучения цекистской работе» более широкого круга партийцев[1].

1«Увеличение числа членов ЦК до количества 50 или даже 100 человек должно служить, по-моему, двоякой или даже троякой цели: чем больше будет членов ЦК, те больше будет обучение цекистской работе и тем меньше буде опасности раскола от какой-нибудь неосторожности. Привлечение многих рабочих в ЦК

Ну, выполнили завет Владимира Ильича. Увеличили количество членов ЦК. И что с «расколом»? Да, этим только ужесточили и ускорили его. Подбирал-то новых членов Центрального Комитета секретариат ЦК. А генеральным секретарём был товарищ Сталин. Всем были обязаны ему новые члены ЦК. И этот, расширенный, состав ЦК, вместо того, чтобы, по-ленински, обеспечивать коллективность руководства и предотвращать раскол, быстро и жёстко, по-сталински, разобрался с соперниками Иосифа Виссарионовича. И с успехом прошёл у Сталина курс «обучения цекистской работе»: научился орать с места, затыкая рот неугодным Сталину ораторов (в том числе вдове Ленина, Надежде Константиновне Крупской, посмевшей робко перечить новому вождю).

Ну, и, наконец, – о предложении сместить с поста генсека Иосифа Сталина – человека, который «сосредоточил в своих руках необъятную власть» и который, по мнению Ленина, вряд ли сумеет «достаточно осторожно пользоваться этой властью» [Ленин, т. 45: 345].

Снова Ленин загодя чувствует возможную опасность для общества, исходящую от этого человека. Но давайте поосновательнее вчитаемся в его «Письмо к съезду» и последим за аргументацией Ленина, касающейся необходимости отстранения Сталина от высокого поста, – насколько она убедительна.

Ленин делает акцент на грубости Сталина: «Сталин слишком груб… Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью, но с точки зрения предохранения от раскола… это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение» [Ленин, т. 45: 346].

Замечания эти, конечно, важны. Но здесь всё же нет главного: не показано, в какие чудовищные последствия может вылиться это соединение «необъятной власти» и то, что Ленин деликатно назвал «грубостью». Здесь нет ясно и чётко выраженного предостережения партии и народа по поводу этого политика.

Более того, Ленин называет Сталина (наряду с Троцким) «выдающимся вождём современного ЦК» [Ленин, т. 45: 346]. Но «выдающийся вождь» – «груб», поэтому сместите его с поста генсека. На чашах весов – две характеристики, данных Лениным Сталину: на одной – «выдающийся вождь», на другой – «грубость». Ну, разве какая-то там «грубость» может перевесить чашу с «выдающимся вождём»? И кто, скажите, не бывал «груб» в то сложное и «грубое» время? Да, и сам

будет помогать рабочим улучшать наш аппарат, который из рук вон плох» (Ленин В.И. Полн. собр. соч.. Т. 45. С. 346-347).

Владимир Ильич пишет, «грубость» – это «недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами» [Ленин, т. 45: 346].

Дальше – больше. Ленин предлагает на место генсека назначить другого человека, который отличался бы «от тов. Сталина только одним (! – Г.В.) перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.» [Ленин, т. 45: 346].

Начинаем искать такого человека среди руководителей партии. Зиновьев и Каменев? Но в том же письме Ленин счёл нужным напомнить, что «не является случайностью» «октябрьский эпизод» этих двух вождей (когда они выступили против восстания, сообщили об этом в открытой печати, выдав секретное решение ЦК»). Струсили. Предали. Все же помнят, что сам Ленин назвал их штрейкбрехерами, которых больше «товарищами» не считает, и потребовал исключения их из партии. А Сталин-то, хоть и был не слишком заметен в Октябрьские дни, но всё же не струсил, не предал. Куда же Зиновьеву с Каменевым соперничать со Сталиным?

Бухарин? Да, по ленинской характеристике, «самый выдающийся» «из молодых», «ценнейший и крупнейший теоретик», «любимец всей партии». И тут же: «но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нём есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)» [Ленин, т. 45: 345]. Ну, и куда же ему, «не вполне марксисту», человеку, не вполне понимавшему диалектику, соревноваться с генсеком (который всего лишь «груб»)?

Наконец, Лев Давидович Троцкий. Может он? Да, «выдающихся способностей» человек, и «пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК» [Ленин, т. 45: 345]. Но тут же, как бы между прочим, Ленин напоминает о прошлом «небольшевизме» Троцкого (что, впрочем, смягчает он свою констатацию, не надо ставить ему «в вину лично»). Ну, хорошо в вину ставить не будем. Но всё же зачем-то упомянул Ленин это обстоятельство. А Сталин был большевиком всегда, неколебимым и твёрдым. Нет, и Троцкий, стало быть, ему не соперник.

В общем, как это ни больно признавать (ибо, конечно, Ленин и Сталин – антиподы и в политическом, и человеческом плане), но, объективно, своим «Письмом к съезду» Владимир Ильич не только не дезавуировал Сталина, но, скорее поднял его над всеми другими вождями (субъективно, думаю, этого не желая). И вот то, что Ленин слишком поздно разглядел громадную опасность для народа и дела социализма, исходящую от Сталина, то, что он не нашёл весомых, убеди-

тельных аргументов в пользу его смещения с одного из самых высоких постов в партии – за это Владимир Ильич несёт серьёзную историческую ответственность.

Тем более случались поводы, когда обладающий непререкаемым авторитетом Ленин мог в одночасье сместить Сталина. Ну, хотя бы за его позицию в вопросах так называемой «автономизации», за поддержку поведения Орджоникидзе в так называемом «грузинском инциденте». «Если дело дошло до того, – писал Ленин, – что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия (к полемизировавшим с ним грузинским коммунистам – Г.В.)…, то можно представить, в какое болото мы слетели. Видимо, вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна» [Ленин, т. 45: 356], «я думаю, тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль» [Ленин, т. 45: 357]. И далее, особенно остро и резко – с прозрачными намёками на Сталина и Орджоникидзе: «Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется обвинением в национал-социализме (тогда как он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом», но и грубым русским держимордой) тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности…» [Ленин, т. 45: 360]. Ну, и почему же такого «грузина» терпеть на высоком руководящем посту?

Или другой эпизод, о котором рассказано в записках Марии Ильиничны Ульяновой: «…узнав о болезни Мартова, В.И. просил Сталина послать ему денег. «Чтобы я стал тратить деньги на врага рабочего дела! Ищите себе для этого другого секретаря», – сказал ему Ст(алин). В.И. был очень расстроен этим, очень рассержен на Ст(алина)». «Расстроен», «рассержен»? А почему бы не выполнить хамское и наглое предложение товарища Сталина – взять, да и поискать вместо него другого секретаря? Если бы можно было хоть немного, но переиграть историю…

В общем предложенные Лениным «перемены в нашем политическом строе» результата не дали. Строй не изменили, не предотвратили нашу страну от вползания в тоталитарную сталинскую казарму.

Ещё раз: нужен был не просто «ряд изменений» в политическом строе. Нужна была, по аналогии с Новой Экономической Политикой (НЭП), Новая Политическая Политика (НПП), которая совершенно исключала бы слова: «диктатура», «революционная целесообразность» и которая была бы теорией Новой Демокра-

тии и Правового Государства. И снова – Роза Люксембург: «Единственный путь к возрождению: школа самой общественной жизни**,** *неограниченная широчайшая демократия* [Люксембург, 1991: 330];

Сопутствовавшая демократическому нэпу авторитарная политическая система и была той «мёртвой водой», от которой нужно уберечь программу и стратегию современного социализма.

X X X

Эта, усваивавшая уроки прошлого, стратегия (для России), по-видимому, должна сегодня выглядеть так:

Общественная собственность + частная

Социализм + капитализм (исключая олигархат)

План + рынок

Национальная экономика + зарубежные Концессии

+ Кооперация

+ Широкая политическая Демократия

То есть: НЭП + НПП.

И несколько важных добавлений к этому. Современная социально-преобразовательная стратегия невозможна без решения вопроса о роли нравственности в революционном (или шире – в политическом) процессе. Ленинские установки на сей счёт были подчас весьма неудачны, или, скажем мягче, весьма неосторожны. Они как раз из разряда той «мёртвой воды», от которой мы хотели бы уберечь теорию современного социализма. Критический анализ этих установок тем более необходим, что именно их (предельно, впрочем, огрубляя и доводя до абсурда) брала на вооружение сталинская команда.

Приступая к критическому анализу этих ленинских установок, я хотел бы сказать несколько слов о своеобразии этой критики.

Сейчас развелось много мудрецов, которые, надев домашний халат и комнатные тапочки, удобно устроившись у мягко светящей настольной лампы, начинают «вершить историю», повелевая давно ушедшими в небытие классами и политическими партиями, просвещая политических лидеров далёкого прошлого, вынося им оценки за поведение, а то и привлекая чуть ли не к юридическому суду. И кажутся они себе в эти моменты значительными политическими персонами, чуть ли не всемирно-исторического масштаба, запросто встающими «на равных», в один ряд, с Марксом, Энгельсом, Лениным, Чернышевским. Да даже не «на равных», а

выше, значительно выше их, вечно «ошибавшихся», вечно говоривших и делавших что-то «не то».

Я хотел бы избежать такой интонации. Я бы хотел не поучать великих деятелей прошлого, а учиться у них, учиться на их достижениях и ошибках (выявляемых ходом истории). Я хотел бы относиться к «ошибкам» Владимира Ильича примерно так, как он сам относился, например, к «ошибкам» бесконечно ценимой им Розы Люксембург. «Мы, – писал он в своих знаменитых «Заметках публициста», – ответим на это (на попытки некоторых политиков скомпрометировать Розу отдельными её ошибками – Г.В.) двумя строками из одной хорошей русской басни: орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда, как орлы, не подняться. Роза Люксембург… несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом; и не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и *полное* собрание ее сочинений… будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира» [Ленин, т. 44: 421-422].

Жалки современные «куры», кудахтающие о «фундаментальных провалах» ленинской стратегии, не способные подняться до орлиного полёта ленинской мысли. Я же всего лишь констатирую, что, в силу разных причин, «орлиный полёт» Владимира Ильича иногда вдруг снижался и давал сбои. Вот об этих «иногда», о некоторых неудачных, неосторожных (способных обернуться большой бедой) его формулировках я и хочу сказать здесь несколько слов.

Итак, какие же «неудачные» формулировки Ленина имею я в виду?

Первая: в «марксизме… нет ни грана этики» [Ленин, т. 1: 440-441]. Вообще-то это сказал Зомбарт. Но Ленин принял и решительно поддержал этот тезис. Сталинцам очень нравилась такая, освящённая Лениным, установка. Никаких этически сдерживающих политическое действие факторов не существует, во имя намеченных целей «всё позволено» – так они трактовали ленинскую мысль, так они вершили свои дела на практике. Это было, конечно, страшное упрощение, огрубление ленинской мысли, доведение её до абсолютного макиавеллизма. У Ленина она имеет другой подтекст, а именно: *только* нравственная проповедь не способна поколебать (а тем более устранить) буржуазный, антинародный режим. Нужна организованная *политическая* борьба угнетённых и эксплуатируемых классов – в ней главный залог успеха. Но сформулирована эта, в принципе верная, мысль очень неудачно, что и облегчало сталинцам трактовать её в макиавеллистском смысле, приспосабливая её к своему диктаторскому, тоталитарному режиму.

В таких принципиальных, важных формулировках не должно быть никаких двусмысленностей, должна быть совершенно исключена возможность их интерпретации в макиавеллистско-сталинском духе. Должно быть ясно подчёркнуто, что марксизм – есть учение не за границами этики, а, напротив, – сама Этика, что марксизм, в сути своей, учение этическое, нравственное. Именно на это указывает сформулированная Марксом и Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии» главная цель социалистического общества: всестороннее и универсальное развитие «прекрасной индивидуальности», «свободное развитие каждого есть условие развития всех». Об этом – Маркс в Манифесте первого Интернационала: «добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами». [Маркс, т. 16: 11]. Наконец, совершенно недвусмысленное определение Марксом сути своего учения: «Реальный гуманизм»! [Маркс, т. 2: 7,139,146].

И другой ленинский тезис: «Нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество» [Ленин, т. 41: 311]. Или, как обычно, в краткой форме излагают суть этой ленинской мысли: «Нравственно всё то, что служит созиданию «нового общества» (коммунизму, социализму…)».

Заметим, во-первых, что здесь Ленин признаёт-таки существование нравственности в марксизме (вот вам и «ни грамма этики»!). И при этом совершенно справедливо указывает, что нравственность эта должна быть связана с созиданием «нового» (социалистического) общества. Но вот характер этой связи формулируется Лениным неудачно («неосторожно») – что позволяет интерпретировать его в макиавеллистско-сталинистком духе: «Всё, что приближает нас к желанной цели (коммунизму, социализму, как мы их понимаем) – всё допустимо, всё позволено, всё нравственно (цель оправдывает любые средства!)».

Надо бы поменять местами части этой формулы. И тогда она примет такой вид: «Всё, что нравственно, – служит будущему «совершенному», «новому» строю («коммунизму», «социализму»). То есть не приближением к «совершенному» строю (на разные лады понимаемому) оценивать нравственность действий, а нравственностью оценивать – к «совершенному» ли строю движемся или в какую-то другую сторону. Ещё раз: «Всё, что нравственно, то служит «социализму» (понимаемому как демократическое и гуманное «новое общество»). Не нравственность подчинять социализму, а социализм – нравственности!

«Неудачность», «неосторожность» формулировок я также связываю с тем, что в них политиком не всегда учитывается уровень политической (да и общей) культуры людей, к которым он обращается с тем или иным лозунгом. Опасно в неразвитое политическое сознание вносить идеи и лозунги, которые это сознание не способно адекватно интерпретировать, которые допускают возможность их превратного толкования. К сожалению, таковы ленинские формулировки, касающиеся соотношения марксизма и демократии, политики и морали, нравственности и социализма.

К такого рода неудачным формулировкам я бы отнёс и ленинское определение новой революционной государственности («диктатуры пролетариата»): «власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами» (т. 37, с. 245), исходящая в своей деятельности из «революционной целесообразности». Такое определение в сознании угнетённых (и в силу этого радикально, революционно настроенных, но политически «тёмных») людей, которых было немало в народных низах, однозначно будет истолковано, как оправдание полного и абсолютного произвола: если «никаких законов» нет, значит «всё позволено» и можно делать всё, что будет нами сочтено «революционной целесообразностью».

Тут – с учётом неразвитого сознания значительной части революционной массы – нужна другая формулировка содержания и задач «новой государственности». Да, новая государственность не может опираться на прежние законы. Она, действительно, не связана никакими законами … *прежней* государственности. Но у неё должны быть свои, новые, законы, в рамках которых она и будет действовать. Да, поскольку новая государственность пробивает себе дорогу с помощью революционного насилия, то она не может не применять насильственные методы («непосредственное насилие»!). Но у этого насилия тоже должны быть свои нормы, принципы, пределы, ограничения – дабы оно не превратилось в абсолютный произвол. И эти принципы, нормы, пределы, ограничения должна установить новая, революционная государственность. Да, эти принципы будут ставить во главу угла «революционную целесообразность. Но содержание этой «целесообразности» тоже должно определяться не произвольными решениями того или другого политика (которые могут быть эмоциональными, субъективными, наносящими вред революционным преобразованиям), а тщательно продуманными, взвешенными, демократически обсуждёнными решениями институтов этой самой «новой государственности». И, следовательно, нужно искать формулировки и лозунги, кото-

рые отражали бы всю *сложность* задач, стоящих перед революционным народом. Иначе добрые намерения обернутся Большой Бедой.

Итожим: ленинские определения соотношения нравственности и революции, политики и морали, содержания «новой государственности» следует отнести к тому, что мы назвали «мёртвой водой», и потому они не могут и не должны входить в состав современных социально-преобразовательных теорий.

И ещё одна струя «мёртвой воды» в большевизме: обожествление партии и её решений.

Вы только посмотрите, что говорят и пишут виднейшие соратники Ленина, которых Владимир Ильич прочил в «наследники». Это же невозможно читать!

Лев Давидович Троцкий (в мае 1924 года, на XIII съезде партии): «Партия в последнем счёте всегда права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату… Я знаю, что быть правым против партии нельзя Правым можно быть только с партией и через партию, ибо других путей для реализации правоты история не создала» [XIII съезд, 1963: 158]. Вот так готовился править Лев Давидович. Товарищ Сталин подписался бы тут под каждым словом!

Николай Иванович Бухарин («ценнейший и крупнейший, теоретик партии», по известной характеристике Ленина): «Дискуссия недопустима потому, что она расшатывает самую основу диктатуры пролетариата, единство нашей партии и её господствующее положение в стране, что она льёт воду на мельницу групп и группировочек, жаждущих политической демократии» [Геллер, Некрич, 1995: 217]. (О, какое страшное преступление – «жажда демократии»!). Джугашвили, готовя впоследствии кровавую расправу над Бухариным, хорошо воспользовался этими сентенциями «крупнейшего теоретика».

Лев Борисович Каменев (дублируя Троцкого): «Целиком и полностью подчиниться партии. Мы избираем этот путь, ибо глубоко уверены, что правильная ленинская политика может восторжествовать только в нашей партии и только через неё, а не вне партии, вопреки ей» [Геллер, Некрич, 1995: 202].

И соглашаясь с ними, практик, «выдающийся менеджер» Сталин ставил борьбу с инакомыслящими «группировочками» внутри партии на почву практической политики, переходя от слов к делу: «Да, мы их арестовываем и будем арестовывать… Говорят, что история нашей партии не знает таких примеров. Это неправда. А группа Мясникова? А группа «рабочей правды»? Кому не известно, что члены этих групп арестовывались при прямой поддержке со стороны Зиновьева,

Троцкого и Каменева?» [Геллер, Некрич, 1995: 203]. Известно, конечно, известно, очень хорошо известно!

Вставить бы товарищу Сталину в компанию этой троицы ещё Алексея Ивановича Рыкова с его самодовольно-победительной репликой по адресу инакомыслящих в заключительной речи на XV съезде партии: «Я думаю, что нельзя ручаться за то, что население тюрем не придётся в ближайшее время несколько увеличить» [Геллер, Некрич, 1995: 202]. Какая изящная ирония! И, конечно, под «бурные аплодисменты». Бедный, несчастный, недальновидный, через десяток с небольшим лет расстрелянный за инакомыслие Алексей Иванович!..

Справедливости ради, следует сказать, что скоро, очень скоро эти товарищи (за исключением, разумеется, Сталина), поняли всю чудовищность этих своих высказываний и начали борьбу за демократическую атмосферу в партии, но поняли слишком поздно, когда исправить уже было ничего нельзя.

Ну, это всё же только «соратники» Ленина. У самого Владимира Ильича таких крайних высказываний не найдёте. Но всё же где-то близко к этому – позиция, занятая им на X съезде по вопросу о «Единстве партии».

«О единстве партии» – так называлась резолюция X съезда, активно защищавшаяся Лениным. В чём тут проблема?

Да, партия большевиков после Октябрьской революции была доминирующей политической структурой в России. Она завоевала право определять пути развития страны. Это бесспорный факт. Но как эффективно определять эти пути развития? Послеоктябрьская ситуация 20-х годов – трудная и сложная. Сам Ленин пишет о том, что многие старые теоретические концепции не работают и что «мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». А что же именно нужно «переменить» и как «переменить»? Как определить в новых условиях перспективу развития? Тут, естественно, необходима напряжённая работа всех теоретических сил. В ходе этой работы, в ходе поиска эффективных решений неизбежно появление разных предложений, разных концепций. Неизбежны и дискуссии вокруг этих предложений и концепций. А как же иначе?

И вот именно в этот период, в этой ситуации «поиска» X съезд принимает решение «О единстве партии». Речь там идёт о запрете фракций, ибо фракции подрывают-де единство и сплочённость партии. На самом же деле это решение подрывало жизненность партии. Во-первых, «фракциями» можно было объявить (что постоянно впоследствии, при Сталине, и случалось) любую коллективную поддержку предложений, противоречащих «официальной точке зрения» цековско-

го, направляемого Сталиным, большинства. А во-вторых (и это главное), в тех условиях «запрет фракций» был на деле запретом на инакомыслие, на выдвижение и обоснование альтернативных точек зрения

Заботились о «единстве». Но возникает вопрос: как и на чём это «единство» будет основано? На какой стратегии, на какой программе? Как вырабатывается стратегия, призванная обеспечить «единство»?

Реально это выглядело так. Узкий круг вождей (а, по сути, Ленин, когда он был во главе партии) разрабатывает эту стратегию и предлагает её партии. Ну, и что дальше? Поскольку дискуссии, другие точки зрения запрещены (как ведущие к созданию «фракций), то идеи приходящей сверху стратегии принимаются без особого обсуждения. Кто посмеет оспаривать предложения вождей, того (как «фракционера») вышибают из партии.

Нелепейшая ситуация! А что если в предложениях вождей есть ошибки, которые следует исправить? Ведь сам же Ленин криком кричал – при выработке нэповской стратегии: мы наделали массу серьёзных *ошибок.* И где же механизм их обнаружения, обсуждения и исправления? X съезд сделал всё, чтобы такой механизм не сложился. И Ленин, увы, защищал это решение.

Вот так, ещё до прихода к власти сталинской команды, закладывались основы будущей Большой Беды. В стране – «диктатура пролетариата», всю её политику определяет целиком и полностью единственная в стране партия. Это означает (как признавали сами партийные вожди) «диктатуру партии». «Диктатура партии» (поскольку в ней многоголосие, инакомыслие запрещены) превращается в «диктатуру политбюро», та – в диктатуру группы доминирующих в ней вождей, группа выдвигает главного своего лидера – рождается режим единоличной диктатуры. Так формируется печальной памяти цепочка: диктатура пролетариата – диктатура партии – диктатура политбюро – диктатура господствующей в политбюро группы вождей – единоличная диктатура Вождя (пресловутый культ личности!).

Справедливости ради, следует заметить, что решение X съезда о «Единстве» содержала некоторые оговорки и дополнения: возможность в непосредственном преддверии съездов проводить в узком партийном кругу нечто вроде «обсуждений» и «дискуссий», издавая некие дискуссионные листки. Да, и лидерство Ленина существенно отличалось от будущего сталинского культа. Ленин в большинстве случаев стремился и умел действовать убеждением, а не репрессиями. Он, критикуя ошибочные, по его мнению, позиции товарищей, постоянно подчёркивал значимость и заслуги критикуемых. Это была *товарищеская* критика.

Так, на XI съезде РКП(б) Ленин в «Заключительном слове по политическому отчёту ЦК РКП(б)» в пух и прах раскритиковал позиции Ларина, Осинского и Преображенского. И тут же, сразу после разносной критики, замечает. О Ларине: «В его преданности и знании дела и тени нет ни у кого сомнения», «он человек очень способный и обладает большой фантазией»; «эта способность чрезвычайно ценна» [Ленин, т. 45: 125]. Об Осинском: «У Осинского сильная его сторона – с энергией и нажимом наступать на то дело, за которое он берётся. Надо сделать так, чтобы эта сильная сторона была так обставлена, чтобы его слабая сторона была урезана… Я думаю, что мы в ЦК приняли меры, чтобы сочетать его слабые стороны с сильными». [Ленин, т. 45: 123]. О Преображенском: «Он подходит ко всему с тем, что составляет его сильную сторону: он теоретик, устремлённый на определённые рамки, привычные и обычные, пропагандист, который занят разными мерами, направленными к тому, чтобы пропагандировать. Все знают и ценят эту сильную сторону…» [Ленин, т. 45: 121].

При Сталине – другой подход. Иное мнение? Нарушаешь «единство»? – Исключение из политбюро, из ЦК, из партии, далее (нередко) – тюрьма, лагерь – расстрел.

В общем, резолюция X съезда производит тяжёлое впечатление. И всё же она содержала лишь *возможность* сталинизма, но не его *неизбежность*. Не исключено, проживи Ленин подольше, продолжи руководить партией, резолюция съезда была бы им смягчена, а потом и вовсе пересмотрена. Основанием для такого предположения может служить ленинская концепция нэпа, знаменовавшая отказ от экономической *диктатуры* и переход к экономической *демократии.*

Но как бы там ни было, резолюция эта была большой и несомненной ошибкой, закончившейся Большой Бедой – установившимся в 30-е годы диктаторским режимом.

Резолюция X съезда «О единстве партии» была той «мёртвой водой», от которой современная социально-преобразовательная теория должна решительно оградить себя. Подобные резолюции не могут иметь место в программатике современного демократического социализма. Ни под каким видом!

И, в заключение, – дополнение, диктуемое спецификой современного социального развития мира и России (как его составной части).

В чём суть этой «специфики», внесения каких дополнений в современную социально-преобразовательную теорию она требует?

Сегодня, в XXI веке, человечество вступает в принципиально Новую Социальную Реальность. Оно – у черты перехода: от прежних форм социальной жизни к ее новым формам, от прежних форм мышления и идеологических парадигм к новым. Это переход: от истории **локального** развития стран и цивилизаций к их сложно-противоречивому взаимодействию в рамках **глобализации**; от ситуации миро-человеческого **бессмертия** к ситуации, когда человечество (после создания ядерного оружия) стало **смертны**м (т.е. способным уничтожить самое себя); от **«узко-социального»** мышления к **«ноосферному»**; от **антагонизма** либеральной и социалистической идеологий к их сближению и **конвергенции**; от понимания прогресса как «развития материальных, производительных сил» человечества к пониманию прогресса как процесса снятия «отчуждения», как процесса **«очеловечивания»** мира и человека, как процесса освоения («присвоения») **каждым** индивидом всего богатства человеческой сущности. Речь, по сути, идет о рождении принципиально нового Субъекта мировой истории и о возникновении Нового Мира, в котором этому Субъекту предстоит действовать. Действовать, естественно, по-новому, формулируя Новые Цели и Новые Идеалы, определяя Новые Средства их достижения. И в силу этого на место прежних мировоззренческих установок должно придти Новое Мировоззрение, основной императив которого мы сформулировали бы так: «Очеловечивание Человека и Среды его обитания» – мировоззрение, отвечающее на вызовы социальной реальности XXI и провозглашающее в качестве главной задачи «Очеловечивание», должно быть по праву названо **Новым Гуманизмом** или **Неогуманизмом**.

«Бессмертный» ранее Человек мог, не терзаясь особенно сомнениями, произносить: «революции – праздник угнетённых», «насилие – повивальная бабка истории», «пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической революцией». Нынешний, «смертный», Человек остережётся, без ограничительных добавлений, бросать подобные лозунги, ибо «революционный праздник» может обернуться общечеловеческим пепелищем, а от иных «революций» могут «содрогнуться» не только «господствующие классы», но всё человечество. «Революции», как процесс коренных социальных преобразований, не уйдут в прошлое, но формы и характер их должны будут обрести более гуманные, более мирные формы.

И классовые интересы сохранятся, но борьба за их реализацию будет совмещаться с задачей учёта общечеловеческих, общемировых интересов и ценностей, подчинена им.

И «национальные интересы» стран и народов не исчезают, но они должны быть соподчинены с глобальными, общечеловеческими интересами.

И прежние идеологии (в первую очередь, наиболее значимые среди них – социализм и либерализм), не отбрасываются, не перечёркиваются, поскольку в них сохраняется некое живое содержание, целый ряд интенций, сыгравших серьёзную позитивную роль в истории человечества и способных ещё сыграть в будущем. Но они должны быть существенно преобразованы с учётом вызовов современного глобального развития и в преобразованном виде включены в корпус идей Новой Идеологии – идеологии Неогуманизма, этой мировоззренческой парадигмы XXI века.

А её идеологический, социально-политической эквивалент, сочетающий демократически-социалистические ценности и императивы гуманизма может быть назван (употребим знаменитую формулу Маркса) **Реальным Гуманизмом.**

Итоговая формула современной социально-преобразовательной теории, **Реального Гуманизма**, стало быть, будет выглядеть так:

Общественная собственность + частная
Социализм + капитализм (исключая олигархат)
План + рынок
Национальная экономика + зарубежные Концессии
+ Кооперация
+ Широкая политическая Демократия
(НЭП + НПП)
+ Сопряжение политики и морали
+ Принципы неогуманизма (с приоритетом глобальных, общечеловеческих интересов).

«Реальный гуманизм» – это и есть современный социализм, устремлённый в Будущее!

X X X

А закончить этот сложный разговор о ленинском наследии я хотел бы цитатой из блистательной «Рукописи о русской революции» Розы Люксембург. В ней автор выступает с откровенной, острой (а порой просто резкой) критикой недемократических аспектов стратегии возглавляемых Лениным большевиков. Но вот фи-

нал: «Нельзя требовать от Ленина и его товарищей сверхчеловеческого, ожидать еще и того, чтобы они при таких обстоятельствах оказались бы способны сотворить чудо, создав самую прекрасную демократию, самую образцовую диктатуру пролетариата и процветающую социалистическую экономику. Своим решительным революционным поведением, своей образцовой энергией и своей нерушимой верностью интернациональному социализму они, право же, сделали достаточно из того, что было возможно сделать в столь дьявольски трудных условиях… Большевики показали, что они могут все, что только в состоянии сделать истинно революционная партия в границах исторических возможностей... Дело заключается в том, что надо отличать в политике большевиков существенное от несущественного, коренное от случайного... В этом отношении Ленин и Троцкий со своими друзьями были *первыми,* кто пошел впереди мирового пролетариата, показав ему пример; они до сих пор все еще *единственные,* кто мог бы воскликнуть вместе с Гуттеном: «Я отважился!» Вот что самое существенное и *непреходящее* в политике большевиков. В *этом* смысле им принадлежит бессмертная историческая заслуга: завоеванием политической власти и практической постановкой проблемы осуществления социализма они пошли впереди международного пролетариата и мощно продвинули вперед борьбу между капиталом и трудом во всем мире. В России проблема могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России, она может быть решена только интернационально. И *в этом смысле* будущее повсюду принадлежит «большевизму» [Люксембург, 1991: 332-333].

Подписываюсь под каждым словом! С одним добавлением: «большевизму», освобождённому от «мёртвой воды» и дополненному идеями, отражающими современную реальность. И тогда традиционный «большевизм» превратится в теорию современного демократического социализма. Или шире – в современную социально-преобразовательную теорию, которая может быть названа теорией «Реального гуманизма».

Михаил КОТЕЛЬНИКОВ

Эрозия и рецидивы марксистской ортодоксии в теоретических построениях «правого» коммуниста Н.И. Бухарина

Для экспликации логики исторического развития марксизма немаловажное значение имеет сегодня позиция «правых коммунистов» - той части ортодоксальных марксистов, которая, придерживаясь принципа абстрактного тождества в понимании его природы, на практике (во второй половине 20-х гг.) в наибольшей степени приблизилась к адекватному применению методологического потенциала классического марксизма.

Переболев «левизной», Бухарин сумел критически оценить иллюзорность прежних убеждений («некоторых заблуждений и неправильных представлений о ходе нашего развития к социализму»), извлечь для себя теоретически и практически значимые выводы из захлебнувшейся «красногвардейской атаки на капитал». Обращаясь к ленинскому «завещанию», он находит в нем основания для отказа от всесокрушающих «революционных приемов» в пользу «действий реформистских». Вместе с тем, принципиально важно учитывать, что, отмежевываясь от легковесной революционности, чреватой экономической катастрофой, и настаивая на преимуществах рыночного регулирования (с сохранением контроля со стороны государства), «правые» шли значительно дальше ленинского понимания нэпа. При всей неоднозначности в последнем все же отчетливо просматривался акцент на вынужденном характере «отступления». Допуская диктуемые жизнью «компромиссы», монополия партии на власть оставалась для Ленина непререкаемой, т.е. абсолютной истиной. «Реформизм» же бухаринской группы логически вел к отступлению от марксистской ортодоксии, несмотря на то, что не сопровождался формальной ревизией основополагающей установки - идеологической конструкции «диктатуры пролетариата».

Сталин был совершенно прав, утверждая, что на уровне высшего руководства партии во второй половине 20-х гг. были представлены не «оттенки» в понимании «одной общей генеральной линии», а фактически «две линии», во многом не совместимые друг с другом. Разногласия между официальным курсом ЦК и группой Бухарина, Рыкова и Томского в Политбюро были настолько значительными, что *объек-*

тивно переросли рамки внутрипартийных. Однако тот факт, что члены «антипартийного блока» «оппозиционерами» себя не считали, объясняется, конечно, вовсе не их стремлением, как заявляет Сталин, «замазать разногласия, затушевать действительное положение внутри партии, замаскировать свою собственную позицию и лишить партию возможности добиться полной ясности». Напротив, именно для внесения «полной ясности» они и выступили с четким декларативным разъяснением своей платформы, по вполне понятным причинам вызывавшей раздражение у Сталина. Вместе с тем, ни до, ни после выступления на Политбюро со своими программными документами (объявленными апрельским пленумом «секретными»), лидеры «правых» «не решались апеллировать к партийным массам и встать на путь открытой внутрипартийной борьбы… В то время, как троцкисты даже в условиях перехода к подпольным методам борьбы сохраняли свою фракцию, бухаринская тройка проявляла нерешительность в деле организационного объединения своих единомышленников. Ее политическое воображение не поднималось выше попыток создания верхушечных блоков и борьбы за изменение состава Политбюро путем закулисных комбинаций».[1]

Нежелание Бухарина и его союзников давать повод для обвинений во фракционности, или, иначе говоря, оспаривать принадлежность одной, т.е. *общей* «генеральной линии», ведет свое происхождение от ортодоксальной, получившей силу предрассудка установки на *правомерность* обладания *монопольными* властными полномочиями большевистской партией. Ограниченный ею, Бухарин (как, впрочем, и Троцкий) вынужден говорить о «гибельности» линии ЦК, не ставя под сомнение «пролетарскую» исключительность (эксклюзивность) самой партии. Сталин хорошо улавливает такого рода непоследовательность, но делает это лишь для того, чтобы сфабриковать обвинение в «оппортунистическом» перерождении. Представители «фракционного блока» отвергли, по его словам, предложенный Политбюро ЦК «компромисс», суть которого заключается в *одностороннем отказе* (!) от всех сформулированных ими претензий (т.е. является не «компромиссом», как соглашением, достижимым путем *взаимных уступок*, а заурядным шантажом): «Разве это не факт, что этот компромисс давал группе Бухарина *вполне приемлемый* выход из *тупика*, в который она *сама себя загнала*?.. Разве трудно понять, что Бухарин и его друзья должны были *всеми силами уцепиться* за этот компромисс,... чтобы *ликвидировать* тем самым *остроту* внутрипартийного положения и

1 Роговин В.З. Власть и оппозиции. М., 1993. С. 74 – 75.

создать обстановку единодушной и дружной работы в Политбюро?»[1] (Курсив мой. – М.К.) Однако в том-то и дело, что подобное, во многом показное «единодушие», имитирующее «дружную работу», (в частности, «при принятии основных тезисов о пятилетке и о крестьянском вопросе») свидетельствовало только о боязни «взглянуть правде в глаза» и «затушевать действительные разногласия в партии». Сталин остается верен себе в стремлении, что называется, «валить с больной головы на здоровую» и лицемерно заявляет о том, что «надо уметь смотреть прямо в глаза действительности, как бы она ни была неприятна».[2]

На деле все обстояло с точностью до наоборот. Не бухаринская «оппозиция», а партийная номенклатура, на которую опирался Сталин в борьбе за власть, «боялась» и не желала «смотреть в глаза действительности», буквально «навязывая» ей программу «разжигания» классовой борьбы. Именно постольку, поскольку ее «господствующим» интересам вполне соответствовал (даже с учетом боязни необузданных прихотей «хозяина») сталинский вариант «казарменного», государственно-феодального социализма, эта «линия» и возобладала в партии. Проявившееся в аппаратных играх сталинское виртуозное умение «ловить рыбу в мутной воде» было теперь, разумеется, начисто лишено какой бы ни было «растерянности» и «боязни трудностей» (приписываемых «отходу Бухарина от марксистской теории классовой борьбы»). Но та грубая откровенность, с какой Сталин решает судьбу «союзников» и «классовых врагов», отдает не «реализмом в вопросах социологических» (В.И. Ленин), а большевистским цинизмом по отношению к общепринятым нормам морали.

В теоретических рассуждениях Бухарина причудливо сочетаются убежденность в истинности марксистских идеологических постулатов и приверженность тому алгоритму мышления, который можно условно именовать «диалектической интуицией». В этом отношении он выгодно отличался от остальных партийных лидеров, включая Троцкого, хотя критические замечания последнего по адресу Сталина и достраиваемой им по ленинским «чертежам» политической системы и сегодня поражают глубиной проникновения подчеркнуто разоблачительного пафоса. Во всяком случае, солидаризируясь с достаточно высокой ленинской оценкой интеллектуального ресурса Бухарина, именно поэтому нельзя согласиться с тем, что этот «не только ценнейший и крупнейший *теоретик* партии… *никогда* не понимал

1 Сталин И.В. Одна или две линии? // О правом уклоне в ВКП (б) // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. С. 226, 227.

2 Там же. С. 228.

вполне диалектики», а «его теоретические воззрения очень *с большим сомнением* могут быть отнесены к ***вполне*** марксистским».[1] (Курсив мой. – М.К.) Это замечание тем более уместно, что и ленинское владение диалектической методологией является весьма *избирательным*. Даже соглашаясь с Лениным в том, что во взглядах Бухарина «есть нечто схоластическое», было бы ошибочным не учитывать его стремление «пополнить свои знания и изменить свои односторонности», чего нельзя сказать о других «вождях».

Вместе с тем, диалектико-интуитивные прозрения Бухарина, столь значимые на фоне культивируемого Сталиным вульгарно-идеологического редукционизма, относятся именно к пониманию созидательного потенциала нэпа. Его теоретическая позиция *научна* в той мере, в какой ставит во главу угла не идеологический, а универсальный марксистский *общесоциологический* критерий (что позволяет, в свою очередь, Сталину рассматривать ее как «приближение к теории катедер – социализма»). Бухаринцы были убеждены в том, что «диктатура пролетариата» (которую они понимали скорее по-плехановски, т.е. как *гегемонию*) совсем не исключает участия мелкобуржуазных слоев и даже кулаков, «врастающих» в социализм, хотя и остающихся «до известной степени чужеродным телом». Смысл нэпа заключается, как справедливо полагал Бухарин, в поисках на пути утверждения плановой системы тех принципов управления, которые позволяют в максимальной степени «использовать *хозяйственную инициативу*» всех слоев общества, развязывая ее «*даже у наших противников*».

Эта вполне реалистическая программа отвергала идею безудержного, волюнтаристского «форсирования темпов» индустриализации, усматривая в ней известную аналогию с тупиковой политикой «военного коммунизма». По словам Бухарина, «с точки зрения *правильно понятых* интересов и рабочего класса, и крестьянства необходимо вести такую политику, которая *давала бы простор наиболее полному развитию производительных сил*».[2] (Курсив мой. – М.К.). Индустриальный потенциал социалистического государства должен был явиться, следовательно, результатом не ограбления крестьянства, а, напротив, его «обогащения» и «накопления в сельском хозяйстве», хотя бы для этого, по выражению Бухарина, пришлось «плестись черепашьими шагами». Он высказывает весьма продуктивные соображения по вопросу о сущности рыночных отношений при социализме в

1 См.: Ленин В.И. Письмо к съезду // ПСС. Т. 45. С. 345.

2 Бухарин Н.И. Путь к социализму и рабоче–крестьянский союз // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 180.

связи с опровержением своей причастности к проповеди «свободной игры экономических сил» и «вольного экономического рынка».

Важнейшим условием успешного строительства социалистического общества Бухарин считает развитие кооперации. Расширение кооперативного движения означает, по его словам, «непрерывный и систематический рост ячеек будущего социалистического общества». Здесь, однако, следует обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство, которое обусловлено наличием в этом движении «противоречивых форм». С одной стороны, отмечает Бухарин, крестьянство, несомненно, будет «переходить ко все более и более коллективной форме хозяйствования». С другой, - было бы неверно, как он полагает, «по военно-коммунистическому переоценивать роль коллективных производственных объединений.., неверно, когда утверждают, что это есть *столбовая* дорога для продвижения массы крестьянства по пути социализма».[1] Бухарин в данном случае не просто фиксирует рецидивы «иллюзий, мешавших правильной политической работе», а развертывает достаточно убедительную систему аргументации в пользу того, что «разные слои крестьянства, несомненно, будут *по-разному строить кооперацию* и в ходе кооперативного строительства будут бороться между собою за влияние». (Курсив мой. – М.К.)

Отстаивая, следовательно, многообразие форм кооперативного движения и не сводя его (даже в перспективе) *исключительно* к практике колхозного строительства, Бухарин в этом отношении занимает позицию, близкую той, которой придерживается экономист-аграрник А.В. Чаянов. Последний квалифицирует в качестве «чрезвычайно распространенного заблуждения» мнение о том, «что существующее частичное кооперирование хозяйств есть *только переходная фаза* и что со временем все процессы сельскохозяйственного производства будут кооперированы в «интегральную» земледельческую артель, своего рода земледельческую коммуну».[2] (Курсив мой. – М.К.)

Вместе с тем, в отличие от Чаянова, Бухарин исходит из традиционного для ортодоксального марксизма противопоставления «буржуазной» и «социалистической» кооперации. Иллюзорным преимуществам «экономической организации пролетарской диктатуры» он придает решающее значение. За скобками сугубо классовой оценки кооперативного движения у Бухарина остаются вопросы о том, насколько значимы кооперативы для самого сельскохозяйственного населения и,

1См.: Бухарин Н.И. Избранные произведения. С. 183, 142.[3]

2 Чаянов А.В. Избранные произведения. М., 1989. С. 216.

соответственно, какова их экономическая эффективность и прогрессивная роль в эволюции капиталистического способа производства в целом. Если А.В. Чаянов констатирует «заметные» успехи кооперативного движения *уже* «в условиях господства капитала», то Бухарин улавливает лишь связь между теоретиками «так называемого «аграрно-кооперативного социализма» в Западной Европе» и отечественным направлением в русле концепции «некапиталистического пути развития», среди представителей которого он выделяет Н.Н. Суханова. «Это, - по его словам, - конечно, *совершенно неправильная система взглядов*».[1] (Курсив мой. – М.К.)

Несомненный интерес представляет оценка Бухариным новых форм классовой борьбы в ходе строительства социализма. Он не только не затушевывает наличия классовых противоречий, но указывает на то, что классовая борьба «будет продолжаться очень и очень долгое время, пока не исчезнет навсегда деление на классы вообще». В условиях капитализма, отмечает Бухарин, «постоянной задачей является всемерное *обострение и разжигание* классовой борьбы». Поэтому «партия рабочего класса в пределах капиталистического строя является партией *гражданской войны*». Положение кардинально меняется, когда на смену «диктатуре буржуазии» приходит «диктатура пролетариата», авангард которого «становится *партией гражданского мира,* т.е. требует подчинения рабочему классу со стороны прежде господствующих классов, слоев и групп». Весьма симптоматично, что «основной и главный вывод», сделанный Бухариным, заключается в том, что превращение пролетариата в «господствующий класс» несовместимо, по его мнению, с политической практикой «применения вооруженной силы» и физической расправы (за исключением, разумеется, случаев открытого и организованного сопротивления с оружием в руках) даже по отношению к буржуазии и всем «бывшим противникам этой власти», ибо «этим слоям волей-неволей *приходится мириться* с существующим порядком вещей». По смыслу его высказываний, продолжение гражданской войны, в том числе и в виде искусственного разжигания («проповеди») классовых страстей, противоречит взятому курсу на «внутреннее замирение» и «мирную строительную работу». Эта линия, возведенная Сталиным в 30-е годы в норму государственной политики, деструктивна уже постольку, поскольку, по выражению Бухарина, означает «*разрушение строя пролетарской диктатуры и нового создаваемого общества*». Существенно изменив свои фор-

1 Бухарин Н.И. О новой экономической политике и наших задачах. *Доклад на собрании актива Московской организации. 17 апреля 1925 г.* // Избранные произведения. М., 1988. С. 140.

мы, продолжающаяся классовая борьба, отмечает Бухарин, становится «*более целесообразной*» и выражается в создании особых льгот и преимуществ для кооперативных организаций, в наличной «системе налогового обложения» капиталистических предприятий, лишении «предпринимательских кругов» избирательных прав, все более устойчивой конкуренции со стороны государственной промышленности и торговли. *Постепенное вытеснение* в этом процессе частного предпринимателя и ведет к победе в классовой борьбе. Но это «победа не в механическом столкновении сил, не при помощи вооруженной схватки, а в совершенно новой оболочке, которой не было раньше, которая при капиталистическом режиме была совершенно немыслимой для рабочего класса и крестьянства».[1]

Моделируя динамику классовой борьбы как в городе, так и в деревне на ближайшую перспективу, Бухарин не снимает, таким образом, с повестки дня задачу полного перехода «к плановому хозяйству, где все принадлежит всем трудящимся и где все производство направлено на удовлетворение потребностей этих трудящихся». Но «частичное развитие капиталистических отношений в деревне, которое будет происходить в ближайшие годы», не подрывает, а «способствует», по его словам, укреплению финансовой и банковской системы, развитию транспорта, возрастанию мощности «государственной промышленности - этой основной базы, основного фундамента социалистического общества». Подчиняя политику «классовых боев» развернувшейся «победоносной хозяйственной борьбе» и подлинно социалистическому критерию «роста всеобщего благосостояния», Бухарин приходит к выводу, опровергнутому впоследствии сталинской практикой 30-х годов: «По мере нашего роста и по мере укрепления этих, как их называют, «*экономических командных высот*» мы могли все более решительно разжимать наш зажим по отношению к частному предпринимателю – мелкому и среднему.[2] (Подчеркнуто мной. – М.К.)

Учитывая неоднозначную (противоречивую или двойственную) сущность «революционного насилия», Бухарин не отрицает его значимости, а лишь избегает вульгарно-идеологической *абсолютизации.* Одномоментно жертвуя идеологической «чистотой» марксистской ортодоксии, он попадает в весьма затруднительную (если не безвыходную для всего «правого уклона») ситуацию, во многом схожую с той, в которой оказался в свое время Г.В. Плеханов. Что же касается интерпретации *логики* развития марксизма в целом, он, действительно, остается революционным

1 Бухарин Н.И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. С. 187.

2 См.: Там же. С. 188, 191, 189.

«схоластом», впрочем, как и все без исключения ортодоксы. На его примере хорошо просматривается та *фундаментальная* особенность, которая свойственна радикальному направлению в марксизме: *диалектическая логика теряет все свое критериальное значение в теоретической области, как только абсолютизируется ее идеологическая функция*.

В марксизме Бухарин различает «две ипостаси единого целого: разрушительную, деструктивную и созидательную», а также его «социологическую» и «логическую» стороны. Если «*социологически* марксизм, - по его словам, - есть идеология революционного пролетариата», то «логически» это «*научная* система, *научное* мировоззрение и *научная* практика».[1] Наличие в марксистской теории идеологического и научного аспектов, разумеется, вовсе не свидетельствует, как справедливо полагает Бухарин, «о *дуалистической* природе Маркса-ученого и Маркса-революционера». Эти субстанциальные параметры его учения отнюдь *не равнозначны* в гносеологическом и социологическом измерениях. Однако «идеологическая доминанта» марксизма «вбирает в себя», по мысли Бухарина, и все *без остатка* его *научное* содержание.

В понимании соотношения «составных частей» марксизма Бухарину не удается выявить их *диалектическое* (противоречивое) единство, т.е. выйти за рамки абстрактного тождества. Подобно Ленину он не учитывает *принципиального отличия* между идеологией «совершенно *особого* класса», с одной стороны, научным и философским знанием, - с другой. Критикуя, в частности, многочисленные попытки «сконструировать гибельное противоречие между *экономическим* учением Маркса и его теорией *пролетарской диктатуры*» (подчеркнуто мной. - М.К.), Бухарин вообще не усматривает в их корреляции даже намека на какое-либо *несовпадение*. Диктатура пролетариата, которая, по его словам, «кроме единодержавия класса, включает особый момент *несвязанности* даже своими собственными законами», тем не менее, «в высочайшей степени *рационализирует* весь жизненный процесс общества в целом; классовая борьба пролетариата, организованного, как государственная власть, принимает многообразные формы, пропитывая все области общественной жизни, от техники до философии включительно».[2] (Подчеркнуто мной. – М.К.)

1 См.: Бухарин Н.И. УЧЕНИЕ МАРКСА И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ. 1933 г. // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 331, 335, 336.

2 См.: Бухарин Н.И. Указ. Соч. С. 414 - 415.

По справедливому утверждению Бухарина, «*любая* идеология, *любое* мировоззрение, *любое* вероучение и *любая* доктрина имеют свои земные корни» и, следовательно, недопустимо их «абстрактное, *внеисторическое* рассмотрение». Казалось бы, это сформулированное марксизмом «общее положение» должно распространяться и на его собственный «социальный генезис». Однако, подчеркивая безусловную заслугу Маркса в продуцировании «творческого синтеза всех мыслительных завоеваний» *своего времени*, обусловившем «в то же время невиданный синтез *теории и практики*» (подчеркнуто мной. – М.К.), Бухарин *односторонне* (т.е. вопреки принципу диалектического тождества объекта и *субъекта*) интерпретирует как раз то обстоятельство, что современный ему марксизм уже «вырос» из узких исторических рамок *прежней* эпохи *домонополистического* капитализма. С присущей ортодоксам идеологической «слепотой» (в виде своеобразного, по терминологии Бухарина, «идеологического рефлекса»), он воспроизводит «революционные» постулаты марксизма, краеугольным камнем которых выступает установка на «диктатуру пролетариата». «Глубочайший революционный *историзм*, который пронизывает все учение Маркса, от его самых обобщающих вершин до непосредственно практических выводов», трансформируется и *консервируется* в «ипостаси» охранительной функции «государственно-признанной идеологии».

В этом Бухарин видит наиболее глубокую «сущность марксова учения», последовательная конкретизация (а, значит, и обогащение) которой образует «историческое лицо… *ленинского* марксизма».[1] Указывая на «принципиальную новизну» и «оригинальность» выдвинутых Лениным теоретических положений, Бухарин решительно возражает против попытки представить его в облике только «гениальнейшего практика рабочего движения». В этой связи, чтобы избежать «недоразумения», своеобразие ленинского этапа подается сквозь призму еще одного ракурса в интерпретации марксизма. «Под ним, - отмечает Бухарин, - можно подразумевать две вещи: или перед нами методология – система методов исследования общественных явлений, или – это определенная сумма идей, - скажем, мы сюда включаем теорию исторического материализма, учение о развитии капиталистических отношений и пр. и, *кроме того*, включаем целый ряд *конкретных* положений, т.е. берем марксизм не только как метод или теоретически сформулированную методологию, но берем целый ряд конкретных *приложений* этого метода, всю сумму идей, которые получились в результате этого приложения. С по-

1 Бухарин Н.И. ЛЕНИН КАК МАРКСИСТ. *Доклад на торжественном заседании Коммунистической академии* 17 февраля 1924 г. // Избранные произведения. М., 1988. С. 62

следней точки зрения совершенно ясно, что ленинский марксизм есть поле гораздо более широкое, чем марксизм Маркса… Потому что к той сумме идей, которая была тогда, прибавилась, как результат анализа совершенно новых явлений, совершенно новой исторической полосы, новая сумма конкретных положений. В этом *условном* смысле ленинизм есть вывод за грань марксизма. Но если мы под марксизмом будем подразумевать не сумму идей, какова она была у Маркса, а тот инструмент, ту методологию, которая заложена в марксизме, то само собою разумеется, что ленинизм не есть нечто видоизменяющее или ревизующее методологию марксова учения. Наоборот, в этом смысле ленинизм есть полный *возврат* к тому марксизму, который был сформулирован самими Марксом и Энгельсом». [1] (Подчеркнуто мной. – М.К.)

Вопреки мнению Бухарина, ленинский вклад в сокровищницу марксизма далеко не соответствует предложенным им критериям. Из всей генерированной Лениным «суммы идей» наиболее «оригинальными» являются как раз те, где он добился «расширения» исследовательского «поля» не за счет использования универсальной диалектической «методологии, которая заложена в марксизме», а благодаря отступлению от нее вследствие абсолютизации потенциала идеологической теории. С противоположной на этот счет точкой зрения Бухарина можно было бы согласиться к тому же лишь в том случае, если бы Ленин сумел освоить *все* классическое наследие. Но он, как известно, не смог этого сделать отчасти по независящим от него причинам, но во многом следуя опять-таки избирательной логике идеологических предпочтений. Однако ни Ленина, ни Бухарина неполнота такого рода, собственно говоря, не настораживает. Ведь, например, марксистская философия, выступающая «как величественное теоретическое построение, которое вобрало в себя все действительно ценное, что дало развитие человеческой культуры и человеческой мысли», *возникнув*, ни в каких «ценных» приобретениях *вне* марксизма, по их общему мнению, более уже не нуждается.

Бухарин вполне обоснованно (исключая абсолютизацию термина «буржуазная наука») полагает, что влияние Маркса на сферу научного познания непрерывно растет, но «выражается в разных формах: марксизм то является объектом ожесточенной критики, ибо мимо него нельзя пройти никому; то он является причиной антитетических построений, и его могущественный напор сказывается в теориях, где каждое принципиальное положение его берется с другим логическим знаком; то он служит источником, откуда усваиваются отдельные части, с обыч-

1 Бухарин Н.И. Указ. Соч. С. 61.

ным «смягчением» всех революционных «углов»; то он «принимается» для того, чтобы быть задушенным «посредством объятий», и т.д… Его [Маркса. – М.К.] «признание» началось с признания как *экономиста*, затем оно продвинулось в область *истории и методологии истории*, и теперь оно начинает оказывать все большее влияние на *философию и естественные науки*… В европейской экономической литературе нет ни одного мало-мальски крупного ученого, который теперь осмелился бы просто «замолчать» Маркса. В области *истории и методологии истории* теперь уже никто не решается пройти мимо так называемого «экономического фактора». Все выдающиеся историки так или иначе подпадают под влияние Марксова гения…»[1]

Придерживаясь «общего правила» всех ортодоксальных марксистов, Бухарин акцентирует внимание на значимости того качественно нового «синтеза», который приобретают в учении Маркса его «составные части» ***в их единстве***. Однако в «синтезе революционной *теории* и революционной *практики*» теоретическое знание, представленное в идеологии, философии и науке, сливается настолько, что становится, в лучшем случае, трудно различимым. К последовательному и углубленному *аналитическому* «расчленению» марксизма, которое «синтез» не только не исключает, но предполагает в качестве обязательного условия своей продуктивности, - Бухарин фактически не прибегает, хотя не ставит под сомнение, что «анализ и синтез нераздельны». Поскольку «пролетариат идет под знаменем *революционной науки*», предполагается, что он как бы автоматически, уже в силу особенностей своего классового бытия, выступает и «коллективным философом», и носителем подлинно научного способа освоения мира. Эту иллюзию разделяет даже такой профессионально подготовленный марксист-исследователь, как Д. Лукач. Между тем, пролетарская идеологическая теория и тогда, когда она «отстает от практики» (чем Бухарин объясняет возникновение ревизионизма в рабочем движении), и тогда, когда она «опережает» социальную реальность, всегда остается конструкцией автономной и достаточно удаленной и от научного и от собственно философского знания. Ведь даже Ленин, будучи «гениальнейшим теоретиком», всячески избегал «ученостей специфических». «Основные ориентировки пролетариата» оказываются лишь *созвучными*, т.е., по выражению Бухарина, «идущими по одной линии» с выводами из «*научного* анализа капиталистического общества». «Проблема *общественно-культурной функции знания* (как естественных, так и общественных наук)», решается, таким образом, марксизмом, как полагает Буха-

1 Бухарин Н.И. Учение Маркса и его историческое значение. С. 337, 338.

рин, по весьма упрощенной схеме: благодаря историческим преимуществам «классового субъекта», идеологическая, непосредственно данная в революционной практике «форма знания», в содержательном отношении не только полностью совпадает, но и гарантирует требуемую «степень адекватности» такого еще более высокого «способа представления», как «научно-философский синтез».

С этой однобоко - «синтетической» точки зрения, экстраполируемой на «буржуазную науку» и «буржуазную философию», отпадает необходимость в выявлении и учете каких бы то ни было отличий их от *буржуазной идеологии*. Последняя, точно так же, как и пролетарская идеология, трактуется весьма *расширительно*. Выходит, следовательно, что даже в том случае, когда ученый или философ (в буржуазном, разумеется, обществе) заимствует из марксизма элементы его *диалектико-материалистической* методологии, не будучи при этом приверженцем его *идеологической* парадигмы, (т.е. пользуется «источником, откуда усваиваются отдельные части с обычным «смягчением» всех революционных «углов»), он благополучно причисляется к разряду «критиков и фальсификаторов» марксизма в целом. На этом же основании в рядах оруженосцев (как это ни странно!) «буржуазной *науки*» у Бухарина оказываются и западноевропейские «с.- д. марксисты в кавычках», к философии и, тем более, науке как таковым чаще всего непосредственного отношения не имеющие.

Идеологическую ориентацию и философа, и ученого, нельзя, конечно, сбрасывать со счета, но сама по себе, без решающего вклада в соответствующую отрасль знания, она не придает веса и не повышает их рейтинг в глазах *философского* и *научного* сообщества. В то же время вся история марксизма свидетельствует о том, что степень «сцепления» как научной, так и философской его компоненты с образцами «всех мыслительных завоеваний» человечества несравненно прочнее, чем зависимость их, вместе взятых, от разрекламированной ортодоксами идеи «диктатуры пролетариата». Поэтому в «рассечении» Маркса «на ученого, с одной стороны, и революционера – с другой», заинтересованы прежде всего «*профессиональные ученые* буржуазии», а не *выдающие себя за них* его *идеологические оппоненты*, предпочитающие отбрасывать марксизм не «по частям», а *целиком*. «Непроглоченной», если употреблять известное выражение Ленина, почему-то чаще всего оставалась революционная сторона марксизма в ее ортодоксально-большевистской редакции. Что же касается остальных, то, действительно, «совершенно нелепыми являются… попытки оторвать экономическую теорию Маркса от его *социологической* теории, как нелепо отрывать его *социологическое*

учение (теорию исторического материализма) от его *философского* учения (теории диалектического материализма)», ибо в марксизме «философия впервые достигает своего социологического самопознания».[1]

Сохранившаяся на многие десятилетия установка ортодоксального (советского) марксизма на дифференциацию философии и науки по *классовому* признаку не только не способствовала его «творческому синтезу», но привела к их существенному обеднению, а в области обществознания - и к полной его деформации. На деле водораздел между представителями мировой философской мысли с возникновением марксизма проходит не по линии марксистская и «буржуазная» философия, а в измерении ее как марксистской и *немарксистской*. Критерием различения этих фундаментальных направлений выступает приверженность (или, соответственно, неприятие) идеологической «составной части» марксизма. Философы немарксистской ориентации субъективно, разумеется, не принимают и диалектико-материалистическую методологию - в той мере, в какой она оказывается для них, как и для ортодоксальных марксистов, неразрывно связанной с базисной идеологической парадигмой. Однако *объективно* они, по словам Бухарина, *вынуждены* «таскать кое-какое оружие из арсенала своего противника» просто в силу того, что оно уже стало *всеобщим* достоянием.

Бухарин совершенно верно (вслед за Лениным и со ссылкой на него) подметил в этой связи и то, что «действительно ценные моменты» и «рациональные зерна есть в каждой системе», и то, что они «в *рациональной* форме содержатся уже в марксистской концепции». Отсюда следует, во-первых, что «теоретическое и действительно научное знание выше, истиннее, глубже поверхностного эмпиризма», а, во-вторых, что и «оно никогда не абсолютно, оно всегда более или менее односторонне, оно асимптотически приближается ко «всей» истине – в этом *процесс* исторического развития».

В отличие от немарксистов *философствующие антимарксисты*, составляя «необозримый», по выражению Бухарина, список всей «специально-критической литературы», заняты не столько «трусливым обкрадыванием», сколько «*сознательным* искажением» наследия Маркса. Специализируясь именно на «жесткой», т.е. апологетически - тенденциозной его критике, они являются в этой номинации уже не философами, а идеологами, так сказать, в «чистом» виде. «Это как раз и показывает все убожество и ограниченность доктринеров», без колебаний жертвующих как философским, так и научным содержанием марксизма во имя торжества

1 Бухарин Н.И. Учение Маркса и его историческое значение. С. 379, 358.

идеологически-спекулятивных построений. Среди идеологических оппонентов Маркса, конечно, немало и тех, кто выступает *от имени* науки (как, например, представитель экономического либерализма Людвиг фон Мизес), но линия разграничения здесь еще более очевидна. С одной стороны, марксизм столь органично, прочно и полно сливается с научным знанием, а, с другой, - наука столь многим обязана ему, что словосочетание «марксистская наука» сохраняет свой смысл главным образом для обозначения достигнутого в XIX в. исторического рубежа в *завершении* процесса ее *становления* (прежде всего в области обществознания). В синхроническом аспекте вплоть до сегодняшнего дня данное разграничение оправдано с точки зрения выделения в марксизме его собственно научной компоненты *наряду* с идеологической.

В стремлении избежать «механического рядоположения» диалектической методологии и пролетарской идеологии, Бухарин придерживается ортодоксальной (т.е. отнюдь не диалектической) традиции в истолковании их соответствия. В духе абстрактного тождества он доводит взаимопроникновение «логической» и «социологической», по его терминологии, сторон марксизма до *полного слияния* их под эгидой идеологии и тем самым отступает от основополагающей установки на *диалектический* «синтез». В этой *идеологически* (а, в конечном счете, также и идеалистически) мистифицированной форме диалектика приобрела столь же «модный» облик в России, как и во времена Гегеля в Германии, «так как, по-видимому, давала, - по словам Бухарина, - возможность набросить покрывало на существующее положение вещей».

Весьма показательно и то, что, подобно Гегелю, Бухарин не фиксирует *закономерный* характер выявившегося противоречия, усматривая в нем только происки классовых противников. Поэтому он ограничивается весьма поверхностной оценкой движущих сил *развития* марксизма. «Маркс, - по его словам, - всей своей жизнью и деятельностью доказал, что он был великим ученым *потому*, что он был великим революционером. И великим революционером он был именно *потому*, что он был великим ученым».[1]

«Растворяя» научное содержание марксизма в его идеологической «ипостаси», Бухарин не преодолевает «дуализм» в оценке Маркса, а *уходит* от него в противоположную сторону. Проблема соотношения научной методологии и исторически конкретной (пролетарской) идеологии предполагает для своего разрешения выделение *детерминирующей* стороны данного противоречия. *Их механическое*

1 Бухарин Н.И. Указ. Соч. С. 420.

«рядоположение», представленное в либеральной критике марксизма, как и абстрактное отождествление в интерпретации самого Бухарина оказываются в равной степени ошибочными.

В контексте разъяснений Бухарина на этот счет мы обнаруживаем незаметное для него самого «сползание» на теоретически неадекватную марксизму позицию *формализации* научного знания, когда противоречия выступают исключительно симптомом ошибки. «Материалистическая диалектика, - отмечает он, - есть основа всего учения Маркса и в то же время всеобщий *метод исследования*: к формальной логике, с ее застывшими, статическими категориями, она стоит в таком же отношении, как высшая математика по отношению к низшей: это есть логика противоречивых процессов и универсальных связей, где абстракции конкретны, где анализ и синтез нераздельны, где границы условны, где понятия максимально гибки».[1] (Подчеркнуто мной. – М.К.) Вместе с тем, в ином текстуальном фрагменте он нечаянно «проговаривается», приписывая Ленину заслугу именно в «арифметической» *расшифровке* марксовой «алгебры революции».[2] Бухарин, сам того не желая, фактически подтверждает, что вся оригинальность ленинских теоретических положений, сформулированных «под более конкретным и под еще более практическим углом зрения», становится возможной лишь на основе упрощенной («арифметической») технологии. В свою очередь, он, например, совершенно справедливо указывает на *диалектически противоречивый характер* взаимосвязи *объекта* и *субъекта*: «это единство не есть тождество;.. борьба этих противоположностей гонит историю, причем эти противоположности взаимно проникают друг в друга». Но в «расшифровке», т.е. *конкретизации* этой исключительно важной «формулы», не распространяет принцип историзма на «субъекта» истории, допуская все ту же «арифметическую», фатальную для ортодоксального марксизма ошибку.

Точкой отсчета второй «фазы» или, по терминологии Бухарина, «полосы в развитии марксизма», выступает, как он полагает, возникновение II Интернационала (1889 г.) Начиная с этого времени он изменяет свою «физиономию», перерождаясь «в двух своих основных формах» - бернштейнианском ревизионизме и каутскианстве. «И практически и теоретически, - отмечает Бухарин, - между этими крыльями нет никакой существенной разницы», грань эта «условна» и со временем стирается вовсе. Тот факт, что Каутский не отказывается от апелляции к дока-

1 Бухарин Н.И. Указ. Соч. С. 352.

2 См.: Бухарин Н.И. Ленин как марксист. С. 64.

зательной (логико-методологической) базе марксизма, а Бернштейн ее попросту игнорирует, для Бухарина значения не имеет. Ибо в итоге оба эти течения вливаются в одно русло неприятия Октябрьской революции, что равнозначно замене «революционной диалектики… обычным буржуазным *демократически-эволюционным* учением». (Подчеркнуто мной. – М.К.) Правда, Бухарин признает, что изначально «отход от марксизма» каутскианцев был все же «гораздо менее ясен» и осуществлялся «не с такой поспешностью, как у ревизионистов». Как бы то ни было, отступление «от *настоящего* ортодоксального» (т.е., по убеждению Бухарина, *аутентичного*) марксизма группа Каутского, именующая себя «радикальной или ортодоксально-марксистской», начинает еще в предвоенный период. Это, по выражению Бухарина, не было каким-то «моментальным, катастрофическим грехопадением». Новое «историческое лицо» марксизма «было *теоретически вполне обосновано.* Мы только *не замечали* этого *внутреннего перерождения* и в так называемом «ортодоксальном» крыле, которое с *действительной* ортодоксальностью имело *мало общего*».[1] (Курсив мой. – М.К.)

Указание Бухарина на «теоретическую *обоснованность*» сделанных лидерами немецкой социал-демократии (главным образом это относится именно к Каутскому) практических выводов при всей ее негативной оценке заслуживает внимания. Бухарин усматривает в этом только «тенденцию *приспособления, в худом смысле этого слова*, к тем *новым социальным условиям*, которые *нарождались* в Европе и которые *были свойственны* этому *циклу европейского развития*». (Курсив мой. – М.К.) Но фактически ссылка на «процесс *органического роста производительных сил* с *относительным процветанием* рабочего класса» допускает и совсем иную интерпретацию. «*Относительную устойчивость* капиталистического режима», коль скоро она базируется на «органическом *росте производительных сил*» и означает «цикл *органического* развития капитализма», вряд ли с позиции диалектико-материалистической методологии корректно рассматривать иначе как процесс *объективно детерминированный*, даже если он сопровождается «выделением и быстрым прогрессом *рабочей аристократии*». Бухарин демонстрирует лишь неспособность разглядеть в ходе наметившегося *медленного «врастания рабочих организаций эволюционным путем в общую систему капиталистического механизма*» нечто большее, чем их «идеологическое перерождение». В известном смысле с ним можно согласиться в том (по крайней мере, это справедливо по отношению к Э. Бернштейну), что и западноевропейские социал-демократы

1 Бухарин Н.И. Ленин как марксист. С. 56.

«учитывали некоторые новые изменения в области… соотношения между экономикой и политикой» *под тем же* «углом зрения».[1] Но это свидетельствует лишь об *общем* для «ревизионистов» и ортодоксов отходе и от диалектики, и от материализма. Вся разница в том, что «точка зрения гражданского мира» оборачивается своей противоположностью – непримиримой гражданской войной.

С помощью империалистической политики мировой капитализм, действительно, «свои наиболее *яркие противоречия отодвинул* на… колониальную периферию». В значительной степени за счет прикрываемого «цивилизаторской» миссией грабежа колониальных народов национальной буржуазии удалось повысить и жизненный уровень рабочего класса метрополий. Однако коренная причина возникновения т.н. «рабочей аристократии» определялась не только и даже не столько желанием «подкупить» часть пролетариата, сколько все той же универсальной потребностью «органического роста производительных сил».

Высокообразованная часть пролетариата выделялась из его общей массы вследствие происходящих *технологических* изменений в функционировании капиталистического способа производства и остановить этот процесс без ущерба для всего «прогрессивного» развития общества было невозможно. Вполне естественно, что за свой более сложный, *интеллектуально* насыщенный труд представители этой формирующейся социальной группы – составной части перспективного «среднего класса» - получали и более высокую заработную плату. Не удивительно также и то, что распространение получили «классические формулировки, *отходящие по всей линии от ортодоксального марксизма*». Бухарин, конечно, прав в том, что «рабочая аристократия» представляет «совершенно другую идеологию, потому что налицо в значительной мере другая опора для этой идеологии».[2] (Подчеркнуто мной. – М.К.)

Ошибка заключается лишь в том, что «физиономия» второй «фазы в развитии марксизма», обусловленной «*новой фазой в развитии капиталистических отношений*», подается исключительно под идеологическим (а, следовательно, в итоге - *идеалистическим*) «углом зрения». Ортодоксальный марксист Бухарин, разумеется, не допускает и мысли о какой-либо *позитивной* связи «марксистской фразеологии» в устах его «эпигонов» с научно-теоретическим содержанием учения Маркса, коль скоро отвергается его идеологически однозначная «революционная сущность». Однако при этом игнорируется «*исторический характер субъек-*

1 См.: Там же.

2 См.: Бухарин Н.И. Ленин как марксист. С. 57.

та, который проходит *также* [как и объект. – М.К.] *фазы своего диалектического развития*».[1] (Курсив мой. – М.К.)

Полувековое хроническое отставание России от промышленно развитого Запада, где уже начали складываться предпосылки для перехода к постиндустриальному этапу, в том числе в виде ростков нового класса («когнитариата»), выступает объективным основанием подобной аберрации.

Свойственное ортодоксальным марксистам *избирательное* отношение к диалектике наглядно проявляется у Бухарина и в вопросе о роли «*объективных внутренних* противоречий» в общественном развитии. Буржуазное общество, пишет он, «развивая *свои противоречия*», подготавливает «материальные предпосылки социализма, *обостряет противоречия* интересов *между классами*, которые являются носителями *основных противоречий* капитализма… [2] (Курсив мой. – М.К.) Когда речь идет о капитализме, противоречия, по мысли Бухарина, выполняют, таким образом, разрушительную, *сугубо деструктивную* функцию, До тех пор, пока рабочий класс и его «революционная партия занимают положение борющихся за власть, - подчеркивает он, - во всех решительно идеологических работах,.. мы должны неизбежно заострять, делать ударения, специально анализировать все *противоречивые* стороны… *Нам теоретически важно отмечать все противоречия*, которые практически важно углублять».[3] (Подчеркнуто мной. – М.К.) На фоне раздираемого внутренними противоречиями капитализма марксизм противостоит буржуазной идеологии как некий *монолит*, т.е. «наиболее резко действующий клин», вбиваемый для устранения «всех основных неслаженностей капиталистического общества». Когда же «рабочий класс *становится у власти*» и «перед ним встает задача *склеивания* различных частей общественного целого», в структуре марксизма, тем более, в соответствии с такого рода пониманием «диалектики», нет места для *каких бы то ни было* диалектических противоречий.

Лишая учение Маркса продиктованного собственной логикой его развития **основного противоречия** (между «духом» и «буквой»), Бухарин не замечает того, что пролетариат в этом случае, как и «буржуазия, тяготеет к «вечным категориям». Ортодоксальные марксисты и сегодня не в силах отказаться от представления о *всеохватывающем* и *неизменном* совпадении научного знания и пролетарской идеологической теории. Между тем, будучи в силу специфики идеологии как фор-

1 См.: Бухарин Н.И. Учение Маркса и его историческое значение. С. 351.

2 Там же. С. 395 - 396, 358.

3 Бухарин Н.И. Ленин как марксист. С. 62.

мы общественного сознания достаточно инертной (т.е., как это ни парадоксально, «консервативной») «составной частью» марксизма, учение о всемирно-исторической миссии пролетариата не обязано превращаться в *догму*.

Задача качественного обновления идеологической теории марксизма актуализируется, по крайней мере, со времени научно-технической революции и перехода экономически развитых стран в середине XX в. к «развернутому строительству» информационного общества.

Виктор БУКРЕЕВ, Эмиль РУДЫК

Труд и власть в доктринах христианских конфессий

«Скажи же мне, что у тебя собственного?
Откуда ты взял и принес в жизнь?».
(святитель Василий Великий)

«Иисус Христос, несомненно, был исторической фигурой –
он был повстанцем, одним из наших, антиимпериалистов...
Он восстал против экономической власти того времени.
Он предпочел смерть для защиты своих гуманистических идеалов,
и он жаждал перемен».
(Уго Чавес)

Кто является носителем верховной власти на различных уровнях народного хозяйства - труд или собственник имущества (частного или государственного) – вопрос, вызывающий в мире немалые споры и активные действия. Решение данного вопроса в пользу труда посредством наделения работников правом участия в управлении хозяйством, в котором они заняты, - законодательно либо в договорном порядке, - при сохранении у капитала «контрольного пакета» власти - или перехода этого «пакета» от капитала к труду - эволюционным либо революционным путём, требует расширения спектра сторонников производственной демократии. Включая, разумеется, представителей различных религиозных конфессий, признающих такой подход.

Верующие по-разному трактуют решение вопроса принадлежности власти в хозяйстве: от признания незыблемости господствующей в мире авторитарной системы принятия управленческих решений в организации до её отрицания в альтернативных социальных доктринах преобразования властно-хозяйственных отношений.

Цель данной публикации – анализ христианских доктрин на примере *православной и католической конфессий* применительно к рассматриваемойпроблематике и выявление возможности расширения социальной базы конфессиональных сторонников положительного, полного и окончательного решения «рабочего вопроса» на микроэкономическом уровне путём введения самоуправления работников в организациях всех видов собственности и организационно-правовых форм. Разумеется, в законных рамках. Это программа – максимум. Такой позиции в принципиальном плане придерживаются авторы статьи.

В «Основах социальной концепции **Русской Православной Церкви**» (РПЦ), принятой Архиерейским собором РПЦ в 2000 г., сказано, что труд сам по себе не является безусловной христианской ценностью. Таковым он становится, когда соответствует воле Божией, и не является богоугодным, когда направлен на служение эгоистическим интересам людей. «Церковь благословляет всякий труд, направленный ко благу людей»[1] и утверждает, что труженики «вправе пользоваться плодами своего труда» на принципах их справедливого распределения[2]. В том, что касается властно-имущественных отношений людей к плодам труда и естественным ресурсам»[3], сказано, что *абсолютное право владения* земными благами (включая землю), в том числе, созданными человеком, принадлежит только Богу[4].

1Основы социальной концепции русской православной церкви (VI.5). Принята Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви, проходившего 13-16 августа 2000 года в Москве // ЭКО, 2000. - № 11. – С. 93.

2Там же.. - VI.6. – С. 94.

3В число основных полномочий собственника обычно включают право владения и пользования, право управления и получения дохода, право на отчуждение, потребление, изменение или уничтожение объектов собственности (Там же. VII.I. - С. 94).

4В принципиальном плане подобной позиции придерживается и Ислам. В этой мировой религии Всевышний - Аллах рассматривается как верховный хозяин, верховный распорядитель и судья сотворённых им мирских благ (Беккин Р.И. Исламская экономика. Краткий курс - М.: АСТ: Восток-Запад,. 2008. – С.12).

Эти блага Аллах предоставляет правоверным в доверительное управление в качестве его наместников на земле в целях удовлетворения, как их личных нужд, так и мусульманского социума в целом в порядке, установленном исламом, что трактуется как обременение собственности. Таким образом, мусульмане рассматриваются в качестве бенефициариев благ, созданных Аллахом. Ими могут стать лишь те, которые принимают личное трудовое участие в хозяйственной деятельности, а также не участвующие в этом процессе по уважительным причинам.

Мусульманское право допускает принудительное изъятие в законном порядке частной собственности в интересах мусульманского социума при условии «предварительной справедливой компенсации» (Бюйюкчелеби И. Под сенью ислама. Пер. с англ. /- СПб.: «Издательство «Диля». - 2006. С. 291, 292, 468).

Всевышний передает их людям во временное управление для использования во благо себе и ближним[5].

При этом в отношениях между людьми РПЦ признает право человека на собственность (имущество) и осуждает посягательство на нее. РПЦ также признает многообразие форм собственности[2], не отдавая предпочтения ни одной из этих форм. Таким образом, РПЦ в отличие от католической церкви, не признает частную собственность исключительно единственной основой христианского устроения экономики. Тем более, что «имущественное положение человека само по себе не может рассматриваться как свидетельство о том, угоден или неугоден он Богу…»[3].

Что касается участия или неучастия РПЦ *в практических действиях по воплощению божьих заповедей, касающихся труда и власти в хозяйстве*, в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», то этот вопрос, по мнению авторов, не нашёл должного отражения[4].

Между тем, в концепции *христианского социализма* выдающегося русского религиозного философа С.Н. Булгакова решение проблемы труда и власти в хозяйстве возможно, во-первых, лишь посредством упразднения капиталистического строя и присущей ему эксплуатации трудящихся. Во-вторых, путём перехода к *социалистическому строю* не только для верующих, но и для всех членом общества, строю, в котором «будет господствовать трудовое начало»[5].

5Основы социальной концепции русской православной церкви. Ук. раб.– С. 96; Архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Избранное. - Петрозаводск: Святой остров (Фонд культуры Карелии).- 1992. – С.113.

2 Основы социальной концепции русской православной церкви. Ук. раб VII.3

3 Архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Ук. раб. – С. 495

4 Более продвинутой в концептуальном плане представляется позиция религиозных изгоев - русских старообрядцев. В дореволюционной России внутри старообрядческой общины имело место совместное владение имуществом (оно оформлялось официально как частное, его формальные собственники на практике были управляющими имущества «народа Божьего»), а хозяйствование велось на коллективистских, артельных началах (солидаризма), которые обеспечивали выживание старообрядцев в чуждом внешнем окружении.

5 Булгаков С.Н. Христианский социализм. Споры о судьбах России. - Новосибирск: Наука. Сибирское отделение. - 1991.- С. 57. Позиция С.Н. Булгакова расходилась с подходом к этому вопросу большинства ортодоксальных пастырей, которые видели и видят истоки несправедливости исключительно в грехопадении человеческой природы и отказе людей жить по христовым заветам. Так Митрополит Киевский и Галицкий Владимир ещё в 1912 г. писал, что решение проблемы отношений работников и их хозяев не требует революционных преобразований, если они будут поступать по отношению друг к другу по «христианским правилам». Тогда между ними воцариться «мир, спокойствие, любовь и довольство» (Экономика русской цивилизации. Сост. Платонов О.А. - М.: Родник. - 1995. – С. 363-365).

С.Н. Булгаков разделял этическую трактовку собственности, под которой он понимал привязанность человека к своему имуществу, которая отделяет его от других людей и от Бога и загоняет человека в «духовный плен», и социально-экономическое содержание понятия собственности. В хозяйственной сфере речь идёт об отношениях между собственниками имущества фабрики и наёмными работниками. При этом, по С.Н. Булгакову, возникает вопрос: принесёт ли пользу, как в духовном, так и в экономическом отношении, передача фабрик в собственность рабочим, без превращения их в подлинных носителей христианских заповедей?[1] Вопрос не праздный.

Отношение **католической церкви** к проблематике труда и собственности претерпело с течением времени существенные метаморфозы. Так в Послании Папы Льва XIII РЕРУМ НОВАРУМ «О положении трудящихся» (1891 г.) признается наличие «рабочего вопроса» - когда «считанные богачи могут держать множество бедных под игом, которое немногим лучше рабства…»[2]. Предложения социалистов решить данный вопрос посредством уничтожения частной собственности оценивалось Папой, как ограбление законных собственников. В Послании отмечалось, что каждый человек имеет естественное право владеть частной собственностью, которая является нерушимой. При этом, по Фоме Аквинскому, «человек должен смотреть на своё достояние не как на принадлежащее ему, но как благо для всех»[3].

Иными словами, собственники имущества должны рассматриваться христианами, как доверительные и рачительные управляющие имуществом главного собственника – Бога, не только в личных интересах, но и в интересах социума. Достижению баланса интересов личности и социума должно содействовать государство, которое, в свою очередь, должно согласовывать свои действия с «предписаниями Божественной мудрости» в интересах «богатого и бедного»[4].

В Послании Папы Иоанна Павла II ЦЕНТЕСИМУС АННУС (1991 г.) капитализм признаётся единственной эффективной моделью экономической организации общества, которая, однако, требует модернизации. В частности,

1 Булгаков С.Н. Ук. раб. – С. 99, 102, 103

2 100 лет социального христианского учения. - М.: Pax Christi International. Дом Марии. - 2001. – С.6-7.

3 Там же. – С. 8-10.

4 Там же. – С. 15-16.

посредством ограничения сферы действия рынка, поскольку не всё в обществе может быть товаром, а также в силу того, что рынок препятствует развитию взаимоотношений людей на принципах солидарности и справедливости.

Новеллой Послания явилось признание церковью за рабочими полного права бороться за расширение их участия в деятельности промышленного предприятия[1]. Должна ли католическая церковь принимать реальное участие в этой борьбе и в каких формах? Данный вопрос в Послании не затрагивался, что не мешало и не мешает, однако, инициировать его в церковной среде.

Среди радикальных вариантов материализации евангелических ценностей, применительно к проблематике труда и собственности, выделим, на взгляд авторов, два наиболее представительные.

Вариант первый, предложенный католическим священником Хосе Мария Аризмендьарриета (1915-1976 гг.). Его ключевая идея – наделение работников правом принимать стратегические решения на предприятии, которое функционирует в кооперативной форме[2].

Аризмендьарриетой были сформулированы базовые принципы построения знаменитой Мондрагонской кооперативной корпорации — МКК (Испания, страна Басков), организатором и духовным отцом которой он являлся.

Первый принцип. *Добровольность и открытость членства в кооперативе* граждан, которые принимают *личное трудовое участие* в его деятельности и разделяют идеи производственной демократии.

Второй принцип. *Демократическая организация кооператива*, которая предполагает принятие его членами решений по главным вопросам деятельности кооператива по формуле *«один человек — одни голос».*

Третий принцип. *Верховенство труда* в управлении кооперативом и распределении «произведенного богатства» между его членами пропорционально трудовому вкладу.

Четвертый принцип. *Подчиненное положение труду капитала*, привлекаемого в качестве внешнего источника инвестиций в форме ценных бумаг кооператива, не дающих права участия в его управлении.

---

1 Там же, - С. 52.

2 Схожие идеи развивали основатели религиозных кибуцев – израильских производственных общин, имущество которой является неделимой собственностью общины. Отцы религиозных кибуцев, как и создатели светских кибуцев, исповедовали принципы коллективного труда и самоуправления членов кибуца (Дубсон Б.И. Кибуцы. Путешествие в светлое будущее и обратно - М.: Крафт. - 2008. С. 15, 20).

Пятый принцип. *Прозрачность информации о деятельности кооператива для его членов* – так называемый открытый менеджмент.

Шестой принцип. *Внутренняя солидарность членов кооператива при распределении его доходов,* которая обеспечивается установлением «вилки доходов» членов кооператива.

Седьмой принцип. *Сотрудничество кооперативов,* как в рамках МКК, так и вне её, в частности, посредством разработки и реализации совместных проектов и создания новых кооперативов.

Восьмой принцип. *Проведение необходимых социальных изменений в МКК и формирующих её кооперативов* путём создания специальных фондов и выделения на эти цели части доходов кооперативов.

Девятый принцип. *Приверженность МКК нормам и правилам, признанным в кооперативном мире.*

Десятый принцип. *Образование и просвещение членов кооператива* в качестве обязательного условия, как демократизации хозяйственной власти, так и эффективного ведения предпринимательской деятельности[1].

Вариант второй, был предложен идеологами так называемой ***теологии освобождения -*** особого богословского и церковно-практического движения внутри Римско-Католической церкви. Это движение получило широкое распространение в странах Латинской Америки и Африки.

Одним из главных разработчиков теологии освобождения был Густаво Гутьеррес. Он попытался раскрыть соотношение веры с социальной реальностью, т. е. Царства Бога и устройства мира, в котором огромное большинство угнетённого населения, особенно в странах третьего мира, либо не принимает участия в принятии решений в сфере политики и экономики либо это участие носит формальный характер.

1В МКК помимо кооперативов производственного профиля входят: строительные, жилищные, сельскохозяйственные, потребительские кооперативы, а также кооперативы ряда других отраслей и сфер деятельности. Они производят разнообразные товары и услуги, осуществляют научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (что снижает зависимость МКК от рынка инноваций), занимаются социальным страхованием, медицинским и иным социальным обслуживанием кооператоров и членов их семей. Кроме того, в корпорацию входят кооперативы образовательного профиля (детские сады, школы, профессионально-техническое училище, учебные институты, университет, курсы подготовки менеджеров, курсы повышения квалификации работников и специалистов) и целый ряд других, в том числе, за пределами страны басков. В течении всего срока существования с 1956 г. по настоящее время мондрагонские кооперативы показали высокую экономическую и социальную эффективность. Ни один из них не разорился и не было сокращения их членов даже в условиях кризисов (См. подр. Букреев В.В., Рудык Э.Н. Партисипативный менеджмент как условие повышения эффективности антикризисного управления // Менеджмент и бизнес-администрирование.- 2008.- № 1.- с. 132-149).

Решение данной проблемы, как считали Г. Гутьеррес и его сторонники, в отличие от приверженцев ненасильственного пути в теологии освобождения, возможно исключительно посредством проведения социальной революции. Она рассматривалась в качестве радикального способа борьбы с социальным злом, средства установления социальной справедливости, что является исполнением воли Божьей[1].

Цель такой революции - построение справедливого общества, основанного на новых производственных и имущественных отношениях. Это предполагает упразднение частной собственности, как инструмента порабощения человека и трансформацию капиталистических предприятий в кооперативы и иные виды коллективных предприятий, базирующихся на принципах производственной демократии[2].

Такая трансформация возможна и при капитализме. В частности, путем оккупации (захвата) работниками предприятий в случае угрозы их банкротства по вине собственника. Проведению такой операции в немалой степени способствует закрепление в Конституциях многих латиноамериканских государств положения о социальной ответственности собственника имущества частного предприятия. В

1 Теология освобождения // ~~rossaprimavera.ru~~› (дата обращения: 07.06. 2021).

2 Решение вопроса соотношения труда и собственности на производстве является предметом споров различных других религиозных конфессий. Социалистическую версию в рамках ислама, в частности, предложил растерзанный в ходе одной из «цветных революций» - «арабской весны» лидер Ливийской революции Муаммара Аль-Каддафи в «Зелёной книге».

По его убеждению эффективное управление хозяйством может быть обеспечено исключительно посредством прямой демократии путем создания первичных народных конгрессов, на которых избираются в качестве руководящего органа народные комитеты. В свою очередь эти комитеты формируют народные конгрессы более высокого уровня.

В том, что касается производства, народные комитеты берут на себя функции управления отраслями общественного хозяйства на всех его уровнях. Эти комитеты ответственны перед первичными народными конгрессами, которые определяют их политику и контролируют исполнение принятых решений. Вопросы, обсуждаемые народными конгрессами, народными комитетами, профсоюзами и другими профессиональными организациями, решаются Всеобщим народным конгрессом. В результате управление общественным хозяйством становится, по М. Аль-Каддафи, делом всего народа. При этом личная собственность, полученная без эксплуатации других людей, неприкосновенна, а частная собственность запрещена законом и передается в собственность государства. Что касается работников, занятых на производстве, то они остаются наёмными работниками. Такие работники, несмотря на огосударствление частной собственности, продолжают находиться в полурабской зависимости от нанимателя в лице государства.

Окончательное решение проблемы соотношения труда и собственности возможно лишь *при социализме* путём освобождения человека от всех форм эксплуатация, упразднения системы заработной платы, лишающей работника права на производимый им продукт и наделяющего работника правом участия в распределении этого продукта в условиях упразднения товарно-денежных отношений.

В концепции М. Аль-Каддафи меняется традиционное понимание термина «рабочие», как лиц, занятых исключительно физическим трудом, численность которых по мере развития науки и техники непрерывно сокращается. В условиях современного производства качественные характеристики рабочего меняются. Такой рабочий, по М. Аль-Каддафи, превращается в высококвалифицированного рабочего, занятого преимущественно умственным, творческим трудом. Он становится основным элементом производственного процесса (Муаммар Аль-Каддафи. Зеленая Книга -http://www.cityline.ru/politika/text/zelkniga.html (дата обращения: 05.05.2021)).

значительной степени - это заслуга сторонников теологии освобождения. Подобная конституционная норма придаёт легитимный характер расширяющейся практики оккупации работниками предприятий, на которых они заняты. Так, только в Аргентине работниками были успешно захвачены более чем двести предприятий, в которых произошёл переход от авторитарной системы управления к демократической[1].

Участие подлинного христианина и церкви, как института, в процессе освобождения людей от всех форм эксплуатации и угнетения рассматривалось Г. Гутьерресом и его единомышленниками, как обязательное и почётное дело современной христианской теологии, жизни и спасения души верующего. Тем более, что Христос в «теологии освобождения» представляется первым революционером, освободителем бедного и угнетенного люда.

Согласно теологии освобождения, спасение души верующего возможно лишь через преобразование окружающего мира. Необходимым условием успеха такого радикального способа трансформации общества является участие в ней самих угнетённых - творцов собственной свободы. Этому, также по теологии освобождения, должно содействовать хождение священнослужителей в духе Евангелия в народ, «деля с бедняками их радости и горести»[2].

В известном смысле можно говорить о попытках синтеза теологии освобождения (особенно на её раннем этапе) и марксизма, несмотря на то, что марксизм оценивался классическим христианством в негативном ключе.

Тем не менее, по мнению идеологов теологии освобождения, в марксизме заложено рациональное зерно. Оно состоит, прежде всего, в обосновании необходимости ниспровержения капиталистической системы в ходе классовой борьбы и разработке технологии достижения этой цели. При этом, теология освобождения должна использовать рациональное зерно марксизма, руководствуясь не марксизмом, а верой[3].

---

1 Стоун Р., Боуман Э. Фабрики, преобразованные работниками: Сопротивляйся! Оккупируй! Производи! // Альтернативы. – 2011. № 1. – С. 45.

Анализ эффективности подобной операции – предмет специального исследования.

2 Социальная доктрина католицизма и «теология освобождения»: проблемы и тенденции // ~~sobor.by~~ (дата обращения: 05.06.2021).

3 «Богословие Освобождения» в цитатах: Клодовис Бофф… baznica.info›article/bogoslovie-osvobozhdeniya-v… (дата обращения: 05.06.2021).

Данный тезис не помешал представителям консервативного крыла католической церкви трактовать теологию освобождения, как искаженную марксистскую версию Евангелия[1].

Папа Франциск в 2013 году, во-первых, дистанцировался от подобных оценок: «Я встречал много марксистов в своей жизни, которые были хорошими людьми…»[2].

Во-вторых, признал служение церкви преимущественно в пользу бедных путём, исключающим классовую борьбу, как не соответствующую христианским идеалам.

В-третьих, фактически реабилитировал теологию освобождения. Так, официальная газета Ватикана «Римский обозреватель» писала, что с избранием Папы Франциска теология освобождения не может более «оставаться в тени, в которую она была низведена в течение нескольких лет, по крайней мере, в Европе»[3].

Дальше в своих оценках теологии освобождения пошел немецкий кардинал Г. Мюллер. Он охарактеризовал её, как одно из «наиболее значимых течений католической теологии 20 века», которое помогло церкви преодолеть разрыв между «земным счастьем и сверх-земным спасением»[4].

Краткий анализ христианских доктрин в их *православной и католической версиях* показал потенциальную возможность расширения социальной базы приверженцев демократизации хозяйственной власти. Причём, как посредством её раздела между трудом и капиталом на паритетной основе либо при сохранении большей части хозяйственной власти за капиталом, так и её передачи труду в рамках радикальной трансформации властно-имущественных отношений на производстве.

---

1 Преображенская Е. Новое открытие теологии освобождения и реабилитация Густаво Гутьерреса, preobrazhenskaya.wordpress.com›…открытие-теологии… (дата обращение: 09.06.2021).

2 Новое открытие теологии освобождения и реабилитация… parti-etat.blogspot.ru›2015/09/blog-post_82.html (дата обращения: 09.06.2021).

3 Там же (дата обращения: 09.06.2021).

4 Интерес к Теологии освобождения растёт в современной России. Так, в г. Краснодаре в ноябре 2012 г. состоялась конференция «Христианство и красный проект: исторические параллели и перспективы сотрудничества», ряд участников которой отметили близость позиций относительно отмеченных в данной публикации фундаментальных представлений о «правильном» устройстве общества и путях, ведущих к нему, в «теологии освобождения» и «красной идеологии».

Данное обстоятельство, по мнению авторов, должно быть учтено и использовано в практических действиях, как мирян, так и верующих, близких к ним по существу вопроса, рассматриваемого в данной публикации.

Александр БУЗГАЛИН, Андрей КОЛГАНОВ

Планирование в экономике XXI века: Творчески используя наследие СССР (к 100-летию Госплана СССР[1])

Планирование: контрапункты возрождения

Ответ на первую часть вопроса в контексте сказанного не представляет особых трудностей: планирование есть форма особого способа координации, а именно, непосредственно-общественного регулирования экономики, посредством которого, в частности[2], осуществляется экономическая реализация общенародных интересов. Этот вывод сам по себе не нов. Мы лишь, во-первых, реактуализировали и обновили его обоснование. Во-вторых, авторы подчеркнули, что в реальной экономике позднего капитализма оно существует только в форме переходного отношения, соединяющего ростки непосредственно-общественного регулирования и господствующую форму рыночного саморегулирования. Наконец, в-третьих, мы предлагаем ниже ряд практических рекомендаций, которые мы выводим из эмпирического обзора первого раздела и теоретического анализа второго и которые могут послужить реперными точками проекта *возрождения элементов планирования в современной российской экономике*.

Подчеркнём: этот проект будет малопродуктивен, если в экономике и общественной жизни не произойдут и другие существенные изменения, о которых авторы и их коллеги не устают твердить на протяжении последних десятилетий, но которые пока так и остаются благими пожеланиями. Впрочем, как мы отметили выше, дело теоретика – исследовать реалии и их противоречия, показывать пути

1Окончание. Начало в №11

2Подчеркнём: реализация общенародных интересов осуществляется также посредство других отношений, в частности, таких как общенародное присвоение (например, природных ресурсов) и «собственность каждого на все» (например, в сфере общедоступной информации); перераспределение личных доходов, социальные гарантии и трансферты; экологические, социальные и гуманитарные рамки воспроизводства и др.

их снятия и, тем самым, давать обоснование того, что *должно*. Претворение должного в сущее – дело гражданского общества.

А теперь о самом главном: *что же мы предлагаем*?

Формирование институтов [селективного] планирования

Мы предлагаем критическое наследование отечественного и международного опыта планирования в *рыночной смешанной экономике* (на марксистском языке следовало бы выразиться точнее – полупериферийной модели позднего капитализма).

Это опыт, намеренно повторим в исторической последовательности, плана ГОЭЛРО и «контрольных цифр» в СССР 1920-х гг., индикативного планирования в Европе и Азии 1960-70-х гг., программ структурной перестройки экономики Китая и скандинавских стран 1990-2000-х гг. и др.

Во всех вышеперечисленных и массе других, не упомянутых нами, случаев используется система отношений и институтов, которые мы (с целью избежать отождествлений, с одной стороны, с прогнозами, а с другой – с директивным советским планированием) назовём ***селективным*** *(т. е. избирательным и ограниченным по методам и сферам применения)* ***планированием.*** Его системное качество – определение обществом и утверждение государством на определённый период чётко зафиксированных *целей* и основных «*правил игры*» в области косвенного (для частного сектора) и прямого (для общественного сектора) регулирования той *части* национальной экономики, на которую распространяется общественное регулирование.

Существенно, что такое планирование осуществляется в остающейся по преимуществу *рыночно-капиталистической*, базирующейся главным образом на *частной собственности* экономике и *трояко ограничено:* по масштабу, по целям (они ограничены исключительно задачами реформирования капитализма) и по кругу средств воздействия (в сфере частного бизнеса они остаются косвенными).

Такое планирование есть (1) нечто принципиально *меньшее*, чем советский план, адресованный общественным предприятиям и имеющий по преимуществу обязательный (директивный) характер. Но оно есть вместе с тем (2) нечто принципиально *большее*, нежели план-прогноз или индикативный план, ибо

включает чётко определённую систему[1] «правил регулирования» (средств своей реализации), утверждаемую обществом и обязательную для реализации в той части национальной экономики, на которую распространяется регулирование. Кроме того, оно (3) *критически синтезирует* разрозненные практики прошлого и должно использовать более демократические методы и достижения сетевого информационного общества, идя в этом смысле *дальше* всех прежних опытов планирования.

Что же необходимо для формирования системы отношений селективного национального планирования?

Для начала не так уж много.

• Реализовать всем известные требования наведения в экономике институционального порядка.

• Критически интегрировать существующие механизмы государственного регулирования, превратив их в целостную систему, где чётко связаны цели социально-экономического развития и средства их достижения (стабильные «правила игры» в сфере национального регулирования).

• Дополнить их некоторыми существенными инновациями.

• Сформировать адекватный субъект селективного планирования и регулирования[2].

1На системном подходе как в понимании экономики, так и в использовании плановых инструментов воздействия на неё, давно настаивает Г.Б. Клейнер. См.: Клейнер Г.Б. Стратегическое планирование: основы системного подхода // Модернизация экономики и общественное развитие: В 3 кн. Кн. 2. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2008; Клейнер Г.Б. Какая экономика нужна России и для чего? (опыт системного исследования) // Вопросы экономики. 2013. № 10. 47

2Академик В.М. Полтерович предлагает следующие четыре принципа системы планирования, которое называет интерактивным: «Во-первых, планы формируются на основе проектов модернизации секторов и регионов, разрабатываемых в процессе диалога федеральных и региональных администраций, ассоциаций бизнеса и представителей гражданского общества. Во-вторых, процесс планирования является непрерывным («скользящим»), так что к началу каждого года осуществляется пересмотр взаимоувязанных долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных планов. В-третьих, выполнение планов достигается не за счёт административного принуждения, а за счёт рыночных стимулов и в рамках рыночных механизмов. В-четвертых, государство играет роль координатора не только на стадиях отбора и реализации проектов, но и на стадии их инициации. При этом формат взаимодействия далеко выходит за обычные рамки частно-государственного партнёрства, которое, впрочем, может использоваться на заключительном этапе процесса планирования и в процессе реализации планов.
Возглавлять такой процесс могло бы специально созданное для этой цели Федеральное агентство по интерактивному планированию, подчинённое непосредственно главе правительства. Его деятельность должна опираться, с одной стороны, на региональные агентства по планированию, а с другой – на систему экспертных комиссий, включающих представителей администрации, профсоюзов, ассоциаций потребителей и отраслевых ассоциаций бизнеса» (Полтерович В.М. Стратегия модернизации российской экономики: система интерактивного управления ростом // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 7. С. 159).

Рассмотрим всё по порядку.

Что касается упорядочивания институтов, то здесь потребуются меры, на которых настаивают и либералы, и регуляционисты, и которые необходимы для реализации любого сценария выхода из существующей стагнации. Это *высокий уровень спецификации, стабильность и гарантированность прав собственности и условий осуществления контрактов, а также стабильность финансовой* системы[1]2. Собственно, с тем, что эти задачи должно решать любое государство, не спорит вообще никто из теоретиков. Другое дело, что в России с её высоким уровнем концентрации экономико-политической власти в руках олигархического капитала, сращённого с государственной бюрократией, нет политико-экономического субъекта, заинтересованного в ее решении. Но об этом, как и о преодолении других мутаций капитализма в нашей стране, – позже.

Мы далее предложим «правила игры», которые способствуют формированию отношений сознательного регулирования пропорций и других параметров процесса производства (на языке классической политэкономии – ***вос***производства), что, в свою очередь, выведет их из-под власти отношений рыночно-капиталистического саморегулирования. Подчеркнём: праволиберальные теоретики считают эти институты не просто излишними, но и вредными и разрушительными для экономики. Более того, некоторые из этих шагов не примут и нео- (не пост-) кейнсианцы, и теоретики социал-демократии, ибо мы предлагаем *уйти от фундаментального постулата, развиваемого и неолибералами, и социал-демократией на протяжении более полувека:* производство должно быть частным, а его параметры – формироваться «невидимой рукой» рынка; дело государства – лишь некоторое перераспределение ресурсов с целью обеспечить б***о***льшую социальную справедливость.

Как заметят читатели, ниже авторы интегрируют данные предложения в свою модель, дополняя их рядом принципиально важных аспектов (роль гражданского общества, а не только регионов, обязательные задания государственным предприятиям и др.).

1Мы бы к этому добавили и ещё один пункт, который у российских либералов, скорее всего, вызовет отторжение: транспарентность не только государства, но и бизнеса с тем, чтобы инсайдеров, злоупотребляющих своими полномочиями и присваивающих огромную инсайдерскую ренту, в России отправляли под суд как минимум не реже, чем в США.

Авторы, тем самым, предлагают пойти дальше по сравнению с не только неолиберальной моделью регулирования как системой «поддержания рынка», но и с регуляционистской моделью «управления рынком»[1]. Наша модель – выделение в экономике двух подпространств координации. Одно – регулируемо-рыночное. Второе – планово-рыночное[2].

Специфика первого в том, что там царят законы рынка, которые лишь «поддерживаются» и несколько ограничиваются обществом. Последнего – в том, что там сознательно регулируется не рынок, а социально-экономическое развитие. И различие здесь не только в словах: второе подпространство имеет другие, нежели чисто рыночные, (1) цели и критерии прогресса; (2) иных – преимущественно не рыночных по своей природе и мотивации – субъектов регулирования; (3) *и* иные объекты воздействия – технологические, производственные, социальные, а не только рыночные параметры.

Что касается собственно селективного ***планирования***, как одного из двух ключевых способов координации в этом подпространстве, то его основными слагаемыми могут стать, *во-первых*, системы народнохозяйственного средне- и долгосрочного *прогнозирования,* уже существующие в нашей экономике. Оно требует совершенствования и развития, но это другой вопрос.

Во-вторых, и это гораздо более сложный шаг, – *планирование целей* – определение приоритетов социально-экономического развития национальной хозяйственной системы, или, несколько огрубляя, «контрольных цифр», достижение которых адекватно реализации общенародных интересов. Механизмы формирования таких целевых установок известны в отечественной и международной практике, но они требуют критического обновления, «перезагрузки». Подчеркнём, что планирование целей и превращение их в «контрольные цифры», безусловно, должно быть итеративным, с обновлением

1Эти термины из работы «Государство после этатизма: новые формы деятельности государства в эпоху либерализации» (The state after statism: New state activities in the age of liberalization / J. Levy (ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006) были прокомментированы нами ранее.

2Напомним ряд уже упоминавшихся нами работ, в которых проводится эта мысль: Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1969; Дзарасов С.С. Куда Кейнс зовёт Россию? М., 2012; Теория капитала и экономического роста / Под ред. С.С. Дзарасова. М.: Изд-во МГУ, 2004; Цаголов Г.Н. Как преодолеть либеральный застой // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014.

параметров по мере завершения каждого этапа планирования (например, ежегодно)[1].

Один из путей определения приоритетов при планировании целей – более демократическое и открытое обсуждение в гражданском сообществе и экспертной среде основных средне- и долгосрочных целевых установок, нежели это практиковалось ранее, причём существенно не только количественное расширение пространства и круга акторов, но и качественное обновление – переход к использованию *сетевых принципов и типичных для сетей механизмов диалога и комплиментарности.* Прообразом такой организации могут быть механизмы формирования проектов в режиме краудсорсинга, некоторые технологии открытых форсайтов, а также принципы викиномики, к сути которых мы ещё вернёмся ниже.

Собственно *форсайт* может быть применён как инструмент селективного общенационального планирования с целью соединения в рамках некоторых целостных и результативных процедур усилий экспертного сообщества, гражданского общества, профессионалов-плановиков и государственных органов. (Заметим в скобках, что некими отдалёнными прообразами таких «форсайтов» могут с известной долей приближения служить дискуссии, которые шли в СССР 1920-х гг. Они, кстати, стали одной из причин образования внутрипартийной оппозиции в ВКР(б) с последующими чистками и т. п. вплоть до репрессий, и это важный негативный урок нашего прошлого, указывающий на необходимость интеграции планирования и базисной демократии. Отметим, завершая наше отступление, что некоторые примеры такой интеграции можно найти в западноевропейских странах и в недавнем прошлом, и в настоящее время).

Последующие шаги также хорошо известны. В той же Франции это – законодательное утверждение выработанного проекта «контрольных цифр» Федеральным собранием и президентом.

Как бы заранее предвосхищая упрёк в возврате к «сталинизму», вновь подчеркнём: данные «цифры», являясь законом, *не являются обязательными для частных производителей*. Но они законодательно фиксируют интересы общества, которое всеми доступными ему легитимными методами будет

1Эту идею, предлагавшуюся ещё в 1980-е гг., в том числе авторами этого текста, академик В.М. Полтерович называет «скользящим» планированием (см.: Полтерович В.М. Стратегия модернизации российской экономики: система интерактивного управления ростом // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 7. С. 159).

содействовать их достижению в предстоящем среднесрочном (в перспективе – и долгосрочном) периоде.

В-третьих, *планирование* и утверждение на определённый период *«правил игры» в подпространствах, охватываемых селективным планированием.* Цель этой важнейшей процедуры проста: превращение существующих разрозненных институтов косвенного воздействия различных государственных органов на экономику (налоговых, кредитных и т. п.) в ***систему*** *средств реализации планов – взаимосогласованных институтов селективного регулирования социально-экономического развития в плановом подпространстве национальной экономики* (такая настройка данной системы институтов отчасти совпадает с тем, что сегодня принято называть «промышленной политикой»). Конечным итогом «выращивания» этой системы должно стать наличие согласованной во всех своих параметрах и для всех входящих в плановое подпространство сфер экономики системы «правил игры», позволяющих различным органам государства и гражданского общества сознательно воздействовать на пропорции и остальные параметры воспроизводства с целью реализации общественно выработанных средне- и долгосрочных приоритетов.

Существенно, что подпространство плановой системы, «по определению» включая ряд базовых государственных объектов, по отношению к частному бизнесу выступает как *открытая сеть*, присоединение к которой есть сугубо *добровольное* дело этих акторов. Они сами выбирают между стабильностью, гарантиями, престижем, низкими налогами, дешёвыми кредитами, но относительно невысокой прибылью в случае присоединения к сети и высоким риском + высокими налогами и т. п., но вероятностью быстро получить большую прибыль в случае ориентации на рыночное подпространство.

А теперь об основных *«правилах игры» в подпространстве планово-*рыночного развития (по большей части они хорошо известны). Это:

1) варьирование налогов; величины, ставки и условий кредитования; внешнеэкономических условий деятельности; предоставления других преференций для различных сфер экономики в зависимости от того, в какой мере их деятельность отвечает задачам реализации общенародных приоритетов;

2) государственный заказ на производство благ и услуг (прежде всего, общественных), трансформируемый в «твёрдое ядро» плана: после заключения контракта, производитель (как и при любой рыночной трансакции) обязан его выполнить, либо вернуть стоимость заказа плюс заплатить штрафные санкции и т.

п.; в этой своей части план подобен директивному и это опыт, известный всем странам мира;

3) система норм и нормативов качества производства; их задача – не только недопущение производства вредной продукции, но содействие «выдавливанию» экологически грязных, технологически-отсталых, социально-неэффективных (например, использующих преимущественно ручной неквалифицированный труд), уничтожающих национальное богатство (например, экспорт леса-кругляка), нарушающих международно-признанные права работников и т. п. видов бизнеса;

4) система правил ценообразования (вплоть до лимитов цен) для тех сфер экономики, которые прямо определяют доступность для населения жизненно важных товаров и услуг (базовые продукты питания, основные лекарственные препараты, услуги ЖКХ);

5) развитие зон, закрытых для частного бизнеса (государственных монополий);

6) идейно-политическая и культурная поддержка ключевых сфер развития экономики при помощи находящихся в руках государства институтов искусства, образования, природоохранной деятельности и другие хорошо известные меры селективного регулирования.

Подчеркнём: эта система косвенных регуляторов нами не придумана: они все в большей или меньшей степени присутствуют в мировой практике и использовались в нашей стране в период НЭПа.

Более того, рассматриваемые нами отношения неслучайно названы селективным планированием. Оно может охватывать очень незначительную часть экономики, а может распространяться практически на все ее сферы, – мы обсуждаем не масштаб государственного воздействия, а задачи его переформатирования из совокупности теневых (или даже открытых) волюнтаристских вмешательств в единую систему регуляторов, реализующих реальные интересы общества хотя бы в некоторой части экономики.

В-четвертых, важным блоком селективного планирования должна стать система институтов, устанавливающих *«правила игры» для производства в общественном секторе экономики*. Логика здесь предельно проста и ничем не отличается от логики частного собственника: *предприятия, которые нам принадлежат, должны делать то, что нам нужно, так, как нам (гражданам) нужно и в установленный нами срок*. Большая часть этого сектора должна работать, ориентируясь прежде всего не на рыночные критерии, а на реализацию

общенародных интересов (это касается в первую очередь общественного сектора в таких сферах как здравоохранение, образование и др.) по модели не-прибыльных организаций.

В этой своей части план будет «всего лишь» агрегировать осуществляемые на протяжении данного периода *общественные заказы* (только основные, или бо́льшую часть, или все – это мы, опять же, не обсуждаем) и *общественные инвестиции*. Сказанное, опять же, – не фантазия авторов. Это (с теми или иными особенностями) практики ряда стран как «центра», так и «периферии» (наиболее типичный пример – оборонный заказ), о чем мы писали в начале текста.

Наконец, все эти институты прогнозирования, целеполагания, прямого и косвенного формирования параметров общественного воспроизводства могут и должны быть объединены в *систему общенародных целевых программ*. Последние и станут конкретной формой отношений координации, противоречиво (NB! Избежать противоречий плана и рынка нам по определению не удастся, и к этому надо быть готовыми) интегрирующих сознательное средне- и долгосрочное общественное регулирование (планирование) и рыночно-капиталистическое саморегулирование.

В очередной раз подчеркнём: *сколь значимым может и должно быть место этих отношений в той или иной национальной системе – этот вопрос должны решать сами граждане данной страны*. Дело учёных – показать, что такие отношения есть, раскрыть их природу, противоречия, потенциал, перспективы, возможные позитивные и негативные результаты их развития.

Эта (1) системность, соединение в рамках целевых общенациональных (и более локальных) программ всех институтов государственного воздействия на экономику вкупе с (2) обновлением многих его методов и процедур (в частности, путём использования не только традиционных, но и новых, сетевых методов формирования субъекта планово-регулирующей деятельности и осуществления самого процесса планирования), а также (3) снятием основных «провалов государства» (бюрократизма и т. п. – о чем ниже) и составит *суть «перезагрузки» института «планирование»* на первом этапе его генезиса в рамках рыночной экономики. Это будет «всего лишь» маленький, скромный шаг, ничего в сущности не изменяющий в природе «позднего капитализма», но большее и невозможно сделать без качественной трансформации всех производственных отношений этой системы. Тем не менее даже такой шаг окажется важным сдвигом в стратегически перспективном направлении.

Более радикальная «перезагрузка» планирования связана с переходом в сферу качественно другой по своему содержанию деятельности.

Поскольку этот сюжет лежит отчасти в стороне от нашего основного предмета, позволим себе лишь краткую ремарку. Хорошо известно, что современная экономика – это не только материальное производство, но и сфера услуг. Последняя, поглощая более 75% занятых развитых стран, в свою очередь, включает (1) сервис, обслуживающий утилитарные потребности, (2) сферы, обслуживающие движение собственно рыночных форм (финансовые рынки, страхование, маркетинг и т. п.) и (3) *креатосферу* – пространство и время, где создаются культурные ценности и, прежде всего, личностные качества человека, его креативный потенциал. Это хорошо всем известные области массовой деятельности «низших» слоёв креативного класса – образование, включая воспитание и просвещение, а также все многообразие его форм – от яслей до повышения квалификации учёных; здравоохранение и спорт; научное и инженерное творчество; искусство; рекреация природы и общества и т. д.

Именно эта, третья в нашем перечне, подсистема сферы услуг становится в современной экономике главной областью реального сектора, ибо (1) в ней производится *главный ресурс* развития – креативный потенциал человека, и реализуется *высшая цель* развития – прогресс человеческих качеств. И именно в этой сфере возможна и необходима качественно новая модель координации, идущая дальше, чем собственно планирование – в подпространство горизонтальной сетевой координации. В этом мире экономическая задача, которую должно решать общество (государство, институты гражданского общества) состоит «всего лишь» в предоставлении материальных и финансовых ресурсов для жизнедеятельности акторов креатосферы. Далее она может развиваться по модели викиномики: свободная добровольная деятельность без расчёта на вознаграждение (но с гарантированным государством содержанием «человека творческого»), без рыночной конкуренции (но с конкуренцией талантов), без централизованной иерархии и без интеллектуальной частной собственности (но с фиксацией имени творца, как это испокон веков происходит в науке, педагогике или искусстве, где все знают, кто создал теорию относительности или написал «Войну и мир»). Конечным результатом деятельности в этом подпространстве становится культурная ценность, доступная каждому в режиме «собственность каждого на все»[1].

1Межуев В.М. Социализм как пространство культуры // Альтернативы. 1999. № 2.

Эта модель ещё недавно казалось абсолютно фантастической (хотя *отчасти* в таком режиме едва ли не столетия жили и живут общественные школы, университеты, библиотеки, академические научные центры, экологические объединения, ассоциации социальных работников и мн. др.). Но создание Википедии – едва ли не наиболее мощного (хотя и – признаем – имеющего массу недостатков) информационного ресурса современности показало, что ***викиномика*** – это реальность.

Развитие такой системы координации станет существенной перезагрузкой планирования, по сути его снятием, но этот сюжет мы в данном тексте оставим в стороне и вернёмся к проблемам селективного планирования в тех отраслях, где создаются материальные продукты и утилитарные услуги, и поставим самый сложный вопрос «выращивания» селективного планирования. Это, как ни странно, проблема формирования его ***субъекта***.

Ключевая проблема: «выращивание» субъекта [селективного] планирования

Дело в том, что им, чем дальше, тем больше должно становиться… *гражданское общество*. Последнее в его современном понимании является отнюдь не сборищем пресловутых «кухарок»[1]. Институты гражданского общества, которые могут и должны включаться в процесс планирования, это прежде всего профессиональные экспертные сообщества, научно-исследовательские и аналитические центры, think tanks и т. п. Эти организации, в свою очередь, могут и должны опираться на органы местного самоуправления, профессиональные и бизнес-ассоциации, потребительские, экологические и т. п. сети. Собственно государственные органы в данном случае могут и должны «всего лишь» (1) обеспечивать материальную базу этой работы и координировать ее, (2)

1В отличие от мифологизированного представления, будто большевики считали, что каждая кухарка способна управлять государством, в действительности они особое внимание уделяли именно обучению управлению. Об этом и писал Ленин в статье 1917 г.: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. (…) Но мы (…) требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту» (Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 34. С. 315). В результате такого обучения создавалась широкая прослойка населения (представителей «гражданского общества», как мы бы сейчас это назвали), которая обладала необходимыми знаниями для участия в управлении.

предоставлять итоговые результаты для публичного обсуждения, (3) утверждать в соответствии с установленной процедурой (например, парламентом) «контрольные цифры» и «правила игры» для регулируемого подпространства национальной экономики, (4) обеспечивать реализацию принятых решений (соблюдение плановых «правил игры») и контролировать их претворение в жизнь.

Эти механизмы, нарочито повторим, в принципе хорошо известны. Даже в СССР, при всем его бюрократизме, планирование во многом было именно научной деятельностью. Снятие бюрократической формы, решение сверхзадачи преодоления «провалов государства» – такова фундаментальная причина сформулированного выше и кажущегося парадоксальным вывода о гражданском обществе как основном субъекте планирования. Если же регулирование и планирование будут проводиться исключительно оторванными от общества бюрократическими органами, то либо нам придётся идти к авторитаризму, либо т. н. «провалы государства» (волюнтаризм, коррупция, клановость…) сведут на нет все возможные преимущества этой системы.

Отсюда два вывода.

Первый. Для того чтобы планирование, пусть селективное и ограниченное, было эффективным, его должна осуществлять команда интеллектуалов с очень высокими профессиональными качествами. Но для того, чтобы эта команда не превратилась в бюрократов, т. е. привилегированный и замкнутый клан работающих на свои, а не общественные интересы управленцев, необходимо нечто большее.

Посему второй вывод: для предотвращения этого, чтобы «провалы государства» были минимальны, необходим «пустяк» – некоторый круг участвующих в общественном управлении и контроле социально-активных граждан, соединённых сетями гражданского общества. Пусть это будет меньшинство, но меньшинство достаточно значимое по численности и активное настолько, чтобы стать основой для формирования при *помощи* государства институтов общегосударственного планирования и регулирования на демократической основе. Этот путь долог, но при определённых условиях (в частности, при соответствующей внешне- и внутриполитической ситуации и при активной поддержке со стороны того, что принято называть «политическим классом») первые достаточные шаги могут быть проделаны в течение нескольких лет.

Сами по себе эти шаги хорошо известны.

Это, *во-первых*, содействие формированию активных акторов гражданского общества в социально-экономической сфере – реальных профсоюзов, органов участия работников в управлении предприятиями (хотя бы по опыту Производственных советов в ФРГ), реально массовых органов местного самоуправления, экологических, потребительских и т. п. организаций; союзов предпринимателей и мн. др. Для того, чтобы эти органы сформировались, требуется, как минимум, (1) долгая и кропотливая работа политического класса по их поддержке; (2) постепенное, но неуклонное наделение этих органов все большими полномочиями и ответственностью; (3) формирование транспарентной системы социально-экономических институтов.

По мере вырастания низовых структур гражданского общества можно и должно перекладывать на них ответственность за решение все более и более сложных социально-экономических проблем. Соответственно, в этой же мере возможно частичное сокращение полномочий и ответственности плюс, соответственно, функций и численности государственных органов управления.

Во-вторых, формирование субъекта сознательного регулирования экономики предполагает столь же постепенный, сколь и неуклонный переход ко все большей открытости деятельности государственных органов и (что ещё более важно) предпринимательских структур, вплоть до уровня, принятого в странах со «скандинавской моделью», где любой гражданин может получить информацию о любых действиях правительства и менеджеров корпораций (вплоть до общей суммы годового дохода топ-менеджеров частных фирм), не составляющих государственной и коммерческой тайны, онлайн.

В-третьих, эти шаги станут базой для сокращения и, одновременно, повышения эффективности государственного аппарата регулирования экономики: повышения адекватности отражения интересов общества и профессионализма; снижения бюрократизма и волюнтаризма; выдавливания коррупционной составляющей и т. п. При этом масштабы и роль сознательного регулирования и планирования в экономике могут возрастать: как мы уже писали, в странах с развитым гражданским обществом и демократическим государством при очень высокой степени государственного участия в экономике удельные размеры госаппарата меньше, чем в странах с либеральной моделью.

Эти шаги по снятию того, что в неоклассике называется «провалами государства», в марксизме именуются развитием ассоциирования граждан,

содействие которому даже в рамках сохранения в целом частнокапиталистической системы является прогрессивным трендом.

При этом выглядит парадоксальным, но по существу является закономерным то, что шаги по развитию гражданского общества по идее должны поддержать и теоретические сторонники идей политического либерализма, а также либертарианцы[1]: в самом деле, последовательное развитие демократии – это то, что марксисты всегда считали необходимым (хотя и недостаточным) позитивным достижением либерализма.

Вернёмся к России. Здесь осуществление названных преобразований выглядит абсолютно утопичным. Но в нашей стране и не такие утопии становились реальностью: в 1916-м г. никто и подумать не мог о том, что через год крестьянство, пролетариат и буржуазия совместно с либеральной интеллигенцией разрушит монархию и провозгласит буржуазную республику. Ну а в 1980-х гг. только кучки диссидентов могли на кухнях мечтать о массовой либерализации, приватизации и т. п., ставших реальностью несколько лет спустя…

Итак, на наш взгляд, именно *формирование адекватного для осуществления сознательного регулирования субъекта, в частности, снятие основных «провалов государства», есть ключевая проблема развития даже селективного планирования*.

И это не какой-то политэкономический выверт: практика т. н. «рыночных реформ» в России показала, что для развития даже полупериферийной модели позднего капитализма ключевым условием было и остаётся наличие массового слоя носителей буржуазных ценностей, мотивов, правил экономической жизнедеятельности (homo economicus): постсоветский экс-бюрократ, «теневик», диссидентствующий интеллигент, привыкшие к патерналистской опеке рабочий и колхозник – все они с огромным трудом и далеко не в полной мере за эти без малого 25 (!) лет постепенно трансформируются в «нормальных» акторов капиталистических отношений, то и дело порождая реверсии государственничества и т. п.

Естественно, задача формирования субъекта сознательного регулирования является не менее сложной. Но точно так же, как для эффективного функционирования капитала, наёмного труда и других атрибутов капитализма необходим рациональный экономический человек, так и для сознательного

1Об основных «принципах веры» либерализма и либертарианства см.: Раквиашвили А.А. Либерализм. Эволюция идей. М.: Ленанд, 2010.

регулирования (даже ограниченного, неполного) этой системы необходимы гражданское общество, ассоциации граждан и работников, прозрачное и хотя бы частично подконтрольное обществу государство.

Модератором[1]2 деятельности ассоциаций граждан может и должно быть профессиональное научно-практическое образование, получающее от государства достаточно широкие полномочия. Как именно оно будет выглядеть – это второй вопрос. В эпоху информационных технологий не обязательно строить новое здание с армией секретарей и охранников: основную работу может делать открытая сетевая структура.

Продолжим. Формирование такого субъекта и собственно отношений планирования во всех известных нам исторических практиках происходило одновременно. Поэтому если мы хотим «вырастить» хотя бы некоторые элементы этих отношений, процесс должен быть начат и с институциональных изменений в собственно экономике, где необходимы трансформации и «правил игры», и организационных структур управления.

Все сказанное можно было бы считать романтически-ностальгическими аллюзиями отпраздновавших 110-летие Н.А. Цаголова и собственный 60-летний юбилей авторов, если бы не один «пустяк»: полученные 25-30 лет назад теоретические результаты оказываются весьма актуальными с точки зрения задач проведения некоторых качественных изменений в модели экономического развития нашей страны (и не только) в новом веке.

Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Россия в изменившемся мире: какие задачи может решать [селективное] планирование и какие проблемы стоят на пути его развития

Контексты

Ещё в конце 1970-х гг. экономисты дружно констатировали, что сложившаяся к этому моменту (по преимуществу в Западной Европе) экономическая модель, интегрирующая дирижизм и социальный патернализм,

1Применительно к государственным органам этот термин, насколько нам известно, впервые был использован Л.Л. Игониной. См.: Игонина Л.Л. Финансовые аспекты модернизации российской экономики: оценка значимых детерминант / Стратегия опережающего развития - III. Том I. Российская модернизация: диагнозы и прогнозы / Под общ. ред. А.В. Бузгалина, Р. Крумма. М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 198.

оказалась в кризисе. Он был не столь уж глубоким (каких-то 1-3% спада, и инфляция на уровне 5-7%), но, не случайно совпав с «застоем» в экономике «реального социализма», оказался достаточным для перехода к неолиберализму. Последний, однако, на деле не слишком далеко продвинулся в деле демонтажа государственного регулирования (как мы уже отмечали выше, доля государства в экономике если где и сократилась, то на 2-4 процентных пункта, оставаясь в пределах 45-55% ВВП в западноевропейских странах и 30-35% в США), но породил мощный процесс финансиализации, закончившийся мировым кризисом 2007-2009 гг. В результате мировая экономика оказалась перед выбором: либо возврат к одной из двух (с подвидами) уже раз приведших к кризису моделей, либо поиск действительно нового решения.

В России по большому счёту ситуация сходная, с той только разницей, что социально-ориентированный дирижизм полувековой давности мы ещё не пробовали, но зато полной мерой «опробовали» результаты внедрения директивного планирования и неолиберального рыночного саморегулирования.

На наш взгляд, поиск новой модели может и должен исходить из нескольких практикой доказываемых предпосылок. Оставим на время в стороне Запад и посмотрим на отечественную экономику.

Во-первых, попытки «косметических» реформ прежних моделей или поиск новых пропорций рынка и государства (не 38, как сейчас, а 45 или, наоборот, 30% ВВП) *сами по себе* мало что изменят, сохранив нынешний застойный тренд, грозящий нам последствиями, сходными с судьбами СССР 1980-х гг. …

Во-вторых, оптимальный с точки зрения авторов выход – переход к «выращиванию» качественно-новой социально-экономической и политико-идеологической системы – для России, к нашему большому сожалению, *пока* не актуален.

Наиболее реалистичная перспектива – это либо один из двух названных сценариев *регресса* (*сценарий № 1* – возврат к «гайдарономике, *сценарий № 2* – усиление государственно-бюрократического патернализма в духе позднефеодальных империй), либо реализация *сценария № 3* – стратегии формирования новых, более прогрессивных[1]1*,* нежели нынешние, переходных

1Критерий, позволяющий судить о мере прогрессивности экономических систем, мы сформулировали в выше. Заметим: постмодернистский дискурс отказа от определения такого критерия приводит исследователя к позиции объективизма, утверждающего, что никакого критерия для определения относительной прогрессивности рыночной и плановой систем нет и потому никаких теоретически обоснованных рекомендаций, в частности, по проблеме роли государства в экономике, учёный-экономист дать не может. Тем самым аннулируется весь -149

форм экономической координации, инкорпорирующих в поздний капитализм ростки современного посткапиталистического, пострыночного регулирования – форм *программирования и селективного регулирования отдельных сфер в целом остающейся рыночно-капиталистической экономики*.

Критику первого и второго сценариев авторы давали уже не раз[1], что касается третьего сценария, то именно о нем мы и хотим кратко поразмышлять ниже.

Но сначала поставим вопрос: а актуально ли использовать в России критически переосмысленный и осовремененный опыт планирования СССР 1920-х гг. и ряда стран, осуществлявших модернизационный рывок в 1960-70-х гг.? 60

Ответ в первом приближении может быть прост: использование этого опыта оказывается актуально в той мере, в какой мы (1) собираемся решать сходные задачи и в той, в какой (2) мир не изменился *качественно* по сравнению со второй половиной прошлого века[2].

С пунктом (1) ситуация проще: если мы посмотрим на практики нашей страны, то легко заметим, что нынешнее руководство РФ, переняв лозунги оппозиции прошлых лет, ставит перед собой цели, до удивления напоминающие те, что выдвигали руководители той же Японии или Франции полвека назад. Это и создание мощной отечественной промышленности, и импортозамещение, и развитие собственного военно-промышленного комплекса...

Что касается аспекта (2), то здесь все сложнее. Мир за полвека изменился и радикально.

Однако.

Геополитический контекст ныне все более *ин*волюционирует от неолиберальной глобализации в попятном направлении, к имперским порядкам прошлого: началась региональная диффузия казавшейся незыблемой глобальной сети, США все более откровенно стремясь играть роль «империи доверия»[3]2, чем дальше, тем больше оказываются далеко не единственным претендентом на роль единственного центра позднего капитализма. Что же касается постиндустриальной

более чем полувековой спор монетаристов и кейнсианцев, не говоря уже о марксистах: «…и ты прав тоже», - говорит постмодернистский кадий.

1См.: Политэкономия провала: природа и последствия рыночных «реформ» в России / Под ред. А.И. Колганова. М.: УРСС, 2013 (Библиотека журнала «Альтернативы». Т. 35); Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования. 2014. № 1.

2Ниже мы подчеркнём: использование критическое, адекватное новым реалиям мира и специфике России.

революции, то материальное *как бы* (это не оговорка: постмодернистский дискурс реиндустриализации как симулякра – реальность) вновь выдвигается развитыми странами на роль основы мировой конкурентоспособности.

И все же мир радикально изменился, и потому сделаем важный промежуточный вывод: необходима *перезагрузка* планирования XX века.

В этих условиях и большинство населения РФ, и её государственно-бюрократический аппарат, и та часть бизнеса, которая несмотря ни на что продолжает сохраняться в несырьевом производственном секторе – все они объективно заинтересованы в развитии государственного селективного регулирования и индикативного планирования. И об этом много лет регулярно пишут сторонники этого курса[1].

3Концепция «империи доверия» изложена в книге: Madden T. Empires of Trust. How Rome Built – and America is Building – a New World. N.Y.–L.: Penguin Press, 2009. Аргументированную критику ключевой идеи автора, что имперская мощь США зиждется прежде всего на доверии, а не на силе капитала и армии этой системы, дал В. Иноземцев (Великая ложь // Свободная мысль. 2010. № 2. С. 195–200).

1О необходимости более активного государственного регулирования в России, в частности проведения промышленной политики, говорят в своих публикациях многие отечественные авторы (см.: Гринберг Р.С. Мифы о свободном рынке должны уйти в прошлое // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014; Татаркин А.И. Промышленная политика как основа системной модернизации России // Там же; Сорокин Д.Е. Приоритетность национально-государственного интереса // Там же; Пороховский А.А. Ключевые принципы рыночного развития: двадцать лет в России // Там же; Рязанов В.Т. Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты // Экономическое возрождение России. 2014. № 2. С. 17–25; Бодрунов С.Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства // Экономическое возрождение России. 2014. № 2; Бодрунов С Д. Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики // Экономическое возрождение России. 2015. № 1. С. 7–22; Дзарасов С.С. Куда Кейнс зовёт Россию? М.: Алгоритм, 2012; Цаголов Г.Н. Как преодолеть либеральный застой // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014). Этому были посвящены три Московских экономических форума, в рамках которых ряд ведущих учёных страны высказались в поддержку данного курса. Об этом пишут и бизнесмены, развивающие производство в реальном секторе экономики (см.: Бабкин К.А. Разумная промышленная политика необходима и возможна // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014), и даже некоторые академические учёные, являющиеся консультантами федеральной власти (см.: Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010). Систематически об этом говорится в статьях, публикуемых в журналах «Экономическое возрождение России», «Экономист», «Российский экономический журнал» и др.

2

Отказ президентов, правительств и правящей партии России последних пятнадцати лет от перехода к этому типу экономической политики, впрочем, тоже понятен: смена курса потребует серьёзного ущемления экономических и политических интересов крупнейших корпораций РФ (преимущественно – сырьевых), сращённой с ними политической «элиты» и обслуживающей их части так называемого «среднего класса» (лиц, живущих примерно на том же уровне, что и средний класс в странах «золотого миллиарда»), т. е. правящего экономико-политического альянса. Соответственно, до тех пор, пока данный альянс нерушим и сохраняет контроль за экономико-политическими процессами, переход к активному государственному регулированию нашей экономике не грозит.

Таково положение дел. Однако преимущество теоретиков над политиками состоит в том, что они могут (и, на наш взгляд, должны) писать не только о сущем, но и о должном – о том, что объективно возможно и прогрессивно[1], даже если оно не реализуемо в данных конкретных исторических обстоятельствах. Например, теоретик может построить теоретическую модель полёта в космос в мире, где даже автомобили являются редкостью, а большинство населения – безграмотно…

Следуя этому императиву, мы должны выделить основные характеристики объективно возможной и исторически прогрессивной теоретической модели планирования и селективного регулирования в позднекапиталистической экономике, что мы и сделаем ниже, а пока перейдём к теории – политико-экономическим размышлениям о природе планирования в XX в. и в начале нынешнего века.

Формирование отношений планирования в постсоветской России: предпосылки

Обращаясь к отечественным реалиям, мы должны заметить, что в нашей стране завершилось формирование олигархо-бюрократической модели позднего

1Мы уверены, что задача теоретика, берущегося давать советы эконом-политикам, состоит ещё и в том, чтобы брать на себя ответственность за определение критерия последнего (мы такое определение обосновали в нашей книге «Глобальный капитал» (5-е изд. – М., 2019), и оно теоретически формулируется как мера продвижения по пути свободного гармоничного развития личности каждого в соотнесении с используемыми для этого ресурсами. Здесь принципиально важны все параметры: (1) мера социального освобождения, (2) гармоничность развития человека, акцент на его (3) личностных качествах и (4) общедоступности этих результатов (социальной справедливости) в сопоставлении с объёмом затрачиваемого на это (5) рабочего времени и (6) природных ресурсов).

капитализма [полу] периферийного типа с претензиями на роль «периферийной империйки», о чем в последнее десятилетие писали многие отечественные учёные[1], а авторы этих строк развивают эти положения начиная с 1992 г. и до настоящего времени[2]. В этих условиях интенции развития сознательного общественного регулирования у нас развивались (как и все остальные отношения в нашей стране) в *мутантных формах*. Если, ничего не изменяя в основах экономики – системе производственных отношений и оформляющих их институтов, начать сейчас внедрять в России планирование, то результат будет мало продуктивным, получится не намного лучше, чем с либеральным капитализмом, в общем, «как всегда».

Это касается, прежде всего, вопроса о реально возможном субъекте такого регулирования. Им станет нынешнее полуавторитарное, в значительной степени бюрократизированное и коррумпированное государство и создаваемые им органы, действующие малоэффективно, по преимуществу в интересах олигархо-бюрократических кланов, и широко использующие «ручное управление» и другие методы того, что авторы назвали «*теневым государственным регулированием*»[3].

Соответственно, главными сферами такого государственно-бюрократического регулирования станут военно-промышленный комплекс и некоторые наиболее престижные и важные для национальной безопасности сферы материального производства (космос, машиностроение, некоторые сферы сельского хозяйства). При этом экономика в целом будет по-прежнему

1Такая характеристика природы нынешней экономической системы России дана, в частности, в работах Меньшикова, Цаголова и авторов этого текста. См., например: Меньшиков С.М. Анатомия российского капитализма. М.: Международные отношения, 2008; Цаголов Г.Н. Модель для России. М.: Международные отношения, 2008.

2Политико-экономическая квалификация системы экономических отношений в современной России впервые была нами дана в серии наших статей в начале «шоковых реформ», а несколько позднее обобщена в книге «Переходная экономика» (см.: Бузгалин А.В. Переходная экономика. М.: Таурус, 1994). Последние результаты наших исследований представлены в серии статей 2014 года (см.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Российская экономическая система: некоторые итоги «реформ» // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 8; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Российская экономическая система: специфика рынка и его корпоративно-государственное регулирование // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 9; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Российская экономическая система: специфика отношений собственности и внутрикорпоративного управления // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 10).

3См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Российская экономическая система: специфика рынка и его корпоративно-государственное регулирование // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 9.

базироваться преимущественно на сырьевых отраслях, а бюджет – на доходах от сырьевой ренты.

Что касается методов такого регулирования, то они, как мы уже отметили, будут не столько носить характер общественно-сформированных социально-экономических программ хотя бы среднесрочной дальности, сколько представлять из себя далеко не всегда согласованные разовые и мало прозрачные воздействия государственных органов высшего уровня на конкретных производителей, которые будут получать либо особые государственные преференции, либо угрозы ограничения деятельности, а скорее всего – и то, и другое. Все это будет осуществляться при сохранении во многом непрозрачной и то и дело изменяемой совокупности разнонаправленных налоговых, кредитных, внешнеторговых и т. п. регуляторов, нацеленных на реализацию интересов не столько общества в целом, сколько наиболее близких к тем или иным кланам лоббирующих структур.

Все это станет не более чем дальнейшим усилением теневого государственного регулирования, причём в формах не только коррупции, но и «ручного управления».

Можно ли считать этот сценарий более перспективным, нежели предлагаемую нашими оппонентами справа модель максимального сокращения всякого селективного регулирования и восстановления «честного и свободного рынка», который в силу своих собственных объективных законов якобы обеспечит развитие наиболее конкурентоспособного бизнеса и, тем самым, всей экономики?

Ответ предполагает два уточнения.

Первое. Новое издание либерализации и приватизации в РФ будет не в меньшей мере деформировано коррупцией и феодальными пережитками, чем планирование. Это будет новый «шок без терапии», повторяющийся, как и всё в истории, в форме не только трагедии, но и фарса[1]. «Свободный и честный рынок» у нас будет столь же деформирован, сколь и регулирование. Спецификация прав собственности и защита контрактов – дело для коррумпированного чиновника не менее прибыльное, чем косвенное регулирование. А уж то, что условия рыночной сделки могут существенно изменяться в зависимости от рыночной власти сторон, любой российский бизнесмен знает не только из учебника Экономикс.

1О неадекватности идей рыночного фундаментализма как идеологии реформирования постсоветской экономики в отечественной литературе писалось не раз, в том числе и авторами этого текста. Из круга работ, развивающих эти тезисы, опираясь на специфику российского социума, укажем в данном случае только две: Кульков В.М. Национальная экономика: российская модель. М.: Макс Пресс, 2008; Рязанов В.Т. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.

Второе. Необходимо уточнить, что мы понимаем под оптимальным результатом. Если создание условий для максимально быстрого и эффективного получения прибыли капиталом, то, при всех минусах, мутации «либерального капитализма» предпочтительнее. Скорее всего, в этом случае российская экономика в целом постепенно уверенно займёт место одного из сырьевых экспортёров с позднекапиталистической экономикой периферийного типа. Ее экономическая и политическая «элита», равно как и составляющий 20% всех россиян «средний класс», получат ещё более полный доступ ко всем благам рыночной цивилизации и обеспечат себе устойчивое (насколько это вообще возможно в условиях современного «турбокапитализма»[1]) воспроизводство в её рамках.

Если смотреть на проблему с точки зрения единых для большинства из нас – граждан России – общественных интересов, то, опять же, при всех минусах олигархо-бюрократических мутаций, сценарий имитирующего планирование активного «ручного управления» олигархическими капиталами позволит в бо́льшей степени сохранить национальный суверенитет и начать какое-никакое восстановление отечественного реального несырьевого производства. Впрочем, и в этом случае для большинства граждан России мало что изменится к лучшему в таких базовых сферах, как образование, здравоохранение, социокультурное развитие, а «элита» и «средний класс», несколько изменив свой состав и конфигурации, сохранит все свои нынешние привилегии.

Так что вывод остаётся простым: и «свободный рынок», и планирование у нас буду равно деформированными, если…

…Если не будут проведены те существенные изменения в наших институтах, экономической политике и, в конечном счёте – общественных отношениях, о которых мы писали выше, и в необходимости осуществления которых мы во многом солидарны с нашими либеральными оппонентами.

Суммируем: стратегически оба эволюционных варианта бесперспективны. Без качественных изменений, одним из важных (но не решающих) слагаемых которых является рассматривавшееся нами регулирование рыночной экономики, и [ограниченное] планирование как его важнейшее звено, существенный прогресс социально-экономической системы России маловероятен.

1См.: Luttwak E. Turbo Capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1998.

Если же мы сумеем провести хотя бы минимальные преобразования в социально-политической сфере, содействующие выдавливанию позднефеодальных и мутантно-капиталистических форм, с одной стороны, социализации экономики и демократизации политики – с другой, то развитие селективного планирования в смешанной рыночной экономике России может дать большие результаты.

Среди основных – выделение общественно-необходимых приоритетов развития (именно развития, а не просто роста ВВП) и концентрация при помощи названных выше средств ресурсов для их достижения.

Среди таких приоритетов – качественные структурные сдвиги в экономике в пользу высокотехнологичного материального производства, науки, образования и искусства, т. е. тех сфер, которые позволяют задействовать уникальный потенциал российского социума – креативность его членов. Именно этот потенциал сегодня отмечают в качестве главного ресурса развития нашей экономики самые широкие круги экспертов: от новых институционалистов[1] до постсоветских марксистов[2].

Какие конкретно шаги могут быть предприняты для реализации этого проекта авторы писали уже не раз, останавливаясь на вопросах не только планирования, но и реформирования отношений собственности, обеспечения социальной справедливости, воспроизводства и т. п. Именно в этих работах мы не случайно наши предложения в сфере стратегии опережающего развития и выращивания «экономики для человека» начинали с перечня тех шагов, которые в данном тексте мы обобщили и теоретически квалифицировали как «планирование».

Кратко суммируем сказанное в этих текстах.

Планирование в России: что, как и для чего? (вместо заключения)

Ответ на первые два вопроса может быть предельно коротким – сформировать те отношения планирования и, соответственно, их институты (т. е. и

1См.: Аузан А.А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2015. № 1.

2См.: «Экономика для человека»: социально-ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора. Материалы Московского экономического форума / Под ред. Р.С. Гринберга, К.А. Бабкина, А.В. Бузгалина. М.: Культурная революция, 2014; Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения / Под общ. ред. Б.Ф. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2013, и др.

акторов, и «правила игры»), которые авторы в меру своих сил охарактеризовали в разделе 3. Это тем более будет правильно, что при написании текста этого раздела мы держали в уме именно нашу страну.

Ответ на последний вопрос, как ни странно, гораздо сложнее, ибо он предполагает решение социально-политической проблемы: *интересы каких политико-экономических сил должна реализовывать стратегия социально-экономического возрождения страны*?

Не углубляясь в эту (лежащую вне предмета данного текста) тему, подчеркнём: интересам трудящегося большинства россиян отвечает стратегия перехода от решения задачи минимум (выхода из стагнации) к реализации более сложных проектов – обновления *всей экономической системы с целью создания условий, позволяющих переориентировать её на реализацию эко-социо-гуманитарных приоритетов* (хотя бы в той мере, в какой это возможно в рамках социал-демократической модели позднего капитализма), а не просто экстенсивный рост.

Подчеркнём: для решения как тактических (преодоление стагнации и минимальная модернизация), так и стратегических реформационных задач *развитие планирования – условие необходимое, но далеко не достаточное*. Его должны сопровождать соответствующие реформы в области отношений собственности, распределения дохода, воспроизводства и др., направленные, намеренно повторим, на формирование в России *хотя бы* более прогрессивной, нежели нынешняя, олигархо-бюрократическая, модели позднего капитализма.

Обо всех этих реформах авторы писали уже не раз[1], поэтому укажем только на некоторые реперные точки сценария таких преобразований и покажем, почему для этого необходимо, в частности, планирование.

Речь идёт о стратегии, принципиально отличной не только от траектории «рыночного фундаментализма» (свободная конкуренция сама выстроит оптимальную структуру экономики), но и от консервативной модели реиндустриализации (восстановления массового промышленного производства).

То, что первый сценарий ведёт в тупик, мы убедились в 1990-е. Но и второй не намного лучше: Россия – не Китай. У нас все ещё более половины граждан – интеллигенция. Плохая ли, хорошая ли, но достаточно образованная, культурная, самостоятельно мыслящая. И модернизация нам нужна принципиально отличная от того, что делал Китай *30 лет назад*, *начиная* свой рывок. В России требуется не

1Выше мы уже привели ссылку на публикации наших коллег и авторов этого текста.

массовое сборочно-швейно-разливное производство, а приоритетное развитие человеческих качеств и новых технологий плюс решение застарелых и донельзя глубоких социальных и экологических проблем.

Для реализации таких приоритетов необходимы качественные подвижки в структуре общественного воспроизводства. Среди основных – приоритетное развитие уже названных сфер – высокотехнологичное производство и НИОКР, фундаментальная наука, образование, культура, здравоохранение. Один из уже известных путей решения задачи – целенаправленное развитие кластеров, интегрирующих крупные высокотехнологичные производственные комплексы с научно-образовательными центрами и с широким спектром открытых инновационных сетей, объединяющих «игроков» самого разного типа – от гениев-фрилансеров и студенческих КБ до малых частных предприятий и инновационных кооперативов[1]. Сама по себе «невидимая рука рынка» в России – стране полупериферийного капитализма, где частный капитал ещё долго может паразитировать на природных ресурсах и относительно дешёвой рабочей силе – ещё долго не будет указывать в стороны *таких* приоритетов. Селективное планирование же, при всей его ограниченности, сможет хотя бы отчасти «перенаправить» эту указующую длань в нужном направлении, создав систему среднесрочных программ с чётко заданными целями и системой стабильных стимулов их реализации для частных фирм и обязательных к выполнению государственных заказов для предприятий общественного сектора. Остальная же часть экономики будет развиваться по-прежнему в рамках минимально регулируемой (в соответствии с мечтами монетаристов) рыночной среде.

Ну а что до экспертного мнения о сфере распространения селективного планирования, то на наш взгляд, в национальной экономической системе, ставящей задачу целенаправленно и упорно, на протяжении как минимум двух десятилетий, «выращивать» экономику, обеспечивающую близкие к лучшим мировым стандарты социального,

гуманитарного и научно-технического развития, система отношений планирования может и должна распространяться как минимум на б***о***льшую часть образования (включая воспитание), здравоохранения, культуры, рекреации природы и общества, научно-технического развития, эксплуатации природных ресурсов, инфра-

1См.: Бодрунов С.Д. Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики // Экономическое возрождение России. 2015. № 1. С. 7-22.

структуры, обороны, нескольких крупных международных высокотехнологичных проектов (например, аэрокосмических).

Константин ЩЕРБАКОВ

Эйзенштейн плохому не научит...

Всё-таки от суда времени никуда не денешься. Я не говорю о макулатуре, которая выдавалась за литературу из разных соображений. Здесь ни суда не нужно, ни времени, всё и так ясно. Но вот недавно стал перечитывать писателя с безупречной человеческой и, казалось, творческой репутацией. Перечитывал, и вдруг посреди фразы подумал: а ведь рядом с ним и в это же время работали Булгаков, Артём Весёлый… И не стал перечитывать дальше.

***

«О, если бы у нас был Шекспир вместо Киршона!»

Эта пометка К.С. Станиславского на стенограмме выступления П.А. Маркова. 1935 год.

Разумеется, верно. Загвоздка, однако, в том, что через три года Киршон был расстрелян, а Шекспира всё нет и нет. Такая вот диалектика.

***

На одном из давних писательских пленумов на трибуну прорвался Евтушенко и предложил избрать не помню уж в какое правление полу-запретных тогда Лакшина и Окуджаву, а коллеги из зала кричали ему: «Вон с трибуны! Перестаньте корчить из себя политического клоуна!»

Отчего так возбудились, так осерчали коллеги? Оттого, что точно знали, кто наш, а кто нет, и очень хотели утвердиться в статусе наших.

Это в то время. А в наше?

Когда же единственным критерием в рассуждениях о писателе станет качество текста?

***

Мой знакомый, режиссёр из провинции, поставил спектакль в Москве. У режиссёра – чего уж там – амбиции над творческими возможностями преобладали. Сказать, что спектакль напоминал кошмарный сон, было бы несправедливо. Нет, напротив, он погружал в сон глубокий, спокойный. Под вежливые финальные аплодисменты я очнулся от этого сна с панической мыслью: бежать. Говорить доброму знакомому неприятные вещи кому охота, да ещё при том, что премьера в Москве – это для знакомого событие, шанс…

Но режиссёр уже стоял на выходе, и не один, а с Мишей Рощиным, который устремился из зала раньше меня, но всё равно не успел.

Я обречённо готовился пролепетать что-то, как вдруг услышал уверенно доброжелательный голос Рощина:

– А знаешь… Наверное, можно и так.

Я с восхищением посмотрел на Мишу: вот что значит настоящий драматург, вот что значит – владение репликой!

***

Словосочетания «окопная правда», «лейтенантская проза» – прочно вошли в литературный обиход, а зачинателями такой прозы неизменно называют Бондарева, Бакланова, Быкова. Но их ранние повести – это конец 50-х-начало 60-х. А «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, а «Звезда» Эммануила Казакевича – это десятью с лишним годами раньше, они ещё и Сталинские премии успели получить. Именно – за упомянутые повести. Это какая проза – не лейтенантская? Не окопная – правда? Не новая мысль: живые тексты ни в какие, даже, казалось бы, совершенные формулы не укладываются.

***

В годы войны снимались очень разные фильмы, в их числе ныне прочно забытые. Справедливо. А иногда – несправедливо.

«Лермонтов». 1943 год. Киностудия «Союздетфильм». Кто помнит? Кто видел, кроме узких специалистов? Ну, я видел – в детстве.

А, между прочим, сценарий писал Константин Паустовский. А музыку – Сергей Прокофьев.

Ради этого только стоило пересмотреть.

Пересмотрел.

Лидия Сухаревская, Борис Тенин, Павел Массальский, Сергей Мартинсон, Георгий Менглет – такой актёрский состав. В роли Лермонтова – Алексей Консовский, – уверен, что это лучшая его киноработа. И каким безнадёжным трагизмом веет от кадров, где просто молча стоят люди – под окнами дома, где умирает Пушкин.

Просто, молча – и вдруг я ощутил себя рядом с ними. Как это сделано? Не надо объяснять художественное наитие. Спасибо, что оно было.

Фильм тогда разгромили. Кажется, за недостаток монументальности, которая заполнила экранное пространство несколько позже, в период малокартинья.

Игровых фильмов режиссёр Альберт Гендельштейн больше не снимал. Остались эпизоды, кадры, в которых угадывался настоящий талант.

***

В 1947 году Борис Андреевич Бабочкин снял фильм о моряках-североморцах «Повесть о «Неистовом». Фильм прошёл глухо, третьим экраном.

«Министр кинематографии Большаков даже грозил отдать меня под суд», – свидетельствовал Бабочкин. О причинах министерского гнева можно догадываться: тихая картина о буднях войны оказалась, мягко говоря, неуместной, когда на подходе уже были «Сталинградская битва», «Падение Берлина».

«Повесть о «Неистовом» – последняя режиссёрская работа Бабочкина в кинематографе.

Существовала граница, которую нельзя было переходить ни мало кому известному Гендельштейну, ни Бабочкину, кавалеру ордена Ленина за Чапаева, а впоследствии народному артисту СССР, Герою Социалистического труда.

Опасная сложность заключалась в том, что граница была прихотлива, менялась, угадывалась не всегда. Та же отмеченная лауреатством «Звезда» Казакевича, добротно и в полном соответствии с первоисточником экранизированная режиссёром Александром Ивановым, прежде чем выйти на экран, несколько лет пролежала на полке. Это – конец сороковых – начало пятидесятых.

Вряд ли, впрочем, Иванов хотел эту границу угадывать. Как и некоторые его коллеги. Тогда и получалось – настоящее.

***

Сколько ни читай научной литературы об Иване Грозном, а для меня это всегда – Николай Черкасов из фильма Сергея Эйзенштейна. Внутренний и внешний облик исторического персонажа предстают такими, какими увидел, почувствовал их великий художник, а не дотошный исследователь. А был ли тут социальный заказ или какие-то иные мотивы, не имеет уже никакого значения.

Переменить здесь, переиначить что-то можно только, располагая духовными масштабами Эйзенштейна, Черкасова. А где их взять?

Так что, может быть, оставить как есть? Не научат они – дурному – Эйзенштейн и Черкасов.

Как и Николай Симонов – Пётр Первый.

***

В 30-40-е годы в советском кинематографе, наряду с первым эшелоном (Александров, Ромм, Чиаурели, ещё несколько знаковых имён) активно работал эшелон второй. К примеру – Константин Юдин, Исидор Анненский, Семён Тимошенко. Их фильмы встречали снисходительный официальный приём и очень неплохо смотрелись зрителями. Однако представить себе эти имена в титрах, скажем, «Падения Берлина» было невозможно.

Там, в первом эшелоне, иные ценности, иные отношения с властями. Ну, и мера официального признания, разумеется.

И вот по прошествии десятилетий вдруг возникла странная мысль: а может быть (в известной мере, в отдельных случаях, готов добавить сколько угодно ещё оговорок) может быть, для памяти о художнике надёжнее, спокойнее, если там скромно значатся «Сердца четырёх», «Человек в футляре», «Три товарища», а не «Ленин в Октябре».

Не «Светлый путь». В ответ готов услышать: вы искажаете историю советского кинематографа.

Разве «Ленина в Октябре» и «Светлый путь» – единственные работы их великих авторов, разве по этим фильмам надо судить об их вкладе?

Согласен, искажаю. Разумеется, не единственные. И насчёт вклада – воображаемый оппонент прав.

И всё-таки… Всё-таки…

***

С десятилетними опозданиями приходили к советскому читателю «Мастер и Маргарита», «Жизнь и судьба», «Доктор Живаго»… Десятилетиями отбывали свои полочные сроки «Андрей Рублёв», «Комиссар», «Проверки на дорогах». Но вот вырвались, опровергли время и обстоятельства. Удостоились даже телесериальной судьбы. (С «Мастером и Маргаритой», кажется, третий заход).

Рукописи не горят? Похоже, что так. Не горит даже легко воспламеняющаяся киноплёнка.

Вот они – смотрите, читайте. Не забыть бы только, на какие огромные, невосполнимые утраты обрекали отечественную культуру эти долгие-долгие задержки шедевров в пути.

Человек, который сидел в тюрьме по наговору и которого потом выпустили, признав ошибку, – он что, не понёс никаких потерь?

Книги, фильмы, должны приходить к читателю, зрителю, вовремя, а не задним числом. Только в этом случае есть надежда, что они, книги и фильмы, доверятся нам до конца, отдадут то, что в них было заложено. Что диалог наш будет безоговорочно откровенным. И подумать будет время – спокойно подумать – без лихорадки и ажиотации, шедевр ли перед нами, нет ли. Что тоже существенно.

Сегодня такая возможность, слава Богу, есть. Сложнее сегодня – с шедеврами. Вытоптанное поле не плодоносит и тогда, когда его уже перестали вытаптывать.

Или не перестали?

***

«Утиная охота», «Беседы с Сократом», «Три девушки в голубом», «Валентин и Валентина»… Александр Вампилов, Эдвард Радзинский, Людмила Петрушевская, Михаил Рощин.

Поколение, пришедшее за военным, след в след, кровно с ним связанное. Те, кому сегодня за восемьдесят (или было бы за восемьдесят).

Драматурги милостью божьей, своё время увидевшие, угадавшие. Ну да, на сцену прорывались с трудом. Но кто прорывался после? С трудом, без труда ли…

Назовите, буду признателен.

Рукописи не горят. А если поджигателям не о чем хлопотать, – просто потому, что работы нету?

***

О великий, могучий, правдивый и свободный русский язык.

Иван Тургенев

Улица корчится безъязыкая —
ей нечем кричать и разговаривать.

Владимир Маяковский

Город в устье Дона, маленький уютный ресторан, лето, солнышко, благодать…

– Девушка, а раки у вас есть?

– Ща запытаю за ракоу, – официантка указала в сторону кухни.

– Как это? – не сразу понял я.

– Та, запытаю, запытаю, седайте, чекайте.

И тут я понял, что эта пышущая здоровьем и доброжелательностью южнорусская красавица н е з н а е т н и о д н о г о я з ы к а. Так, чтоб заказ принять – отовсюду по чуточке. И всё.

Послушайте однажды, как говорит улица. В контексте этого суржика, сляпанного их разнообразных словесных отбросов, добротный мат услаждает слух.

Ещё канцелярит в ходу – но это уже по государственно-бюрократической надобности.

Небогатый получается выбор.

…А раки оказались свежими крупными. Своё дело девушка знала.

***

Почему «Золотой телёнок» перечитывается сегодня с большим увлечением, чем «12 стульев», хотя и «Стулья» перечитываются хорошо?

Первый роман Ильфа и Петрова – это прежде всего о пережитках, которые с трудом, но преодолеваются новым рождающимся обществом.

Второй – об этом самом новом рождающемся обществе, к которому авторы знаменитой дилогии начинают относиться, скажем так, неоднозначно.

А под фактическим запретом долгое время находились оба романа.

***

Лет 50 назад (господи, уже пятьдесят!) журналистские заботы привели меня в маленькое грузинское селение далеко от Тбилиси. Принимали сердечно, и в какой-то момент хозяин духана, где происходило пиршество, взял меня под локоть и шепнув: «Можно, на минуточку?», завёл в маленькую комнатку позади буфетной стойки, налил по пол-стаканчика чачи и задумчиво произнёс: «Выпьем за твоего отца и за Сталина».

Что было сказать этому славному доброжелательному человеку? Что отец и Сталин – разные, хотя и близко соприкасающиеся миры, а для меня особенно разные, так что прозвучавшее объединение невозможно?

И мгновенное ощущение: там и тогда прозвучало бы это фальшью, вопиющей бестактностью. И я выпил – молча до дна.

Так случается, что вынужден, просто по-человечески вынужден сказать «да», хотя сказать «нет» у тебя оснований больше.

И ещё добавилась информация к размышлению: свой тост духанщик почему-то решил сказать не при всех.

***

В детстве я любил стихи революционных советских поэтов. Особенно заклинивало почему-то на «Думе про Опанаса». Может быть, потому что в доме пластинка была, где «Думу» читал Качалов. В двенадцать лет я знал наизусть поэму Багрицкого, всю, от первой до последней строчки.

Я и сейчас могу цитировать по памяти.

Не гляди же, солнце злое,
Опанасу в очи:
Он грустит, как с перепоя,
Убивать не хочет…

Но ему приказано расстрелять комиссара Когана. Нестором Ивановичем Махно. Лично.

Кровь — постылая обуза
Мужицкому сыну…
Утекай же в кукурузу —

Я выстрелю в спину!
Не свалю тебя ударом,
Разгуливай с богом!.. —

Но стрелял Опанас не в спину – в лицо, потому что Коган бежать отказался.

— Опанас, работай чисто,
Мушкой не моргая.
Неудобно коммунисту
Бегать, как борзая!
…
Лучше я погибну в поле
От пули бесчестной!..

Тишина в степном раздолье, —
Только выстрел треснул

И потом, потом, в преддверии собственной гибели признавался Опанас штабному следователю красных:

Как дрожала даль степная,
Не сказать словами:
Украина — мать родная —
Билась под конями!
Как мы шли в колесном громе,
Так что небу жарко,
Помнят Гайсин и Житомир,
Балта и Вапнярка!..
Наворачивала удаль
В дым, в жестянку, в бога!..
…Одного не позабуду,
Как скончался Коган…

Всё остальное на последнем пороге забыть можно. Было всякое – и прошло. Это – нельзя.

А что они друг другу сделали – Опанас и Коган, почему так было нужно, что-либо один живёт, либо другой? И почему не нашёлся кто-то, кто остановил бы эту цепочку смертей, где Опанас и Коган – малое звёнышко…

Я, разумеется, не хочу сказать, что мысли эти приходили мне в голову, когда заучивал строчки «Думы». Но вот – заклинило. Почему-то заучивал.

***

«Гамлета» мне посчастливилось видеть в режиссуре Охлопкова, Любимова, в исполнении Самойлова, Козакова, Высоцкого.

И других видеть случалось, разных, в том числе, извините, совершающих на сцене физиологические отправления: дескать, такой же как мы, простой доступный, а уж с перепоя… Но как бы ни изощрялись режиссёры в изобретении красок подобного свойства, сколь старательно ни погружали бы свои спектакли в сценический мусор, результат получался примерно одинаковый: место главного героя мировой сцены занимал некто по недоразумению названный Гамлетом, кому поблизости от Шекспира делать было решительно нечего. И некто, возможно догадываясь об этом, раздражался, ёрничал, шкодил по мелочам.

Режиссёр выкладывался в пределах тех возможностей, которые отпустила ему природа – и последовательно создавал на сцене свой собственный автопортрет. Допускаю – живой и верный.

Шекспировский текст при этом звучал время от времени, словно бы потешаясь над усердным автопортретистом.

А Гамлет-то что же? А Гамлет – ничего. Он с Дон Кихотом – на связи.

Уронили мишку на пол

Где мифы, где были – которые были…

В советском кинематографе 30-40-х годов работали артисты, являвшие собой разные грани национального характера. Назову Бориса Андреева, Алейникова, Крючкова, Жакова, Бернеса, Столярова. Они были вне театра – кино и только кино. Часто заказное, ангажированное, грубо агитационное. И всё равно, это были лица эпохи, верные, не выдуманные. Живые.

Они не всё сказали о своём времени, но то, что они сказали, было не лживо – вопреки любой заданности. Взгляд, интонация, жест… Личности таких артистов, как Пётр Алейников, были не подвластны конъюнктуре и цензурированию.

Идеология идеологией, а он, Пётр Мартынович Алейников, отдельно. Какой есть, такой есть.

Совершал, казалось, невозможное, создавал художественную правду роли мимо текста, из себя одного. А вот перекинуть мостик из одной художественной правды в другую – не получилось (фильм «Глинка», роль Пушкина). Был до такой степени в своём времени, что оказаться в другом просто не смог.

***

Как серебро сверкает дрянь, – блестит как злато сор. – Долматусовская ошань – повылезла из нор.

Если честно, по молодости даже нравилось: так их, вчерашних, заслужили. Но понял быстро: сочинения подобного свойства – вчера ли, сегодня ли – есть выражение глубоко-глубоко запрятанного комплекса неполноценности. Тому, кто способен сочинить тексты, сопоставимые с «Подмосковными вечерами», с «Эх, дороги», нет резона лаять из подворотни.

Вообще эпиграмма – жанр опасный. Иногда она больше говорит о том, кто её сочинил, чем о том, кому она адресована.

***

Сегодня лучшие эпиграммы – это конечно Валентин Гафт – с его неоспоримой моральной безупречностью.

***

В начале 30-х годов прошлого века блестящий мастер жанра Александр Архангельский так пародировал Александра Прокофьева:

Душа моя играет, душа моя поет,
А мне товарищ Пушкин руки не подает.
Александр Сергеич, брось, не форси,
Али ты, брательник, сердисси?

Застряло в памяти, а само пародируемое стихотворение нет.

В отличие от этого «Александр Сергеевич, разрешите представиться – Маяковский». Здесь как раз пародии забылись, а, скорее всего их и не было: кто решится?

Такие вот причуды памяти.

***

Однажды в день не помню уж какого космического полёта ко мне в редакционный кабинетик «Комсомольской правды» ворвался небрежно одетый пожилой человек, от которого сильно припахивало водкой, – ворвался, повторяя: «звёздные мои… звёздные мои…» Потом замолк и через несколько секунд произнёс виновато: «Стихи хотел предложить… Но вот дальше «звёздные мои» пока ничего не сочинилось… И представился: Иван Молчанов.

Ну да, тот самый Молчанов, про которого Маяковский – помните? – высказался:

Припомадясь
и прикрасясь,
эту
гадость
вливши в стих,
хочет
он
марксистский базис
под жакетку
подвести.

Сколько же лет о нём не было слышно ни звука. А он – видите? – стихотворение «Звёздные мои» чуть было не дописал. Не иссяк значит ещё тогда порох в пороховницах.

***

Однажды разговорились с Толей Алексиным, хорошим детским писателем, не знаю, зачем уехавшим в Израиль, – разговорились о пародии, о границах и возможностях жанра.

– Есть стихи, не обязательно гениальные, которые пародировать не надо.

Так примерно сказал Толя и привёл в качестве примера строчки Агнии Львовны Барто:

Уронили мишку на пол,
Оторвали мишке лапу,
Всё равно его не брошу,
Потому что он хороший.

А я как назло: услышал накануне текст неизвестного пародиста – и тут же его воспроизвёл:

Уронили мишку на пол,
Оторвали мишке хер,
Всё равно его не брошу.
Он теперь пенсионер.

– Наверное, автор этой пародии в детстве отрывал лапы игрушечным зверям, – так прокомментировал Толя. – Может и сейчас в такие игры играет.

Прелесть стихотворения Агнии Львовны в том, что оно ненавязчиво напоминает: существует на земле беззащитность, и её надо оберегать. Напоминает детям и взрослым.

А ведь подумать: сочувствия к беззащитности в наших жизненных правилах становится всё меньше и меньше.

***

Течёт.
Ручьище красной меди
Рычанье и кровь
Лакай, темнота!
Не знаю, плачут ли,
Нет медведи,
Но если плачут,
То именно так.

Владимир Маяковский «Про это»

Медведи тоже плачут, не доводите их до этого. Берегите медведей, живых и игрушечных.

***

Доктор философских наук, профессор Авнер Яковлевич Зись исправно преподавал марксистско-ленинскую философию и эстетику в творческих ВУЗах, на высших сценарных курсах, и его обожали студенты, в том числе самые продвинутые свободомыслящие.

«Зись-110 у подъезда!», – оповещал кто-то из них, и через несколько секунд аудитория была полна. Работало обаяние личности. Студентам нравилось его слушать, а ещё больше – общаться с ним лично. Нравилась интонация, за которой прочитывалось: ленинизм ленинизмом, мотайте на ус, но думайте сами.

Авнеру Яковлевичу в ту пору, в семидесятые, перевалило за 60 лет. Красавцем назвать его было никак нельзя, да и ростом, мягко говоря, не вышел – а женщины его любили самозабвенно. «Маленькое дерево в сук растёт», – уважительно заметил как-то Саша Свободин, отдавая должное насыщенной личной жизни коллеги.

Как-то я зашёл к Зисю с бутылкой коньяка в квартиру на улице Горького, где он тогда жил один. Застал у него известную актрису, собиравшуюся уходить.

– Выпьешь с нами? – предложил ей Зись.

– Нет-нет, что ты – у меня же репетиция.

– Ну тогда до завтра, – вслед гостье напомнил Авнер Яковлевич. И тут же, открывая посудный шкаф, поинтересовался у меня:

– Вам рюмку или стакан? – и добавил: я – стакан, не люблю цедить.

Авнер Яковлевич не претендовал на лидерство в консервативных кругах, либеральных ли. Не занимался кухонным или открытым сотрясением устоев, хотя, если очень хотелось словно бы проходил сквозь них. Но вот жизнь, живую, повседневную, любил пить стаканами. И это безошибочно привлекало к нему окружающих, независимо от их отношения к марксистко-ленинской философии.

Актриса, которая торопилась на репетицию, наверное, могла бы это подтвердить.

***

По-разному люди забываются, по-разному помнятся.

На комсомольском то ли пленуме, то ли съезде (народу, во всяком случае, было много) первый секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлович Павлов, чтобы разогреть аудиторию, дать ей нужный настрой, стал читать с трибуны стихи Евтушенко про него, Павлова («Когда румяный комсомольский вождь – На нас, поэтов, кулаком грохочет, – И хочет наши души мять как воск – И вылепить своё подобие хочет…»). И разогрел. Настрой получился. Зал неистовствовал («Позор!» «Где этот стихоплёт!» «Пусть выйдет, ответит»). Ну, понеистовствовали. А стихи, до тех пор известные в своём узком кругу, ушли в народ. Я л и ч н о запомнил их в л и ч н о м исполнении Сергея Павловича.

С тех пор умения популяризировать то, что хочешь дискредитировать, – не убавилось. Ох, не убавилось.

***

Ещё микрожанр – анекдот. Когда-то полузапретный, но в лучших своих образцах – общенародный.

Сидят двое чукчей на берегу Ледовитого океана.

– Хочешь, политический анекдот расскажу?

– Не надо, а то в глушь какую-нибудь сошлют на хер.

Сейчас анекдот полностью легализован, публикуется в прессе, звучит с телеэкранов.

Появилось ли что-нибудь, по всеобщей популярности близкое к «Чапаеву», к «армянскому радио»?

Последний всплеск – «от Никулина», но сегодня и это уже – история давняя.

Почему так?

Невозможно ведь, чтобы чувство юмора жило в народе, и вдруг иссякло.

Или возможно?

***

На одном из обсуждений нашей газеты не помню в какой высокой инстанции представитель горкома комсомола высказался в том смысле, что комсомольская работа внутри «Комсомольской правды» поставлена не профессионально, и её надо срочно профессионализировать. Когда лет через двадцать в стране поменялся общественный строй, едва ли не все средние офисные вакансии оказались захвачены такими вот «профессиональными комсомольцами».

Какие бы ни ревели революционные бури, как бы ни становилось всё с ног на голову и обратно – чиновник в России остаётся нереформируем и незыблем.

Это его профессия – не владея никакой профессией – жить припеваючи. И из хватких рук своих он её никогда не выпустит.

***

Наверное, это главный мой недостаток – до сих пор не научился давать взятки чиновникам. И хочу, и понимаю, что надо – а не могу. Не умею.

Вот если бы умел…

А впрочем – кто его знает.

***

В 60-70-е годы прошлого столетия я вёл театральные передачи на радио и телевидении – и готов свидетельствовать, сколь жёсткой была цензура. Какие усилия случалось предпринимать, чтобы сказать что-то существенное и по делу. И зрители такого разговора ждали и были за него благодарны.

Но вот десятилетия минули, и певица Мария Максакова толкует о своей матери, народной артистке России, таким образом, что воспроизвести язык не поворачивается, хотя дочкины откровения прозвучали на всю страну, а не подружке на ушко. Как не поворачивается язык назвать своими именами подробности семейных проблем Алибасова и Шукшиной.

И возникает идея, лишённая какой бы то ни было логики: цензуру, конечно, вводить не надо. А вот что надо бы – так это избавить зрителей от общения с персонажами, которых природа решительно обошла пониманием, что можно человеку, а что нельзя.

Избавить из соображений гигиенических.

***

Наличие желающих произвести (за деньги, наверное, приличные, точной информацией не располагаю) – произвести публичный душевный стриптиз, – неизбежно. Нормально. Не было ещё на земле общественной формации, где бы отсутствовало дно, в которое ещё и стучат. Но если дно – в наглую – начинает именовать себя элитой, если душевные стриптизы собирают бешеные рейтинги…

Остатки человека (словосочетание из Мопассана, которого я недавно перечитывал). Там-сям остатки…

Их надолго ли хватит?

***

Реальность, миф, абсурд, анекдот, пародия сосуществовали всегда, но случаются особые времена, когда сосуществование это оказывается болезненно тесным. Так всё переплетается, перепутывается, что не распутать.

***

Говорят, знаменитый телеведущий по душевным помойкам во время одной из бесед со своим эксклюзивным контингентом голос услышал: «И тебе не стыдно?». Ведущий, кажется, даже запнулся, огляделся по сторонам. Почудилось? Отродясь потусторонних голосов здесь не слышали, студия для этого технически не приспособлена.

В общем – никогда такого не бывало. Интересно, пойдёт ли и дальше по Виктору Степановичу Черномырдину: «Никогда такого не бывало, и вот опять?».

Может, что и подремонтируют – в студии.

***

Но вот встречный вопрос: А надо ли ремонтировать? А вдруг вновь сложившаяся система межлюдских отношений и ценностей настолько самодостаточна, что отторгает любую попытку вмешательства? Не только включив телевизор, но просто оглянувшись по сторонам, явственно ощущаю: по чьему-то недосмотру мои сроки продлились, и я из привычного мира попал в иной, мне неведомый[1].

Лучше прежнего, хуже прежнего? Не возьмусь судить, я лицо заинтересованное. Могу сказать только, что чувствую себя новичком, неофитом, открывающим заново понятия, казалось, элементарные: что можно, чего нельзя, что хорошо и что дурно. Элементарные, только преобразовавшиеся до неузнаваемости.

Что же, как, помнится, говаривал Васисуалий Лоханкин, – может быть, так надо, может быть, именно в этом великая сермяжная правда. Ну ладно. Только вопрос «А тебе не стыдно?» не остался бы безвозвратно в той, прежней реальности, не задохнулся бы под грузом новой системы ценностей.

1 Из личного опыта: хорошо бы в будничной суматохе не пропустить этот момент попадания в чужое время, в чужую реальность. Не пропустить и, по возможности, осознать спокойно. Это избавит от некоторого количества разочарований и стрессов.

Пока стыдно – живём.

Леонард КОСИЧЕВ

Сальвадор Альенде – марксист и… масон

Сальвадор Альенде до конца жизни оставался масоном. Он никогда не скрывал свою принадлежность к обществу «вольных каменщиков». Порой Альенде давал публичный отпор своим оппонентам, критиковавшим популярного левого политика за масонский выбор. Эти люди выступали особенно активно против его кандидатуры в периоды избирательных кампаний в стране.

Длительным и трудным было восхождение Сальвадора Альенде на Олимп власти. Он четырежды побеждал своих соперников на выборах в сенат и 24 года заседал в верхней палате. В парламентских баталиях сенатор завоевал репутацию стойкого борца за правду. И все это время он параллельно участвовал в избирательных кампаниях за пост президента. В отличие от парламентских выборов здесь Альенде не везло, но он не сдавался и настойчиво продолжал «штурмовать» президентский дворец «Ла Монеда». Недаром великий чилийский поэт Пабло Неруда назвал Альенде «моим упорным товарищем». Действительно, не каждому даны такая поразительная воля и целеустремленность. Кандидатура Альенде на пост президента как представителя объединенных левых сил выдвигалась в 1952, 1958 и в 1964 годах. И каждый раз он проигрывал. После поражения на президентских выборах 1964 года журналисты спросили о его дальнейших планах. Несостоявшийся глава государства с юмором ответил: «Когда я умру, на моем надгробии будет высечено: «Здесь покоится Сальвадор Альенде, будущий президент Чили». Своим близким он признавался, что тяжело переживал неудачи на президентских выборах. Но Альенде не падал духом, не считал себя «отыгранной картой» – от выборов к выборам собирая все больше голосов чилийцев. Важно для политика-социалиста было и то, что в 1966 году его избрали председателем сената. И он готов снова, в четвертый раз, ринуться в бой за президентское кресло.

Многие левые деятели считали бесперспективным дальнейшее участие Альенде в президентских выборах. Такого мнения придерживалась значительная часть руководства его родной Социалистической партии. На пленуме ЦК за

выдвижение в четвертый раз кандидатуры Альенде на пост президента проголосовали всего 12 человек при 13 воздержавшихся. Но никто из членов ЦК не подал своего голоса против. В сложившейся ситуации решено было обратиться к региональным отделениям партии, а они все без исключения высказались в поддержку Альенде. После длительных и бурных обсуждений коалиция Народное единство сочла возможным выдвинуть его опять своим единым кандидатом на предстоящих президентских выборах. Другого более популярного и харизматичного политического лидера, который бы устраивал всех левых, не было. Альенде снова мчит на всех парусах к заветной цели – стать президентом Чили. После продолжавшегося 18 лет «выборного марафона» невероятное упорство политика в борьбе за пост главы государства наконец-то было вознаграждено: в 1970 году его избрали президентом Чили. Он победил с программой мирного продвижения к социализму. Альенде становится первым за всю историю Республики президентом-социалистом и уже двенадцатым масоном на посту главы чилийского государства.

После вступления в должность Альенде произнес речь в Великой Ложе. Он заявил о готовности выполнять свое обещание служить на благо людям, данное при посвящении в «вольные каменщики». Среди министров сформированного левого правительства были масоны. В последнем кабинете их насчитывалось трое.

В нашей стране мало известно о масонских страницах биографии Альенде. Именно это обстоятельство побудило меня взяться за эту тему. Меня всегда интересовала многогранная и неординарная личность выдающегося чилийского президента, в том числе его участие в масонстве. За долгие годы в моем архиве накопилось достаточно материалов о нем. Я собирал их и во время моей корреспондентской работы в Чили в период правления Альенде, и в ходе новых поездок в эту далекую латиноамериканскую страну. Большим подспорьем для меня стали встречи и беседы с чилийскими политиками и общественными деятелями. Не считая себя специалистом по проблемам масонства и не претендуя на полноту раскрытия темы и безошибочность суждений, я предлагаю вниманию читателя свои заметки о масонских устремлениях Сальвадора Альенде.

Масонская традиция

Все три года, пока Сальвадор Альенде находился у власти, советские газеты и журналы были переполнены материалами о преобразованиях в далекой латиноамериканской стране, которые должны были мирным путем привести к созданию основ «чилийского социализма». Но наши авторы не писали о том, что прези-

дент-марксист является правоверным масоном. Ведь в СССР масонство было запрещено, как чуждое марксистско-ленинскому учению.

Только в обстоятельной книге И. Лаврецкого «Сальвадор Альенде», написанной уже после свержения Альенде, пожалуй, впервые в советском издании признается его приверженность масонским идеям. И никаких проблем с редакторами из-за этого «откровения» у автора не возникло. Они не «вымарали» те места, где лишь вскользь упоминалось о масонстве Альенде. Впрочем, автор и не стремился раскрыть эту тему. Он ставил перед собой другую цель: рассказать о бурной политической жизни своего героя.

После распада Советского Союза официальное отношение к масонству изменилось. Оно возродилось в новой России. А в 2008 году Великий Мастер Великой Ложи, как именовал себя Андрей Богданов, участвовал в президентских выборах в качестве одного из кандидатов на пост главы российского государства. Но баллотировался он от Демократической партии. В отличие от своего чилийского «брата» (так называют себя масоны между собой) шансы российского претендента на высшую государственную должность оказались минимальными.

Однако вернемся к президенту Чили. На испанском языке нет недостатка в материалах на тему об участии Альенде в масонстве. Они стали широко издаваться после его гибели и продолжают печататься до сих пор. В статьях в Интернете на русском языке можно встретить краткие сведения о принадлежности президента Чили к масонам. Как правило, многие авторы все сводят к следующему: и Альенде, и поднявший против него мятеж генерал Пиночет состояли в одной ложе; потом один масон сверг другого. Некоторые авторы идут еще дальше. По их утверждениям, Пиночет не хотел допустить убийства «брата по ложе» и потому перед штурмом президентского дворца «Ла Монеда» предложил Альенде самолет, чтобы тот вместе с семьей мог покинуть страну.

Мне представляется неправомерным ставить рядом в таком контексте имя выдающегося чилийского президента-гуманиста и одного из самых жестоких диктаторов в истории Латинской Америки. Дело здесь не в масонах. К военному перевороту 11 сентября 1973 года привел раскол в чилийском обществе, резкая поляризация политических сил в последние месяцы правления Альенде. Пиночет выражал интересы ярых противников экономических и социальных преобразований, которые осуществляло правительство Народного единства. Да и не гуманными масонскими идеями руководствовался мятежный генерал, когда через своих подчиненных действительно предложил президенту покинуть страну. На самом деле за-

хватившая власть военная хунта хотела выслать главу государства из Чили чтобы тем самым избежать больших для себя международных осложнений. Однако этого не получилось из-за решительной позиции Альенде в защиту своего конституционного мандата. Он решил не покидать президентский дворец, который сначала атаковали самолеты, затем танки и пехота. В роковой момент, когда до падения «Ла Монеды» оставались считанные минуты, президент покончил с собой с помощью того же самого автомата, из которого стрелял по штурмовавшим дворец мятежникам.

Альенде вел себя не как самоубийца, а как человек чести. Он не мог позволить себе быть униженным, стать жалким пленником военной хунты. Президент считал, что это было бы предательством тех чилийцев, которые проголосовали за него на выборах. Он остался верен слову, данному за два года до переворота: «Я оставлю дворец «Ла Монеда» только тогда, когда кончится мандат, врученный мне народом. Только изрешетив меня пулями, они могут помешать осуществлению моей воли». Альенде не встал на колени перед путчистами, предпочел мученическую смерть капитуляции. Это было вовсе не минутной слабостью, не эмоциональным порывом, а проявлением большого мужества, ясно осознанным решением. Оно стало актом политической борьбы, когда не осталось иных возможностей. Президент Чили вел себя, как тот мужественный солдат, который на исходе битвы оставляет последний патрон для себя. Поступок Альенде по достоинству оценили даже многие его идеологические противники. Примечательно мнение известного чилийского историка Гонсалеса Видаля, придерживающегося правых взглядов: «Не следует видеть в самоубийстве Альенде проявление отчаяния, это последовательный политический поступок, призванный доказать перед лицом истории его непобедимую веру в социализм, которому он посвятил всю свою жизнь».

Латинская Америка знает множество переворотов, когда законные президенты уступали грубой силе военных. Одни из них отправлялись в изгнание в соседние страны и преподавали там в университетах, другие приспосабливались к военному режиму, третьи переходили в умеренную оппозицию.

Но не таков был Альенде. Чилийские военные, осуществившие переворот, в его лице столкнулись с новым типом президента. Альенде считал, что революционный лидер должен уметь встретить опасность в любой момент и не отступать ни перед каким испытанием, пусть даже и смертельным. А оно пришло с переворотом 11 сентября 1973 года, когда чилийская армия прервала проводившийся в Чили необычный социальный эксперимент. «Мирный путь» к чилийскому социа-

лизму не состоялся. Альенде пробыл на посту президента лишь три года – половину из установленного конституцией шестилетнего срока. Можно спорить о том, правильно или неправильно поступил Альенде, покончив с собой. Но бесспорно одно: это было самопожертвование революционера.

Великий Мастер Великой Ложи Чили Рене Гарсия Валенсуэла (период 1969 – 1974 гг.) пытался добиться у военных властей проведения масонской церемонии по ушедшему из жизни «брату» Сальвадору Альенде, но получил отказ. К чести ложи Хирам N 65, в которой состоял Альенде, она повела себя достойно. Сразу после переворота в условиях осадного положения ее члены собрались тайно, чтобы почтить память погибшего президента.

Не могу не сказать о степени достоверности фактов, приводимых в статьях в Интернете на русском языке и относящихся к нашей теме. Вопреки содержащимся там утверждениям, Пиночет и Альенде состояли не в одной, а в разных масонских ложах. К моменту военного переворота 11 сентября 1973 года строптивый генерал уже давно не числился ни в одном масонском объединении Чили. Масонская история Пиночета такова. В 1941 году, будучи 25-летним капитаном, он вступает в ложу Victoria N 15 в Сан-Бернардо (предместье Сантьяго). Но уже в конце 1942 года покидает ее. По одним данным, молодой офицер так и не поднялся выше подготовительного уровня, ему недоставало интеллектуального багажа для масонского формирования. По другим сведениям, тогда Совет ложи известил его об исключении за непосещаемость собраний и неуплату членских взносов. Примечательно свидетельство бывшего Великого Мастера Великой Ложи Чили Хуана Хосе Ойарсуна (период 2006-2010 гг.): «После церемонии посвящения мы стремимся превратить новичков в масонов. Не всегда получается. Это трудно. Пиночет пытался стать масоном, но не смог. В их рядах он находился всего два года и удалился по собственному решению». Судя по всему, это был случайный эпизод в биографии генерала.

Для Сальвадора Альенде масонство было важной частью его жизни. В 1935 году молодой врач вступает в ложу Прогресо N 4 в Вальпараисо, убежденный в том, что это движение универсальное и преследует гуманистические цели. Ведь недаром к нему принадлежали многие выдающиеся люди: Вольтер, Д.Вашингтон, Т. Джефферсон, Б. Франклин, Д. Гарибальди, Д.Г. Байрон, И.В. Гете, В.И. Моцарт… Список знаменитых людей можно продолжать долго. В своей просьбе о приеме будущий президент Чили писал: «Я, Сальвадор Альенде Госсенс, движимый моим свободным и искренним волеизъявлением и присягая моим словом чести, предла-

гаю себя кандидатом в масонское сообщество, желая быть полезным человечеству».

Альенде уже давно был готов к принятию принципов масонства: создание храма гуманизма внутри себя, через моральное совершенствование человека стремиться к достижению всеобщего братства. Молодому политику, импонирует, что в этом мировом движении участвуют на равных люди разных политических убеждений и представители разных вероисповеданий, озабоченные судьбой рода человеческого.

Альенде принадлежит к традиционному, преобладающему в мире отряду «вольных каменщиков» – регулярному масонству. В его ложах по давней традиции состоят только мужчины. Объединяющим началом для регулярных масонов служит вера в Высшую силу, которую они символически называют Великим Архитектором Вселенной (или Верховным Разумом Вселенной). Он недоступен для людей. Познается созданный им мир. Великий Архитектор Вселенной предстает без мистической сущности, характерной для Бога в основных мировых религиях. В масонстве нет святых, нет пророков. Оно ставит под сомнение догматы христианства, не признает божественность Христа. Многие «братья» считают его лишь великим проповедником морали, но земным, подобным Конфуцию. Не удивительно, что в беседе с мексиканским журналистом, состоявшейся после победы на президентских выборах, Альенде назвал Христа среди выдающихся исторических личностей, перед которыми он преклоняется. Сам президент был убежденным атеистом. Что же касается Великого Архитектора Вселенной, то для Альенде, как и для части «братьев» из регулярного масонства, это понятие имело более сложную философскую интерпретацию.

Однако для верующих признание Великого Архитектора Вселенной не означает разрыва со своим вероисповеданием. Принадлежность к регулярному масонству сохраняет приверженность к любой традиционной религии. Члены лож могут почитать Великого Архитектора Вселенной в согласии со своим вероисповеданием. Но масонская концепция не относит к атеистам тех людей, которые не исповедуют традиционные религии, а признают Великого Архитектора Вселенной как Высшую силу.

Масонство ставит себя выше всех мировых религий, так как считает, что вобрало в себя все лучшее из них. Как говорят сами «братья», на гору могут вести сто тропинок, но все они неизбежно сходятся на вершине. И центр соединения – Великий Архитектор Вселенной. Отсюда проистекают утверждения, что масоны

хотят заменить «христианский алтарь на алтарь для всех вероисповеданий» и создать «одну мировую религию». Но сами «братья» опровергают мифы о «всемирном масонском заговоре». Они объявляют, что их цель – солидарность и объединение людей, чему препятствует разделение мира по религиозному и национальному признакам.

По мнению Альенде, в масонском движении в определенной степени отражается стремление к «идеалу общества». Главный масонский принцип – спасение надо искать не в традиционных религиях, а на пути своего морального и интеллектуального совершенствования, руководствуясь разумом как высшим законом и тем самым внося свой вклад в эволюцию человечества.

Место, где «братья» проводят свои встречи, называют ложей, мастерской или храмом. Там они посвящают свое время познанию бытия и тайн Вселенной, постижению всеобщей морали. Если церковь считает, что она обладает истиной, то масоны занимаются ее поиском. На своих заседаниях они зачитывают «зодческие работы» (так называются философские доклады «братьев»), обсуждают вопросы благотворительности, участия в медицинских, образовательных и гуманитарных проектах. В ложах проводятся посвящения в степени – всего их в масонской иерархии 33. Каждая соответствует достигнутому «братом» уровню духовного и интеллектуального совершенствования. Но вершины достигают немногие. В Чили высшую степень можно получить лишь после 30 лет масонской жизни. Официально Великая Ложа Чили придерживается «Древнего и принятого шотландского устава».

В отличие от церкви масонским храмом может стать любое подходящее помещение, специальным образом переделанное внутри и наполненное особой атрибутикой и символикой. В одном из них в городе Вальпараисо и состоялось посвящение в масоны Сальвадора Альенде. По его собственным воспоминаниям, церемония проходила с соблюдением традиционного, мистически обставленного обряда. Новичок сначала находился в темной комнате, затем его с повязкой на глазах ввели в зал, освещенный лампой и свечами. После принятых в таких случаях ритуальных действий с участием членов ложи Мастер дал знак снять повязку, и после минутного ослепления Альенде увидел себя среди тех, кто отныне стали ему «братьями». И все это происходило под философские напутствия Мастера о благотворности «масонского света» и глубокой солидарности, которая связывает всех присутствующих. До этого Альенде подписал «Масонское завещание», которое теперь прочитали для всех, и, как принято на церемониях посвящения, текст

сразу сожгли. Недаром «вольные каменщики» утверждают: масонство – это система морали, завуалированная аллегориями и иллюстрированная символами.

Сам Альенде так пояснял свою тягу к масонским идеям: «Я придерживаюсь масонской традиции. Мой дед доктор Альенде Падин был Достопочтенным Великим Магистром (Мастером) масонского ордена в прошлом веке, когда быть масоном означало бороться. Масонские ложи, особенно «Ложа Лаутаро» (La Loguia Lautoriana), были опорой в борьбе за независимость от испанской короны. Вообще, следуя семейной традиции, я ощущал живую связь с масонами, которые активно выступали за фундаментальные принципы свободы, равенства и братства. Но будучи масоном, я придерживался мнения, что при капиталистическом строе не может быть равенства; не может быть братства в условиях классовой эксплуатации, а подлинное понятие «свободы» должно быть конкретным, а не абстрактным. Я стремился придать масонским принципам реальное содержание…»

У масонской традиции в Чили длительная история. Своими истоками она восходит к началу 19 века. Масоном был «отец независимости Чили» генерал Бернардо О'Хиггинс, возглавивший борьбу за освобождение своей родины от колониального гнета Испании. Вообще, масоны, будучи проводниками идей Великой Французской революции, сыграли важную роль в освободительном движении в Латинской Америки. В их рядах были выдающиеся руководители борьбы за независимость, начиная от Симона Боливара. После обретения латиноамериканскими странами независимости масоны продолжали оставаться противовесом огромной идеологической власти католической церкви, рупором антиклерикализма. Многие чилийские политики и интеллектуалы либерального толка были привержены масонским идеям, как дед и отец Сальвадора Альенде.

Может ли социалист быть масоном?

Сальвадор Альенде продолжил масонскую традицию семьи, но избрал другие политические ориентиры. В отличие от деда и отца, приверженцев Радикальной партии, он увлекся социалистическими идеями, которые в 30-е годы XX века обрели в Чили большую популярность. В 1933 году в стране создается новая партия – Социалистическая. Альенде импонировало то, что ее основателями были масоны Мармадук Грове и сам бывший Великий Мастер Великой Ложи Еухенио Матте Уртадо (период 1931-1932 гг.). Молодой политик становится руководителем социалистов в Вальпараисо. С тех пор жизнь и деятельность Альенде связана с Социалистической партией. Она создавалась как чисто чилийская политическая организация в отличие от оринтировавшейся на Москву Коммунистической партии.

Чилийские социалисты провозгласили марксизм, но обогащенный другими достижениями человечесой мысли и опыта, «методом объяснения действительности». Новая левая партия представляла собой пестрый конгломерат идеологически разнородных социалистических групп и течений – от реформистских до леворадикальных. Альенде примыкал к умеренному крылу. Годы спустя, видный деятель Соцпартии Карлос Альтамирано так охарактеризует своего вечного друга – оппонента: «Альенде не был убежденным марксистом-ленинцем ни в силу своей интеллектуальной подготовки, ни в силу склада своего ума. Марксистом он действительно был».

В сентябре 1939 года вновь избранный президент Чили Агирре Серда, радикал и масон, назначает министром здравоохранения социалиста-масона Сальвадора Альенде. Для последнего начинается новый этап в политической карьере и в масонской жизни. Переехав в Сантьяго, он вступает в столичную Ложу Хирам N 65. Благодаря своему кругозору и человеческим качествам Альенде достигает звания Maestro Vulnerable, то есть «первого среди равных».

Однако отношение в обществе к масонам неоднозначно. Церковь считает их враждебным для христианской веры сообществом, а членство в нем неприемлемым для своей паствы, которая должна искать спасение не в масонском храме, а «во Христе».

Свое критическое отношение к «вольным каменщикам» формируется и в левых партиях. В 1941 году Компартия Чили принимает решение, не позволявшее своим членам вступать в масонские ложи. В целом же позиция коммунистов была гибкой. Публично они не высказывалась негативно о масонах, так как среди них было немало влиятельных друзей и союзников. Видный деятель Компартии Чили и бывший министр Орландо Мильяс позже писал: «Мы ценили позиции тех членов масонства, которые действительно были с Народным единством и оказали ему ничем не обусловленную личную поддержку, а некоторые даже пожертвовали своей жизнью».

В Социалистической партии Чили на почве отношения к масонству со временем возникли осложнения. Альенде был не единственным «вольным каменщиком» в ее рядах. Группе социалистов-масонов пришлось столкнуться с нападками своих более революционно настроенных коллег («бóльших марксистов, чем сам Маркс»). Они стремились доказать, что нельзя быть «братьями» в одной ложе с представителями разных политических сил. Их критика в первую очередь была направлена против Альенде как одного из авторитетнейших политических дея-

телей, и в 1965 году он вынужден был направить письмо братьям по ложе Хирам N 65, в котором просил лишить его статуса масона. Это произошло после съезда Соцпартии, объявившего о несовместимости членства в ее рядах с участием в масонстве. В своем письме Альенде изложил также свои соображения по обновлению деятельности «вольных каменщиков» в соответствии с социальными реалиями страны. Члены ложи, собравшиеся по столь неординарному случаю, полностью согласились с мыслями и предложениями автора письма, но единодушно отвергли его просьбу о выходе из масонства.

Последний раз группа радикально настроенных социалистов выступила против однопартийцев-масонов на съезде Соцпартии в Чильяне в 1967 году. Тогда Альенде дал своим оппонентам резкую отповедь. Он призвал партию уважать свободу мыслей своих членов. На этот раз резолюция, направленная против социалистов-масонов, была отвергнута. Сам Альенде однажды так высказался по этому поводу: «Мое положение понимают в масонских ложах, но не раз случалось, что меня не понимали в моей собственной партии, которая была основана никем иным, как бывшим Достопочтенным Великим Мастером Масонского Ордена Чили Еухенио Матте Уртадо. Передо мной ставился вопрос о несовместимости быть масоном и социалистом одновременно. Но я отстаивал мое право быть масоном и социалистом. Я заявлял открыто на партийных съездах, что если будут настаивать на этой несовместимости, я оставлю членство в Социалистической партии, хотя никогда не перестану быть социалистом по своим идейным убеждениям и принципам. Если точно также масонский орден (хотя я этого не могу представить) поставит вопрос о несовместимости моих марксистских идеалов с принадлежностью к масонству, я покину ложу, убежденный в том, что терпимость перестала быть практикуемой добродетелью».

После съезда Соцпартии в Чильяне страсти вокруг пребывания Альенде в рядах масонов приутихли.

Регулярному масонству предписывается не превращать ложи в арену межпартийных политических баталий или в кафедру споров по противоречивым религиозным вопросам, дабы не обострять отношения между «братьями». Допускаются дискуссии о политике и религии преимущественно как о социальных явлениях, но без выпадов и навязывания своей точки зрения другим. Однако в 60-х и 70-х годах прошлого века чилийские политики-масоны, стоявшие на разных идеологических позициях, вольно или невольно привносили в регулярные ложи то, чем занимались в обычной жизни, по их фразеологии – в мире профанов. К таким «воль-

ным каменщикам» принадлежал и Альенде. Его ложа Хирам N 65 была самой политизированной. Политик-марксист, естественно, выходил за рамки исторических канонов регулярного масонства, но в Чили, как и в ряде других латиноамериканских стран, многие ложи были не столь консервативны и ортодоксальны.

В бурный предвыборный период 1970 года даже под сводами Великого храма Великой Ложи Чили прозвучало незабываемое для «братьев» выступление Альенде, приглашенного по случаю выдвижения его кандидатом в президенты. Он разъяснял социалистическую доктрину, программу возглавляемого им блока Народное единство, отмечая, что его собственные цели политика-социалиста не противоречат устремлениям масонства. Альенде смело критиковал своих политических оппонентов. Речь была острой, несмотря на место, где она произносилась. Недаром Великий Мастер Рене Гарсия Валенсуэла, памятуя тот эпизод, потом скажет: никто не должен путать Великую Ложу с президентским дворцом «Ла Монеда».

Победа в 1970 году марксиста и масона Альенде на президентских выборах в католической стране ошеломила многих. Но свои взляды Альенде никогда не противопоставлял христианскому гуманизму. По его просьбе кардинал Рауль Силва Энрикес провел в кафедральном соборе Сантьяго торжественное богослужение в честь вступления в должность нового президента. По словам Альенде, он обязан уважать чувства католиков, точно так же, как они с уважением отнеслись к нему на выборах.

На состоявшейся церемонии кардинал подарил главе государства Библию, изданную в Иерусалиме. В ответ Альенде сказал, что не раз перечитывал Великую книгу. Как свободный мыслитель, он считает ее многовековым собранием мудрости, мифов и реалий древних народов, их надежд и исканий. Но у него вызывает недоумение, когда Великой книге стремятся приписать чудодейственные свойства. Альенде выразил надежду, что церковь поддержит его социальные реформы в интересах бедных слоев населения, в интересах большинства верующих. У президента установились добрые отношения с Раулем Силва Энрикесом, человеком умным, искренним и совсем не фанатичным католиком.

Альенде как политик глубоко демократического склада был далёк от того, чтобы стремиться к установлению жесткой авторитарной системы правления. Леворадикальные круги в Народном единстве и левоэкстремистские группировки вне его требовали от президента не считаться с «буржуазной конституцией». Но

Альенде неизменно настаивал на соблюдении законности и на развитии революционного процесса мирным путём в соответствии с предвыборной программой.

Все три года народной власти Альенде стремился избежать кровопролития и гражданской войны. И в роковой день военного переворота 11 сентября 1973 год в своем последнем обращении к чилийцам по радио «Магальянес» он просил народ «не приносить себя в жертву». Президент не призвал своих сторонников дать отпор хунте и отстоять конституционное правительство, потому что не хотел толкнуть безоружные массы против танков, артиллерии, авиации. Ведь все командование вооруженных сил оказалось в руках заговорщиков, которые накануне смогли устранить с ключевых постов в вооруженных силах генералов-конституционалистов и провели чистку в офицерском составе. Армия не раскололась. Ни одна дивизия, ни один полк не выступили на стороне Альенде. Оказавшись перед лицом невиданного вероломства, президент принимает решение: сам он с горсткой соратников окажет вооруженное сопротивление во дворце «Ла Монеда», но не допустит бессмысленного кровопролития призывом подняться на борьбу против хунты.

Однако Альенде не был «непротивленцем», как его порой пытаются изобразить. Он считал неизбежным и оправданным путь вооруженной борьбы в тех странах Латинской Америки, где не осталось иной возможности. Поэтому он высоко ценил Кубинскую революцию и ее героев. Примечателен один эпизод, который произошел еще до победы Народного единства на выборах. В феврале 1968 года из Боливии в Чили удалось перейти трем бойцам из повстанческого отряда Че Гевары, которые спаслись после гибели своего прославленного командира. Их интернировала чилийская полиция. Альенде как председатель сената добился скорейшего освобождения революционеров-интернационалистов и решения правительства отправить сподвижников Че Гевары на Кубу. При этом возникла проблема. На континенте преобладали военные режимы, и партизанам было рискованно лететь через латиноамериканские страны, так как их могли задержать в каком-либо аэропорту по требованию боливийского правительства. Альенде предложил другой, более длинный, но безопасный маршрут: через чилийский остров Пасха до Таити, заморской территории Франции, а оттуда через Париж в Гавану. Французский президент Шарль де Голль дал согласие на проезд партизан. Альенде сопровождал их на самолете компании «Лан Чили» до острова Пасхи.

После возвращения в Сантьяго левые аплодировали Альенде. А правые потребовали его отставки с поста председателя сената. Они обвинили политика в том, что он поддерживает «противников демократического пути». В своих публич-

ных выступлениях Альенде отстаивал свое право на выражение солидарности с борцами-интернационалистами. Тогда он направил письмо главному редактору газеты «Меркурио», в котором, в частности, говорилось: «Я ожидаю и желаю как чилиец, чтобы страна избежала насилия ... и подтверждаю, что мы не идем к нему. Но революционное насилие иногда является единственным ответом на ваше реакционное насилие».

Однако у себя на родине Альенде казался вероятным другой путь к переустройству общества на социалистических началах – мирный, опирающийся на давние конституционные и демократические традиции страны, организованность и сознательность рабочего класса. Но президент заблуждался в реальности «чилийского проекта», в оценках возможностей его осуществления в условиях «представительной демократии». Противники социализма вовсе не собирались мирно сдавать свои позиции.

Блок Народное единство, состоявший из шести левых партий при лидирующей роли социалистов и коммунистов, не добился всей полноты власти. Он победил на президентских выборах и в его руках был только исполнительный орган – правительство. По конституции кабинет министров формировал глава государства без утверждения в парламенте. Но законодательный орган – Национальный конгресс находился под контролем политических противников Альенде, имевших там большинство. Левая коалиция рассчитывала на постепенное изменение соотношения сил в парламенте в свою пользу и последующее преобразование конституции. А пока оппозиция блокировали преобразовательную деятельность правительства Народного единства. Непрерывное противоборство между оппозиционным парламентским большинством и правительством вызывало дестабилизацию политической жизни и дезорганизацию экономики страны. Влиял и такой внешний фактор, как развязанная США торгово – экономическая война против Чили.

Складывающаяся ситуация усиливала среди военных позиции сторонников наведения порядка «твердой рукой». В августе 1973 года противостояние между исполнительной и законодательной властью, сопровождаемое разгулом правого и левого экстремизма в стране, достигло критической точки, вызвав опасное брожение в вооруженных силах. Обстановка накалилась до предела. Барометр предвещал бурю. Верный себе, президент ищет конституционные пути преодоления острого политического противоборства. До последнего момента он стремился предотвратить переворот, видя, как армия выходит из–под контроля. Альенде не

находит другого выхода, кроме как без промедления провести плебисцит. Дома за ужином он говорит жене и дочери Исабель:

– Пусть народ решает, хочет ли он, чтобы я ушел.

Президент доводит свое решение до руководителей партий Народного единства и командования вооруженных сил: 11 сентября 1973 года он обратится с посланием к стране и объявит о плебисците. Альенде надеется на него как на правовую возможность бескровного преодоления опасного кризиса власти. Но путчисты в вооруженных силах действовали на опережение. Именно 11 сентября рано утром вспыхнул военный мятеж. В одночасье рухнули все демократические институты республики. В Чили на 16 с половиной лет воцарилась военная диктатура генерала Пиночета, одна из самых жестоких в Латинской Америке.

Альенде не смог довести до конца программу глубоких реформ, с которой победил на президентских выборах. Но надо признать то позитивное, что он успел сделать для Чили. Президент осуществил национализацию меднорудной промышленности, что Пабло Неруда назвал решением «титанически трудной задачи». «Красное золото Чили» – основное богатство страны – было возвращено ее законному хозяину – чилийскому народу. Только этой меры уже было достаточно, чтобы Альенде вошел в историю. День национализации 11 июля был провозглашен Днем национального достоинства.

Руководство Советского Союза занимала осторожную позицию в отношении правительства Народного единства, так как не было ясного представления, к чему может привести чилийский эксперимент. Помощь, оказываемая Чили Советским Союзом не была такой же щедрой и весомой, как та, что оказывалась коммунистической Кубе. Альенде высоко ценил самоотверженные усилия советского народа, сделавшего за короткое время колоссальный рывок в развитии своей страны и превращении ее в великую державу. Еще до избрания президентом Альенде дважды побывал в Советском Союзе. Став главой государства, он взял курс на развитие отношений с СССР. Альенде стал первым чилийским президентом, посетившим с официальным визитом Советский Союз. Необычного политического деятеля левой ориентации с любопытством и тепло принимали в Кремле.

Но Альенде не все одобрял в политике Москвы. В 1968 г. войска стран Варшавского договора при решающем участии Советского Союза вторглись в Чехословакию. По миру прокатилась волна протестов против действий СССР, достигла она и Чили. Тогда чилийские коммунисты организовали круглосуточное дежурство вокруг советского посольства в Сантьяго для защиты его от нападений и провока-

ций. В отличие от коммунистов симпатии к Советскому Союзу не подавили в Альенде независимого, самостоятельно мыслящего политика и человека. Он выступил в верхней палате парламента от имени Социалистической партии с жесткой критикой военного вмешательства Москвы во внутренние дела Чехословакии, где идеологи «пражской весны» провозгласили курс на «обновление социализма и «придание ему «человеческого лица». Для Альенде не могло служить примером и то, что в Советском Союзе ограничены гражданские права людей и разрешена деятельность лишь одной партии – коммунистической. В Чили он хотел совместить социализм и свободу, продвигаться к созданию нового общества в условиях идеологического и политического плюрализма, соблюдая существующие законы.

В годы правления Альенде, несмотря на потрясавшие страну политические баталии, масонские ложи в целом функционировали нормально. Но случаи раскола были. Из некоторых лож, где преобладали сторонники Альенде, выходили его оппоненты. Точно также поступали и приверженцы президента там, где большинство было у критиков его политики. И те, и другие находили для себя новые ложи. Но это были не столь многочисленные факты.

Во время зарубежных визитов в качестве президента Альенде не упускал случая, чтобы пообщаться с масонами других стран. Так было в ходе поездки в Мексику, где ему вручили золотую масонскую медаль памяти выдающегося мексиканского президента Бенито Хуареса. Тепло встречали Альенде «вольные каменщики» в Эквадоре. Большим и ярким было его выступление в Великой Ложе Колумбии. Со свойственной ему убежденностью Альенде проанализировал положение в латиноамериканских странах и как революционный политик, и с точки зрения своих масонских принципов, от которых, как подчеркнул, не отступит, оставаясь марксистом. Чилийский гость призвал своих латиноамериканских «братьев» способствовать тому, чтобы процесс обновления на континенте не прерывался.

Альенде всегда был активно действующим масоном. В последние годы он выступал в разных ложах с лекциями на тему «Чилийская действительность и франкмасонство». Однако новые высокие обязанности президента Чили требовали от него огромного напряжения. Его чрезвычайная занятость государственными делами не оставляла времени для регулярного участия в мероприятиях «вольных каменщиков». В марте 1972 года Альенде в последний раз встретился со своими «братьями» в Большом масонском храме Сантьяго. Президент произнес двухчасовую речь, в которой говорил о подстерегающих страну опасностях. При этом он подчеркнул, что надо делать различие между оппозицией, действующей в рамках

конституции, и заговорщиками, которые не считаются с правовым государством. Некоторые видные масоны, придерживавшиеся правых взлядов, требовали осудить деятельность «брата» на посту президента.

Из-за отсутствия у главы государства возможностей постоянно участвовать в делах своей ложи он оставался на положении – есть такой статус – «дремлющего масона». Это означало, что Альенде по-прежнему был членом своей ложи, платил взносы и мог в любой момент возвратиться к активной масонской деятельности, а не заниматься ей от случая к случаю. Однако этому уже не суждено было сбыться.

Масонство «порождает разных чад»

Захватившая власть военная хунта во главе с генералом Пиночетом, распустили все политические партии, но не тронула масонские ложи, они продолжали существовать в условиях диктатуры. Переворот в Чили еще раз показал, насколько политически неоднородно масонство. Оно поистине «порождает разных чад». Еще во времена Великой Французской революции «вольные каменщики» оказались в разных борющихся станах. Досталось тем и другим. Та же тенденция, уже в современную эпоху, проявилась в Чили. Трагической была участь масона, бригадного генерала авиации Альберто Бачелета, занимавшего важный государственный пост. Против него были выдвинуты нелепые обвинения «в измене родине». На вопрос военного прокурора, почему Альенде предложил ему возглавить Национальный комитет по снабжению и торговле, А. Бачелет ответил: «Потому что он знал меня. Знал, что я масон и это давало президенту больше уверенности в моем назначении». В дни судебного преследования генерала он был исключен из своей ложи «Ла Кантера де Лас Кондес», руководитель которой поддержал захват власти Пиночетом. Не дождавшись решения военного трибунала, А. Бачелет умер, замученный бывшими товарищами по оружию. Путчисты не пощадили и другого масона в погонах – полковника Густаво Кантуариаса, отказавшегося подчиниться приказам хунты. Его простреленное пулями тело передали родным, представив смерть высокопоставленного офицера как самоубийство.

Активными участниками военного переворота оказались генералы-масоны Х. Брэди и С. Бенавидес. Однажды в жизни Х. Брэди был трудный момент, когда над ним нависла угроза отставки. Он потерял доверие прежнего командующего армией Карлоса Пратса. Тогда Альенде помог «брату», применив президентские полномочия. Генерал остался на военной службе. После переворота Х.Брэди как командующий гарнизона Сантьяго стал одним из ближайших подручных Пиночета. Стремительную карьеру на преследованиях сторонников Народного единства

сделал и генерал С.Бенавидес. Пиночет назначил его министром внутренних дел, затем министром обороны и, наконец, сделал его членом хунты.

Между тем ложа Хирам N 65, в которой состоял Альенде, заняла критическую позицию в отношении политической ситуации в стране и пыталась склонить к этому других «братьев». Однако Большой совет Великой Ложи Чили, как считается, под давлением военных властей пресек подобные устремления. Хирам N 65 была распущена. Вероятно, речь шла о том, чтобы остальным масонским объединениям выжить в условиях военного режима, объявившего войну марксизму. Но в самой Великой Ложе отношение к марксизму было неоднозначным. Оказывается, здесь тоже, как в Социалистической партии, ставился вопрос о его несовместимости с масонством. В июле 2008 года бывший Великий Мастер Хорхе Карвахаль Муньос (период 2002-2006 гг.) сделал любопытное признание: «Марксистская философия, как и другие, представляет собой один из методов, с помощью которого стремятся познать и понять законы, определяющие историческое развитие человечества. То, что отталкивает многих, – это марксизм-ленинизм, который отдает предпочтение насилию как методу решения социальных проблем. Хотелось бы вспомнить, как в начале 70-х годов прошлого века на Ассамблее Великой Ложи было предложено объявить о несовместимости масонства и марксизма. Но это предложение было отвергнуто благодаря позиции масштабных личностей масонства… Их аргументы сводились к тому, что масонство в соответствии со своими идеями не может осуждать какую-либо философию или идеологию».

В настоящее время в масонских объединениях Чили состоят люди самых разных политических и религиозных убеждений. Среди них снова немало социалистов и их приверженцев. Следуя традиции, регулярные масоны продолжают действовать в сфере образования и культуры, занимаются благотворительностью, участвуют в финансировании некоторых учебных заведений.

По данным на 2018 – 2019 годы в Чили существовало 216 регулярных масонских лож, разбросанных по всей территории страны. Все они достаточно автономны в своей деятельности. Великая Ложа выступает как их координатор, объединяя примерно 13 тысяч «вольных каменщиков». Кроме того, в Чили насчитывалось около 3 тысяч «либеральных масонов», имеющих свои независимые ложи. Это более поздняя ветвь мирового масонства. Члены этого течения отказались от некоторых основополагающих положений, которых придерживаются в регулярных ложах. Либеральные масоны провозглашают полную свободу совести. Они принимают в свои ряды и агностиков, и верующих, и атеистов. Даже призна-

ние Великого Архитектора Вселенной необязательно. Считается, что это личное дело каждого. Главное – приверженность моральным принципам масонства. Для либеральных масонов характерна высокая степень политизации и свободомыслия. Либеральные ложи в отличие от регулярных могут быть не только мужскими, но и женскими, и смешанными.

После падения диктатуры Пиночета было восстановлено доброе имя генерала Альберто Бачелета. Новое руководство ложи «Ла Кантера де Лас Кондес» отвергло все прежние обвинения в адрес своего погибшего «брата». Имя генерала было присвоено одной из школ Сантьяго и читальному залу Университета Республики. А его дочь Мишель Бачелет, врач по образованию, станет видным деятелем Социалистической партии и первой в истории Чили женщиной президентом (2006 –2010 гг.). Потом она будет еще раз избрана главой чилийского государства (2014 – 2018 гг.)[1]. Перед своим первым избранием Мишель Бачелет скажет, что унаследовала от отца чувство долга и ответственности перед людьми, способность свободно мыслить. Она с уважением относится к масонским ценностям, которые исповедовал ее отец. Тем не менее, Мишель Бачелет не вступила в масоны, хотя в Чили существуют и Великая женская ложа, и Великая смешанная ложа.

После возвращения к демократии в Чили была восстановлена ложа Хирам N 65. Ее члены взяли на себя заботу о создании бюста «брата по ложе» – погибшего президента Сальвадора Альенде. Бюст был установлен в галерее известных масонов в Великой Ложе. 4 сентября 1990 года, 17 лет спустя после смерти Альенде, демократическая власть провела церемонию перезахоронения президента со всеми положенными ему как главе государства почестями. В тот день больше 600 масонов собрались в Великой Ложе почтить его память. С тех пор каждый год накануне 11 сентября, дня гибели Альенде, члены ложи Хирам № 65 возлагают венок к его памятнику у дворца «Ла Монеда». Имя Альенде вошло в число не только выдающихся масонов Чили – оно включено в список 100 великих масонов всех стран и времен.

1 С сентября 2018 года Мишель Бачелет – Верховный комиссар ООН по правам человека.

Игорь КУДРИН

На Родине Дон Кихота

Путешественник с душой мечтателя

(Слово об авторе)

Испания была его Прекрасной Дамой. Игорь Кудрин всем сердцем полюбил эту живописную страну с ее бурной историей, мужественным народом и всемирно известной литературой. Одиннадцать лет он жил и работал на родине Дон Кихота, постоянно выходя в эфир программы «Время» со своими репортажами с этой благословенной земли, которую исколесил вдоль и поперек.

Но журналистский путь Игоря Кудрина начинался на дальних рубежах России. По своей натуре он был мечтателем. Еще в старших классах, начитавшись книг, мысленно путешествовал по Сибири, Дальнему Востоку и Крайнему Северу. Как и многих сверстников, его манила романтика освоения этих просторов с несметными природными богатствами и суровой красотой. Когда на комиссии по распределению выпускников журфака МГУ 1960 года Игоря спросили «Где бы вы хотели начать свой трудовой путь?», он без промедления ответил: «На Сахалине». Его и направили работать на далекий остров. Там он пробыл три года. Делал репортажи для местного радио, писал очерки в областную газету. В московской печати его материалы с Сахалина впервые появились в «Учительской газете». Почему именно в ней? Оказалось, что Кудрина привлек к сотрудничеству с этим изданием его школьный учитель по литературе, ставший к тому времени заместителем главного редактора «Учительской газеты».

Возвратившись с Сахалина в Москву, Игорь заинтересовался международной журналистикой, и пришел на иновещание – в Латиноамериканскую редакцию. С упорством принялся за изучение испанского языка на специальных курсах. Теперь его снова ожидало дальнее путешествие – на этот раз на другой край земли – в Чили, на годовую языковую стажировку в Чилийский университет (г. Сантьяго). После учебы продолжилась работа на иновещании – до нового интересного путешествия. В 1978 году Кудрин стал первым корреспондентом Гостелерадио в Испании, приехав в Мадрид после сороколетнего правления генерала Франко. Ему предстояло сделать радийное и

телевизионное открытие для наших людей страны, вставшей на путь демократии. На протяжении шести лет Игорь дарил зрителям прекрасные «испанские репортажи». После возвращения в Москву его всецело захватила работа политического обозревателя, он комментировал мировые события в программе «Время» и «Международной панораме». А в 1991 году журналист снова собрался в дальний путь, опять в свою любимую Испанию. На этот раз зарубежная командировка затянулась на пять лет.

Итогом продолжительной работы Кудрина в Испании стали не только яркие телефильмы «Дрогами Дон Кихота», «Мадридская фиеста», «Испания далекая и близкая», но и увлекательная книга «Испанцы у себя дома». На ее страницах автор предлагает посмотреть на родину Дон Кихота не только как на солнечный туристический рай. Он делится своими многолетними наблюдениями и впечатлениями о поездках по городам и провинциям страны, рассказывает про семейный уклад, быт и повседневную жизнь испанцев, про их национальный характер, помогая читателю узнать невероятно интересную Испанию изнутри.

Человек дружелюбный и общительный, Кудрин оставил в Испании много хороших друзей. За длительное пребывание на родине Сервантеса и за присущее Игорю рыцарское благородство я дружески называл его «идальго». В ответ он только улыбался.

В последние годы Кудрин тяжело болел. Он мужественно боролся за жизнь, проявляя большую силу воли, но болезнь прогрессировала и оказалась сильнее. В начале февраля 2021 года его сердце остановилось Мы, давние друзья и коллеги, потеряли «нашего Игорька».

Леонард Косичев

Почти два десятка раз летал я по маршруту Москва - Мадрид - Москва. И все же самый первый полет за Пиренеи, в испанскую столицу, по-особому врезался в память. Было это августовским днем 1978 года. Самолет взмыл вверх, вскоре под крыльями надолго исчезло любимое Подмосковье. Просторный салон «Боиига», принадлежащего компании «Иберия», до предела забит возбужденными испанскими туристами. Они все еще живут московскими впечатлениями: шумно обмениваются мнениями, показывают друг другу наши незатейливые сувениры – балалайки да матрешки.

Я – первый корреспондент Гостелерадио, а значит, и входящего в его состав иновещания («Московского радио»), направляюсь на постоянное место житель-

ства и работы в Мадрид и с некоторой настороженностью всматриваюсь в окружающих. Ведь среди этих людей мне предстоит жить и работать недели, месяцы, годы. Даже не догадываюсь, что вскоре они станут героями моей книги «Испанцы у себя дома».

Хотя испанцев я вроде знаю давно и хорошо. На «Московском радио», вещающем на многих языках мира, в том числе испанском, работало немало специалистов, выросших из поколения так называемых «детей войны». В годы гражданской войны в Испании наша страна приняла у себя почти три тысячи мальчишек и девчонок, спасая их от верной гибели. Поселили их в наших городах, хорошо устроили в детских домах, обучили, позже дали хорошие профессии. Пилар, Анхел, Каталина, Хосе, Африка. Аугустин, Хоакин... Публицисты, репортеры, режиссеры, дикторы, коллеги и друзья. Вместе трудились, ходили в театры, играли в футбол, отмечали праздники. Среди них - такой корифей, как Эусебио Симорра, главный редактор газеты «Мундо Обреро» в годы гражданской войны в Испании (1936-1939). Назвать его просто прекрасным журналистом, значит ничего не сказать. У него, обладателя самой престижной награды нашего Союза журналистов, можно было учиться по каждой написанной им строке, по каждой произнесенной в эфире фразе. Материалы Симорры предназначались для его соотечественников, с которыми его на долгое время разлучили война и диктатура. Но прежде, чем он вернется на родину (а мы с ним обязательно встретимся в Мадриде, я предчувствую), ему еще предстоит долго и напряженно работать, к чему он привык с юности.

Разумеется, я уже набросал темы своих первых теле- и радиорепортажей, корреспонденций, очерков. Недаром в чемоданах лежали книги об Испании, блокноты с выписками из художественной литературы, изданий о древней и современной Испании. Все, что с трудом сумел найти на скудных полках наших магазинов того времени. Конечно, главное – два томика «Дон Кихота». Тогда еще не знал, что свой первый телефильм сниму о его родной Ла – Манче...

Со мной книги о четырех путешествиях Колумба. Представить себе не мог, что однажды перешагну порог особняка его прямого потомка, тоже Христофора и тоже адмирала, для того, чтобы взять у него интервью. Везу с собой и сборник стихов моего любимого поэта Федерико Гарсиа Лорки. И в его родной Гранаде не раз побываю. Увижу и дом, где родился этот удивительный талант, и еще безымянную в ту пору могилу, куда после расстрела его бросили франкисты.

Заранее переживаю за одну из главных для журналиста проблем: как пойдут на контаты с журналистом из России жители этой, пока незнакомой мне страны, которые должны стать действующими лицами моих будущих кинолент и передач? Разрешат ли снимать шествия франкистов и манифестации против терроризма, народные фиесты и корриду? Испания только-только встает на путь перемен, к которым люди с трудом привыкают после десятилетий диктаторского режима. Ну, а яркое солнце, голубое небо, манящее море я пока оставляю для наших туристов. Они только-только начинают летать сюда на отдых: мода на испанскую природу и экзотику придет позже.

Но мысли о скорейшем осуществлении проектов для Останкино и Радиодома на Пятницкой улице рухнули разом, когда в Барселоне пришлось пересаживаться на самолет до Мадрида. В местном аэропорту с оператором Леонидом Придорогиным занялись перегрузкой своего громоздкого багажа с оборудованием, когда к нам подошли два здоровых каталонца в полицейских мундирах. Нашу «команду» из двух человек ждали первые на испанской земле осложнения. Несмотря на тщательно оформленные документы, разрешавшие провоз на испанскую территорию техники и аппарагуры, один верзила, подозрительно взглянув на нас, тут же исчез со всеми нашими бумагами. Минут через 20 вернулся с начальником, сонным и грубым.

– Русские? – так здесь всегда называли граждан СССР. – Все ваше имущество остается у нас. После проверки мы сами доставим его в Мадрид. После этих важно произнесенных слов начальник удалился. Наверное, пошел досыпать.

В испанскую столицу мы летели почти пустые. Почему-то вспомнились слова Сервантеса о том, как он характеризовал Барселону: « хранилище учтивости и приют для чужеземцев». Позже я убедился, что жители прекрасного города не имеют ничего общего с нашими первыми знакомыми на каталонской земле.

А в Мадриде нас ждала совсем другая встречав – в аэропорту первопроходцев Гостелерадио ждал элегантный молодой дипломат. Услышав историю нашего приземления в Каталонии, спокойно сказал: «Здесь сегодня и не такое случается. Не волнуйтесь, вернем ваши камеры и микрофоны». Это был советник нашего посольства Игорь Иванов, ставший потом послом России в Испании. Много лет спустя, уже после возвращения в Москву, мне как журналисту приходилось сопровождать его в качестве министра иностранных дел нашей страны в ту же Испанию и в далекие латиноамериканские путешествия. А тогда наше имущество, хоть и с большой задержкой, действительно вернули в целости и сохранности, правда, по-

мятым и растерзанным. Видимо, оно прошло довольно серьезный досмотр. Наконец, можно было приступать к работе.

Тема первого репортажа возникла неожиданно, но была крайне актуальной в ту пору. Я освещаю ход международной конференции солидарности с народом Чили, боровшимся против диктатуры Пиночета. И здесь меня ждет неожиданный сюрприз. После поэта Евгения Евтушенко на трибуну поднимается высокий худой человек, лицо которого мне показалось до удивления знакомым. Вспомнил!

Однажды мне, молодому репортеру редакции вещания на испанском и португальском языках «Московского радио», поручили взять интервью у известного художника Бориса Коржевского. Несколько месяцев он работал на острове, создав там свыше 60 полотен – пейзажей, жанровых сцен, портретов. После беседы в студии на улице Горького Борис подарил мне книгу с репродукциями своих работ. Перелистываю страницы. И вдруг с одной из них на меня взглянул изможденный, судя по виду много переживший человек, явно не кубинец. «Это испанский поэт Маркос Ана, с которым я познакомился в Гаване, – пояснил художник. – Почти мальчишкой он пошел защищать республику, был ранен, попал в плен к франкистам, которые приговорили его к расстрелу. Однако позже судьи «помиловали» Маркоса по молодости, посадив за решетку на 23 года... ». Тогда я и представить себе не мог, что через 15 лет это заочное знакомство будет продолжено на мадридском форуме солидарности.

После заседания подхожу к нему: «Здравствуйте, камарада Маркос». Рассказал ему о нашем заочном знакомстве. Поэт улыбнулся. Разговорились. Оказывается, настоящее имя испанского поэта другое – Фернандо Макарро. Маркосом был его отец, который сошел с ума после первого приговора, вынесенного сыну трибуналом франкистской диктатуры. Аной звалась его мать. Она умерла возле тюремной стены, где ее Фернандо томился уже несколько лет. Так родился литературный псевдоним бывшего узника.

Узнав, что я работал на «Московском радио», Маркос поведал мне необычную историю. Однажды после очередного допроса его, обессиленного и окровавленного, бросили на холодный пол камеры печально знаменитой мадридской тюрьмы «Карабанчель» (ее снесли после прихода демократии). Вдруг он почувствовал: из-под двери камеры чья-то рука просовывает ему открытку. С трудом прочитал в полутьме: «Русские разбили фашистов на Волге. Скоро Гитлеру конец. Держись, как герои-сталинградцы». С тех пор время от времени Маркос получал такие послания. Позже выяснилось: это один надзиратель, сочувствовавший рес-

публиканцам, по ночам слушал новости из Москвы на испанском языке, а потом излагал их в нескольких строках тем, кому особенно доверял. Маркос Ана, перешагнувший тюремные ворота в 19 и покинувший заключение в 42 года, сказал: «Передаваемые вами вести были для заключенных как глоток свежего воздуха. Они придавали мне и моим товарищам по несчастью силы, порождали надежду на жизнь, на свободу».

А самая первая встреча со слушателями передач «Московского радио» на испанском языке произошла на второй день после прилета в Мадрид. Покрой моего московского костюма, фасон ботинок явно не соответствовали местной моде. Пошел на торговую улицу Браво Мурильо. В обувном магазине молодой элегантный сеньор, явно хозяин, услужливо выставил передо мной с десяток коробок - выбирай на любой вкус. Узнав, что перед ним русский журналист, имеющий отношение к «Московскому радио», с гордостью сказал: «Я вас слушаю. Моя самая любимая передача «Мозаика». Я подружился с Хосе Луисом Буэно и перезванивался с ним, уже возвратившись в Москву. Иногда он даже выступал в эфире «Голоса России» (так после распада СССР было переименовано «Московское радио»[1]). Хосе рассказывая о жизни и быте мадридцев. В общем, радио помогло мне обрести дружбу. А коллективного друга я случайно заполучил во время подготовки репортажа в лице рабочих фабрики швейных ашин «Зингер», что находится недалеко от столицы.

Познакомился с двумя десятками мужчин и женщин, которые слушают нас долгие годы – традиция передается из поколения в поколение. Механики и слесари не просто слушают далекую Москву, но наутро непременно пересказывают друг другу услышанное, делятся впечатлениями о передачах, называя по именам их авторов и любимых дикторов той поры – Катю Олевскую и Луиса Чекини.

Теперь пора рассказать о моей многолетней дружбе с испанскими летчиками. В середине 80-х случай свел меня с Хосе Мария Браво. Вместе с друзьями из Ассоциации пилотов-республиканцев он регулярно посещал кафе на столичной площади Кеведо. За чашкой крепкого кофе или бокалом легкого вина ветераны решали какие-то свои задачи, предавались воспоминаниям о боях под Мадридом и Сталнградом, на Курской дуге, даже под Берлином. Мы записывали их рассказы

1В 2014 году на смену «Голосу России» пришла радиостанция Sputnik, которая входит в медиагруппу «Россия сегодня».

на магнитофон, снимали на кинокамеру. Волнующие воспоминания испанских летчиков звучали в программах нашего телевидения и радио.

На этих товарищеских посиделках я узнал о том, как мои новые друзья в годы гражданской войны проходили учебу в советских летных училищах, а потом на наших истребителях били сначала франкистов, а после поражения Республики и сложного, с приключениями, «переселения» в Советский Союз - сражались с гитлеровцами в годы Великой Отечественной войны.

Одни продолжали летать, став грозой фашистских бомбардировщиков. Другие ушли в партизанские отряды, нападали на немецкие колонны, пускали под откос вражеские поезда с танками, оружием, солдатами. Помню, как гордились советскими офицерскими званиями и нашими боевыми наградами Антонио Гарсиа Кано и Франсиско Мероньо.

Они же поведали мне о своем друге Луисе Лавине, одном из тех «испанских детей», что были увезены в СССР от ужасов гражданской. В начале нашей Отечественной ему было всего 16 лет, однако уже через два года он принимал участие в воздушных сражениях. Фронтовые товарищи погибали, получали ранения, а Луис прошел все испытания, остался цел и невредим. Кстати, на счету его наставника, Хосе Мария Браво, получившего звание полковника наших ВВС, – 160 боевых вылетов и 23 сбитых вражеских машины.

Порой во время бесед ветераны с соответствующими витиеватыми испанскими извинениями вспоминали, что перед ними российский корреспондент, имеющий прямое отношение к радио, вещающему яа зарубежные страны. «Мы слушали Москву на своем родном языке в разных частях России и всей Европы, – вспоминал Хосе Браво. – Сам понимаешь, времени для прослушивания у нас было в обрез. Но когда выпадала возможность, и под рукой оказывался приемник, сразу настраивались на знакомые волны и позывные. Ведь дикторы рассказывали нам не только о ходе боев с гитлеровцами, но и о трагической ситуации, сложившейся у нас яа родине».

9 мая 1995-го вместе с Хосе и его товарищами я поехал в пригород Мадрида, где на старинном кладбище Фуэнкарраль в братском могиле покоятся свыше ста российских военных, погибших за свободу Испании. Возложили цветы. Помянули героев стаканом красной «Риохи». Поминальную церемонию сняли на кинокамеру. Позже, на приеме в посольстве России, моим попутчикам вручили памятную юбилейную медаль в честь 50-детия победы над фашизмом. Первый тост, который

произнесли разом помолодевшие старики, прозвучал вполне логично: «За нашу общую победу!»

Помню, когда впервые я отправлялся в Испанию, один из руководителей Гостелерадио давал напутствие: «Темы всегда должны быть серьезными: безработица, эксплуатация трудящихся, положение женщин в буржуазном обществе, давление американского империализма на Испанию и происки НАТО. Ну, сам знаешь, тем интересных немало. А то еще вздумаешь нам о корриде да фиестах рассказывать. У нас и своих праздников хватает, да и быков тоже...».

Однако постепенно времена менялись. И на смену заказам на репортажи о публичных представлениях очередных трудов Леонида Ильича Брежнева, о вечных протестах против безработицы и Североатлантического альянса поступали более приятные для сердца зарубежного корреспондента просьбы. Правда, и раньше существовали отдушины на телевидении, и на радио, которыми я всегда с удовольствием пользовался.

Не раз я встречался с известным поэтом Рафаэлем Альберти, горячо откликавшимся на просьбы поучаствовать в наших передачах. Поздравлял его с 90-летнем, которое торжественно отмечалось в мадридском Дворце конгрессов.

Нередко выступал в нашем эфире и создатель таких киношедевров, как «Главная улица» и «Смерть велосипедиста», режиссер Хуан Антонио Бардем. При записи всегда подшучивал над своей первой профессией: «Ну, вот и агрономы зарубежному радио стали интересны... Кстати, я вас слушаю время от времени, но мне кажется (извини, может, ошибаюсь), что о сельском хозяйстве и промышленности вы рассказываете с большим энтузиазмом, чем о театре, кино и литературе». Примечательно, что испанский писатель лауреат Нобелевской премии Камило Хосе Села ни о политике, ни о литературе говорить не желал, предпочитая рассуждать о нравах нынешнего общества, древней архитектуре и религии. Еще чаше он жаловался на финансовые конфликты с нашими издательствами, печатавшими его романы.

Из Мадрида я не раз ездил в Португалию. Меня всегда восхищало, что и испанские республиканцы, не сломленные во франкистских застенках, и португальские патриоты, которые по четверти века провели на салазаровской каторге, – считали для себя честью встретиться с корреспондентом из Москвы, поведать о самом заветном в своей жизни, зная, что их услышит огромная международная аудитория.

А знаменитая певица и киноактриса Сара Моитьель, крестьянская дочь из Ла-Манчи (ее подлинное имя Мария Антония Абад), обрадовалась, что ее покажут в Москве по первому телеканаалу. В интервью она поделилась самым сокровенным, о чем в то время мечтала: «Знаете, я по-прежнему хорошо пою и танцую. Возраст мне не помеха. Хочу на гастроли в Москву». «Скажи Хосе, – обратилась она к мужу уже после того,как камера была выключена, – что я понравлюсь русским мужчинам, как когда-то Марлону Брандо, Рафу Валлоне, Кирку Дугласу...». «Еще бы! Конечно!», – подмигивал мне остроумный Хосе.

Однажды, совсем неожиданно, из «Международной панорамы» перво-го канала ТВ поступила заявка. Мол, сколько работаешь, а о корриде ни единого кадра. Я искренне оправдываюсь: там рекой льется кровь животных, порой погибают торерос. Привожу и решающий, бухгалтерский аргумент. Коррида – это дорогое зрелище. Чтобы получить разрешение на профессиональный репортаж, нужно заплатить владельцам арены, хозяевам быков и гладиаторов огромную сумму - 50 тысяч долларов. Этот аргумент был самым весомым.

Однако сам себе я советовал: надо быть более пробивным и находчивым. Как ни странно, мне довелось договориться с импресарио, опекавшим знаменитого в ту пару матадора Хосе Антонио Кампусано. Встреча с ним происходила в отеле «Веллинггон» на улице Веласкеса, давно оккупированном людьми из мира корриды. Здесь они заключают сделки, ведут торговлю «живым товаром» – людьми и быками. Любопытствующий богатей, впервые в своей жизни увидевший живого русского, согласился на определенный убыток. Почему? Да он только и спрашивал: «Что, и вправду коммунисты разрешат тебе показать по телевидению корриду? А Хосе сможет выступить по вашему радио по-испански?».

Хосе переодевается в мрачном номере отеля при свечах, хотя за окном светит жаркое мадридское солнце. Но уж такова традиция. Помощники облачают бойца в голубой, расшитый золотом костюм, натягивают традиционные розовые чулки. Невероятная элегантноть! Теперь на арену для боя быков «Лас Вентас» его повезут в большой темной машине с зашторенными окнами. Ибо, по старой традиции, через окна он не должен видеть яркого света, узреть рясу священника или человека с раскосыми глазами. И не дай бог разглядеть где-то ненавистную для всех тореро цифру «13». В порядке исключения, мне на одну минуту разрешено спуститься к Хосе перед самым его выходом на арену, чтобы взять короткое интервью. Парень старательно оправляет костюм и чулки – нигде не должно быть ни единой складки, за которую бы мог зацепиться бычий рог. «Волнуешься?», - спра-

шиваю я. Он крестится, что-то нашептывая про себя, и идет к распахнутой калитке арены. «Все будет в порядке», – говорит мне Хосе на прощанье. Действительно, на песчаной арене все складывалось на редкость хорошо. В сравнении с двумя коллегами, которым также досталось в соперники по два быка, он был лучшим. Болельщики вынесли Хосе с арены на руках – в знак особой смелости и умения рисковать.

… Передо мной подробная карта Испании, с общенациональным скоростными трассами и небольшими проселочными дорогами. Этими путями я мчался и колесил, отыскивая места, связанные с Сервантесом и его главным героем. А в Севилье моим гидом добровольно стал парикмахер -Хосе Меладо, чемпион Европы по модной мужской стрижке, а заодно поэт, певец, популярный ведущий городской радиостанции. Кстати, однажды пригласил меня сесть в кресло: мол. когда я еще постригусь у настоящего севильского цирюльника? Я отказался. Знал, что денег с гостя из Москвы он не возьмет.

Ну, а Гранада – вечное напоминание о непростой истории Испании и о великом ее сыне - Федерико Гарсиа Лорке. Радиослушателям иновещания и телезрителям первого канала я не раз подробно рассказывал о родных местах великого испанца. В этом мне помогал лучший в мире знаток его жизни и творчества шотландец Ян Гибсон. За свои труды и усилия по изысканиям каждой детали из жизни Лорки, за пропаганду творчества поэта он получил от короля Хуана Карлоса звание почетного гражданина Испании. После этого Ян навсегда переселился в провинцию Гранада, поближе к Лорке.

Однажды в передаче из Москвы на испанском языке он услышал мой рассказ о Гранаде и Лорке – версии о том, как его предали, схватили, продержали ночь в полуразрушенной мельнице, а под утро убили. «Все верно. Но я хотел бы дополнить твой рассказ тем, что связано с твоим радио, – сказал Ян. – Когда франкисты его расстреляли и бросили в общую могилу с крестьянином и двумя местными тореро. Все знали: Лорка – талантливый поэт, борец за правду, человеческое достоинство и справедливость. Однако он был далек от политики. Но пропаганда Франко одной из версий его мнимых преступлений назвала (не смейся) прослушивание по ночам «Московского радио».

...Расставаясь с Мадридом после многих лет журналистской работы в Испании, медленно бреду от Пласа-де-Торос к площади Рима. Еще два-три поворота и оказываюсь в живописном парке Фуэнте-де-Берро, где среди вечной зелени на пьедестале возвышается Александр Сергеевич Пушкин. При жизни ему так и не

довелось увидеть эту страну, о встрече с которой он мечтал. «Благословенный край, пленительный предел!» – и спустя столетия не сказать лучше об этой волшебной земле. Смотрю на бронзовую фигуру поэта, который остается здесь навсегда...

Дмитрий ПАВЛОВ

Последний пароход

В начале сороковых годов моя мама Павлова Вера Иосифовна работала воспитательницей в детском саду Союза Писателей. Я, малыш 1937 года рождения, конечно же был при маме. В начале войны часть писателей вместе с детским садом были эвакуированы в городок Чистополь на реке Каме. Волга в среднем течении делает огромную излучину в сторону Урала на несколько сот километров, где в неё впадает Кама. Поэтому Чистополь находился далеко от линии фронта.

В детсаду я с мамой находился на полном продовольственном обеспечении и совершенно не голодал. Хотя манная каша на завтрак была ежедневным рационом на многие месяцы и я ей наелся на всю жизнь. По-видимому у всего персонала детсада вычитали часть денег из зарплаты на питание. Детей же кормили бесплатно – всё-таки дети писателей.

Осенью 1942 года, когда немцев отогнали от Москвы, мама решила вернуться в родную комнату. Жилье в Москве в то время было страшным дефицитом. В город нагрянули беженцы из западных областей страны, успевшие удрать от немецких оккупантов. Мама боялась потерять семиметровую комнату в пятикомнатной коммунальной квартире. Помню, соседи «воевали» с домоуправлением, занявшим их две комнаты во время эвакуации.

Поздняя осень. Последний рейс навигации 1942 года. Мы сидим на пристани. Пароход придёт сегодня, но когда?! И тут мама вспоминает, что забыла продовольственные карточки! Проблемы питания в саду ведь не было. В Москве без карточек – верная смерть! Зарплата у мамы 450 рублей, как у уборщицы. Буханка чёрного хлеба на рынке – 100 рублей, бутылка водки – 500. Картошку на подоконнике ведь не вырастишь. Потом мама радовалась: она получала на «рабочую» карточку в Москве 400 грамм чёрного хлеба. Служащим полагалось значительно меньше. (Нашёл профсоюзный билет мамы конца 30-х годов с уплатой членских взносов с зарплаты 236 рублей).

От пристани до детсада 4 километра. И мама побежала. А пароход пришёл и сразу отправился в затон, на дровяной склад, грузиться топливом. Нас, около десятка пассажиров и меня с вещами, погрузили на небольшой катерок и повезли туда же, к пароходу.

Мама прибегает обратно на пристань, а парохода нет. Меня нет! Ей говорят – беги в затон. Затон в двух километрах вверх по течению. Бежит и видит на полдороге – пароход идёт навстречу вниз по реке. Представляете, что с ней было?! Она – мать-одиночка, бывшая изнеженная дворянка 1900 года рождения, уже потерявшая двух детей: трёхлетнюю Машу – дизентерия, сына Борю 7 лет – воспаление лёгких. Лекарств же не было! Я, последыш, родился после их смерти. Мама родила меня в 37 лет. Мой отец в Сталинских лагерях. Как же она надо мной тряслась! В младенчестве я тоже перенёс воспаление лёгких. Она вырвала меня из лап смерти! Как же жестока иногда судьба к человеку!?

И тут, через 3 минуты, следом за пароходом тащится тот же катерок. Я хорошо помнил, что запасливая мама обменяла на местном рынке второе зимнее пальто на горшочек с медом. За полчаса, что мы ехали обратно, я добрался до горшочка. Не помню, откуда я взял ложку. Но я успел от души полакомиться!

Мама смотрит, на кулях с вещами восседаю я.

В Москву мы вернулись весной 1943 года.

Мой отец с детства жил в самом центре Москвы: Газетный переулок, дом 9 (позже это улица Огарева, 9). С верхнего этажа дома, где они проживали, хорошо видны стены и башни Кремля. 300 метров по прямой через Манежную площадь. В конце тридцатых годов прошлого века отец работал нормировщиком. У него было среднее специальное образование.

В середине 1938 года отец встретил в Магазине у прилавка товарища детства, эстонца по национальности, с которым они проживали в Российской империи в одном дворе. В 1918 году прибалтийские республики образовали свои буржуазные государства. И бывшие товарищи детства, несмотря на то, что прошло двадцать лет (в момент расставания им было 10-11 лет) узнали друг друга и несколько минут проговорили у прилавка. Эстонец сказал, что он работает шофером автомобиля при эстонском посольстве в СССР.

При выходе из магазина отца задержали сотрудники НКВД и доставили в одно из его отделений, откуда отец уже не вышел. Ему предъявили обвинение в шпионаже в пользу Эстонии. В том же месяце отец был осужден на 5 лет лагерей

и вскоре этапирован на Дальний Восток. Адрес лагеря (мать переписывалась с отцом) – поселок Берелёх Хабаровского края. На самом деле этот поселок находился в тундре, среди сопок, на 800 километров севернее Магадана. Большая автобаза – единственный транспорт там, в условиях крайнего севера. Отец работал по прежней своей специальности нормировщиком. У него был каллиграфический почерк (у меня сохранилось несколько его писем). Он помогал начальнику лагеря составлять ежемесячный отчет, и тот его подкармливал. Но позже отец всё равно говорил: «За свой кусок хлеба тогда нужно было держаться двумя руками. Вырвут.»

В 1943 году у него окончился срок заключения, но выехать он не мог. Он был переведён в разряд вольноотпущенных работников и стал получать зарплату. В условиях крайнего севера в СССР существовали значительные надбавки к зарплате. В начале пятидесятых годов отец получал там 2400 рублей и четверть зарплаты посылал нам. В Москве квалифицированный токарь-карусельщик получал 1000 рублей. Батон нарезного хлеба в магазине перед денежной реформой 1961 года стоил 1 р. 35 коп.

ОБ АВТОРАХ

Бузгалин Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор МГУ, директор Института социоэкономики Московского финансово-юридического университета.

Букреев Виктор Вениаминович – доктор экономических наук, профессор Российского государственного геологоразведочного университета им. С. Орджоникидзе (Москва), член Международного союза экономистов.

Водолазов Григорий Григорьевич – доктор философских наук, профессор МГИМО, вице-президент Академии политической науки

Гуселетов Борис Павлович – доктор политических наук, руководитель Отдела Политологии, Институт социально-политических исследований РАН

Калашников Владмир Валерьянович – доктор исторических наук, профессор

Котельников Михаил Евгеньевич – доктор философских наук, зам. гл. редактора журнала «Демократия и Социализм XXI»

Колганов Андрей Иванович – доктор экономических наук, профессор МГУ.

Косичев Леонард Анатольевич – журналист-латиноамериканист, заслуженный работник культуры РФ.

Кудрин Игорь Александрович – журналист, политический обозреватель Гостелерадио СССР

Павлов Дмитрий Валерьевич – инженер космической отрасли, пенсионер

Романов Борис Савельевич — историк, обозреватель портала «Социалист»

Рудык Эмиль Николаевич – д.э.н., профессор кафедры цифровой экономики и управления Института системного анализа и управления Государственного университета «Дубна», главный научный сотрудник Института социоэкономики Московского финансово-юридического университета (МФЮА), член Международного союза экономистов.

Славин Борис Фёдорович – доктор философских наук, профессор МПГУ, главный редактор журнала «Демократия и социализм XXI»

Стратиевский Дмитрий Валероевич – доктор истории, политолог, активист СДПГ (ФРГ)

Щербаков Константин Александрович – кандидат философских наук, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, в 1992-1998 гг. заместитель министра культуры Российской Федерации.

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «Демократия и Социализм XXI»

К печати в журнале принимаются материалы на русском языке, содержащие результаты самостоятельных научных исследований авторов, публицистику, художественную и мемуарную литературу, рецензии на вышедшие книги. Их тематика должна соответствовать общему профилю журнала и быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной общественности, а также не содержать призывов к нарушению законодательства РФ, дискриминации по расовым, этническим, религиозным и иным признакам, оскорблений чести и достоинства отдельных личностей. Объем статей не должен превышать 30 страниц формата А4, включая рисунки, таблицы и список цитируемой литературы (не более 15 пунктов).

Требования к оформлению статей

1. Материалы принимаются в виде текстовых файлов с расширением .doc,.docx, .odt.;

2. Основной шрифт статьи - Times New Roman или Areal, кегль - 12-14 pt, межстрочный интервал – 1,5;

3. Поля: слева - 2 см, сверху - 2 см, справа - 2 см, снизу - 2 см; от края до колонтитула верхнего – 1,5 см, нижнего – 1,5 см.

4. Для текстовых выделений используются курсив и полужирный шрифт. Не следует для этих целей использовать разрядку и набор прописными буквами, подчеркивания;

5. Цвет шрифта – чёрный;

6. Нумерацию таблиц, рисунков следует проводить арабскими цифрами. Латинские названия объектов набираются строчными буквами курсивом;

6. Примечания оформляются как сноски в конце страницы. Нумерация сносок на каждой странице начинается с единицы.

Материалы публикуются в авторской редакции! В штате редакции нет корректора, просим авторов проверять статьи на опечатки перед отправкой!